

ПИОНЕР

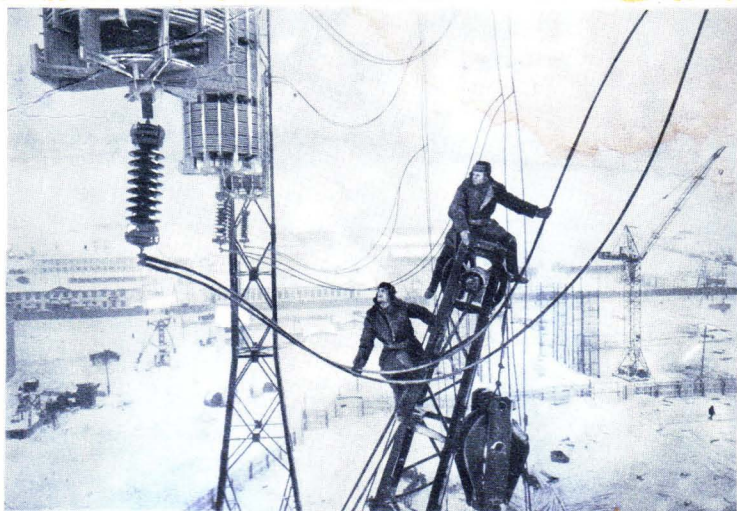
М А Й

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», 1956 год

5

Мачты и линии высоковольтных передач вовсе не такие ажурные и невесомые, какими они кажутся издали. Посмотрите, как выглядят вблизи изоляторы и провода на высоковольтной подстанции.

Подумать только, на какой высоте приходится работать смелым электромонтажникам! Нелёгкий у них труд, но благородный: ведь по этим проводам побежит ток, он будет двигать машины на заводах и фабриках, освещать концертные залы и библиотеки, помогать людям в быту.

Сегодня и Завтра

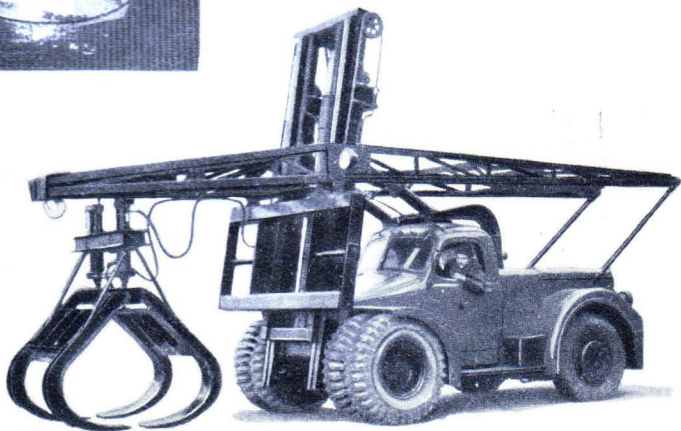
Несколько лет назад советские учёные придумали новый способ ловли рыбы. Тёмной ночью в воду на большую глубину опускается сеть, похожая на огромный сачок. К сети приделаны мощные электрические лампы. Яркий свет под водой привлекает со всех сторон кильку, и она попадает в сеть.

Рыбаки сейнера «Зенит», добывающего рыбу в Каспийском море, поднимают из глубины сеть. Богатый сегодня улов — живым серебром сверкает килька! Успевай только подставлять ящики!

Может ли один человек поднять груз весом в 10 тонн! Конечно, нет, будь он даже могучим силачом. Но если дать человеку механического помощника, то он сможет, оказывается, не только поднимать такие грузы, но и переносить их с места на место, укладывать в штабели и погружать на железнодорожные платформы и автомобили.

Такой чудесный помощник называется автопогрузчиком. Его выпускают на Украине, в городе Львове.

Посмотрите на фотографию: это автопогрузчик «4008» со специальными захватами для переноски леса.

ПИОНЕР

Е Ж Е М Е С Я Ч Н Ы Й Д Е Т С К И Й Ж У Р Н А Л
Ц Е Н Т Р А Л Ь Н О Г О К О М И Т Е Т А В Л К С М

№ 5
МАЙ
1956

В этом номере:

100 окошек на 4 стороны.—Лев Кассиль	2
За мир и счастье народов.—Долорес Ибаррури	6
Брат.—Рассказ А. Мошковского. Рисунки В. Каменского	8
Водяное сверло	16
О подписи.—Стихи Цветана Ангелова. Перевёл с болгарского Н. Войткевич. Рисунки В. Константинова	17
Как рождается сталь.—Очерк Ю. Моралевича. Рисунки С. Вецрумба	19
Стихи поэтов Армении	24
В дождь.—Рассказ Н. Мельникова. Рисунки Ф. Лемкуля	25
С фотоаппаратом по Индии.—Ю. Жуков	28
Джилли и Джунни.—Рассказ Джеймса Белларда. Перевёл с английского Л. Юрьев. Рисунки О. Коровина	33
Ещё больше цветов.—Н. Александров	43
Что это за звери?—Фото Ан. Анжанова	44
История кукурузного поля.—Е. Гарина	45
Рождение музея.—М. Эпштейн, научный сотрудник Государственной Третьяковской галереи	49
Сказка о малярной кисти.—Виктор Виткович, Григорий Ягдфельд. Продолжение. Рисунки Е. Щеглова	52
Готовьтесь к Международному фестивалю молодёжи	58
Почему и отчего	62
Народные сказки	64
Не бойся воды.—Д. Лобьсевич, заслуженный учитель РСФСР	67
В мире книг	70
Мастерская «Золотые руки»	74
Новосёлы Московского зоопарка.—А. Коровина, заместитель директора Московского зоопарка	78
В часы досуга	79

На обложке:

Фото Ю. Жукова «Слоны, участвовавшие в торжественной процессии. Город Коимбатор. Индия».

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

100 ОКОШЕК НА 4 СТОРОНЫ

Лев Кассиль

Много интересных комнат, залов, мастерских в Московском городском Доме пионеров. Приоткроешь одну дверь — летит навстречу, скользя по проводу, новенькая авиамодель. Заглянешь в другую — несётся на тебя большой пёстрый мяч, выскользнувший из рук пионерки-танцовщицы. Распахнёшь третью дверь — тишина, карандаши о картон шуршат: тут юные художники занимаются своим делом. А за соседней дверью такой стоит перестук, звон и лязг, что и заглядывать туда не надо, чтобы понять: пионеры-техники орудуют.

Есть тут комнаты юных шахматистов, юных судостроителей, будущих поэтов, электротехников, радистов!

Но есть одна комната, совсем особенная. Когда попадаешь в эту комнату, кажется, будто смотришь отсюда через сотни окошек за тысячи километров на все четыре стороны света. Поглядел в одну сторону — видишь своими глазами, чем занимаются китайские ребята, как живут ребята во Вьетнаме. Посмотрел в другую — узнаёшь, как учатся и отдыхают немецкие пионеры. И можешь даже спросить, что новенького у них в школе, как им живётся. И в этой же комнате ты получишь ответ на все вопросы, которые тебе хочется задать и японским, и английским, и китайским, и чешским, и французским своим сверстникам.

А между тем в комнате этой на самом деле всего лишь два окошка, и глядят они в уютный двор, выходящий в переулок Стопани, близ улицы Кирова. Почему же виден отсюда весь мир? Почему кажется эта комната в Московском Доме пионеров кругосветной?

Да потому, что она так и называется: Интернациональная. Это что-то вроде небольшого и уютного штаба, маленького радушного центра, где в крепкий узелок стягиваются нити дружеских международных связей пионеров Москвы. Про эту комнату знают не только московские школьники, которые завели хорошую, увлекательную дружбу со своими далёкими ровесниками в разных странах. Комнату эту знают ребята во многих уголках мира, откуда приходят интересные письма в конвертах с пёстрыми марками. Недаром юные филателисты, собиратели марок, организовали здесь кружок и пополняют редкостными марками свои коллекции и альбомы.

Но тут работают не только кружки охотников за марками. Чтобы дружба между ребятами разных народов развивалась и крепла, чтобы понимать лучше друг друга, нужно знание иностранных языков. И вот при Интернациональной комнате в Городском Доме пионеров занимаются кружки английского, французского и других языков. И дело подвигается так успешно, что юные лингвисты уже провели интересные вечера на английском и французском языках. На такие вечера, на вечера международной дружбы, сюда приезжают желанные гости. В Московском университете и в других столичных институтах учится немало молодёжи из стран народной демократии. И на пионерских вечерах, посвящённых интернациональным связям, услышишь и певучую «Маринике» в исполнении румынских студентов и «Направо мост, налево мост», распеваемую сту-

дентами Польши, и полюбуетесь танцами чехов, болгар, албанцев или своеобразной пляской друзей из Китая.

В эту комнату приходит интереснейшая почта. Письмоносцам тут хватает хлопот. Откуда только не пишут сюда!

— Вот, пожалуйста, распишитесь! Международное. Из Индии!

«Дорогой капитан пионерского клуба! Я не знаком с вами. Но хочу завязать с вами и вашими товарищами дружбу. Мне 14 лет, я живу в Калькутте. Это главный город штата Западная Бенгалия.

Вы, наверное, слышали о нашем великом поэте Рабиндранате Тагоре. Он родился в Калькутте. Рабиндранат Тагор побывал в вашей стране и посетил там пионерский клуб...

Руководители вашего государства Булганин и Хрущев побывали у нас в Индии, а также в Калькутте... Наш премьер-министр Неру также побывал в вашей стране, и мы никогда не забудем, как тепло встречали его там.

Мы с вами братья и сестры. Хинди, руси — бхай, бхай! Руси, хинди — бхай, бхай!

Ваш любящий друг Дулал Чанраборти».

И в конце своего письма Дулал Чанраборти нарисовал два скрещивающихся флага — советский и индийский.

Ну, а что пишут из Чехословакии?

«Здравствуйте, дорогие друзья!

Получили ваше письмо и фотоснимки. У нас была большая радость. Москва, столица СССР, прекрасна. Вы нам много пишете о жизни и работе в школе. Нас это очень интересует. Вы живёте в большой, чудесной Москве, но мы — только в маленьком городе Чехословацкой Республики. Мы читаем в газетах об успехах ваших физкультурников, шахматистов, футболистов...

По нашему радио часто передают новости советской науки и техники... Мы любим ваших писателей — Горького, Толстого, ваших поэтов — Пушкина, Исаковского, Михалкова, композиторов — Чайковского, Мусоргского... Мы изучаем русскую историю, мы знаем Александра Невского, Дмитрия Донского, Козьму Минаина, Пожарского, Кутузова, Суворова, славных героев, как адмирал Ушаков, Нахимов, Чапаев... Учёных — Ломоносова, Можайского, Лодыгина, Яблочкова, Павлова, Сеченова, Мичурина...

Ученики и ученицы 7-го класса средней школы города Кринец, округ Нымбург, ЧСР».

Пишут ребята из Албании:

«Шлём вам приветствие из Албанской Народной Республики. Если посмотреть на карту, то видно, что нас разделяют моря, реки и равнины, но сердца наши очень близки одно к другому. Нам всегда рассказывают про ваши успехи, и мы гордимся вами».

Школьница Наиле Бали из города Люшни рассказывает, что с помощью Советского Союза, приславшего мощные экскаваторы и специалистов, «осушаются болота, а на освобождённой земле сеют хлопок, пшеницу, рис и другие культуры». Она сообщает, что трудовые люди Албании с благодарностью говорят о Советской стране: «Пусть живёт, сколько живут горы, Советский Союз!»

А что новенького в Эльстерверде, в маленьком городке Германской Демократической Республики?

О, у пионеров Эльстерверды накопилось немало интересных новостей! Они рассказывают в своём письме о том, что их спортивная группа с успехом выступала в Дрездене на слёте пионеров ГДР и стала чемпионом республики. А сейчас все пионеры помогают строительству большого

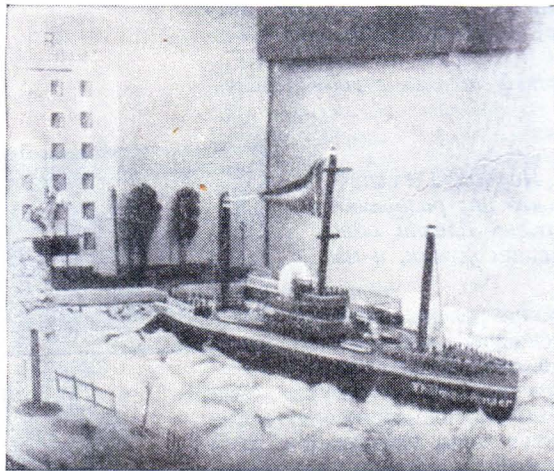
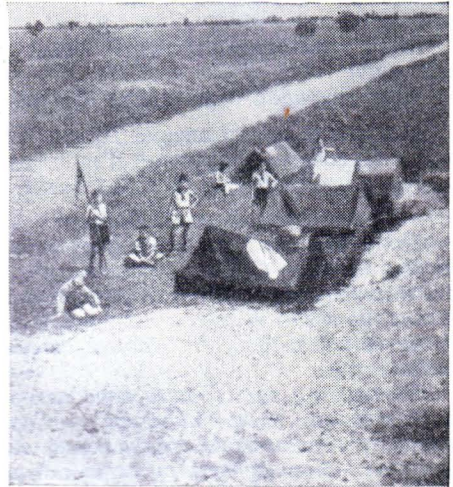

корабля — трёхтысячетонного торгового судна, которому будет присвоено имя «Пионеры-тельмановцы».

«Мы все помогаем строительству этого корабля, собираем железный лом, старую бумагу и стекло, смотрим и слушаем много фильмов и лекций о морском плавании. Весной 1956 года мы посетим со своими культурными и спортивными группами народное предприятие «Турбине» в Дрездене, которое изготовляет турбины для этого судна. Своими выступлениями мы хотим доставить удовольствие рабочим этого предприятия».

Вам покажут в этой «кругосветной комнате» не только письма со всех концов мира. Вы увидите здесь интересные альбомы, присланные в подарок московским пионерам из близких и далёких стран. Немало

Толстый альбом фотографий. На обложке весёлый и милый рисунок — поезд «Дружба». Станция отправления — Эльстерверда, станция назначения — Москва. Альбом этот прислали своим друзьям, московским пионерам, пионеры из маленького немецкого города Эльстерверда. Мы помещаем здесь всего несколько снимков, и то сразу видно, сколько интересных дел у немецких ребят. Они любят путешествовать, отдыхать на берегу реки, ночевать в палатке. Два снимка направо сделаны в одном из летних походов. А вот перед вами макет парохода, который будут строить на средства, собранные пионерами. И хотя парохода ещё не существует, у него уже есть имя — «Пионеры-тельмановцы».

труда и терпения вложили маленькие искусники Китая, Вьетнама, Болгарии, Венгрии в свои прелестные изделия, игрушки, фигурки, картонажи, присланные или привезённые сюда. Есть тут подарки из Японии, Чили, Боливии, с острова Мадагаскар.

Стойте! Посмотрите внимательно на эту посылочку из Японии. Её передали московским ребятам с фестиваля в Варшаве. Что это: ракетка для настольного тенниса «пинг-понг» или деревянный веер? Взгляните: на одной стороне изображён разрушенный, сожжённый город. Это — напоминание об ужасном, бесчеловечном преступлении — об американской атомной бомбе, сброшенной на беззащитный японский город Хиросима. На другой стороне веера подписи японской молодёжи, призывающей запретить атомное оружие на всём свете.

Некоторые московские пионеры побывали прошлым летом в «лагерях дружбы», устроенных в Болгарии, Чехословакии и Польше. Они привезли оттуда альбомы фотографий, гербарии, изделия юных умельцев, зарисовки, отрядные флажки и много других памяток.

Но и там, где ещё ни разу не гостили наши пионеры, теперь уже слышали кое-что о том, как живут, учатся, дружат, организуют свои ребячьи и общественные дела школьники Советской страны. Всё больше писем с иностранными марками доставляют письмоносцы в переулок Стопани, в «комнату-кругосветку». Более года назад в нашей стране побывал известный общественный деятель Индии, один из энергичнейших защитников мира, Сайфуддин Китчлу. Вам могут показать и его письмо:

«Мои юные друзья!

...Я очень рад узнать, что все отряды вашей пионерской организации устраивают сборы и костры, посвящённые борьбе за мир, поют песни детей разных стран... Дети Индии знают о своих братьях и сёстрах в Советском Союзе, и они очень любят их. Они знают, что необходимо бороться за дело мира так, чтобы дети во всём мире могли играть, петь, танцевать, хорошо учиться, чтобы вырасти и служить своей родине».

Далеко, за тысячи километров, на все четыре стороны бросает свои отблески пионерский огонёк из этой комнаты в Московском городском Доме пионеров. словно сотнями окон, смотрит она в большой мир, откуда изо всех уголков слышатся добрые приветствия советским людям и доверчиво стучится к нам в окна справедливая многоязыкая дружба!

Выступление акробатического кружка албанских пионеров. Дворец культуры имени Али Келменди в Тиране.

Долорес Ибаррури

Каждый год празднуем мы Первое мая, наш международный праздник труда, день дружбы и солидарности.

У всех трудящихся земного шара, на каком бы языке они ни говорили, где бы они ни жили — под тропиками или за Полярным кругом, — общая судьба, общие мечты, стремления и цели. Все они хотят счастливой жизни. Мир, труд, культура, благосостояние — вот что нужно каждому человеку, вот за что борются трудящиеся всех стран, и в этом они должны помогать друг другу.

Трудящимся не из-за чего ссориться между собой. И с тех пор, как рабочие поняли, что в единстве их сила, они стали во много раз крепче и могущественнее.

Братская дружба не раз помогала рабочим. Когда рабочие объявляют забастовку, на помощь им приходят их товарищи не только в своей стране, но и трудящиеся других стран. Ведь если забастовка длится долго, союзником капиталистов становится голод.

Братская солидарность рабочих всех стран

приходит на помощь передовым рабочим и революционерам, когда капиталисты хотят расправиться с ними.

Буря протеста поднялась на земном шаре, когда в Америке с помощью фальшивых обвинений присудили к казни на электрическом стуле двух рабочих-коммунистов: итальянцев Сакко и Ванцетти.

В 1934 году рабочие всего мира поддержали Георгия Димитрова, брошенного в тюрьму немецкими фашистами. Его хотели обвинить в поджоге рейхстага, чтобы с этого начать зверскую расправу над коммунистами и рабочим классом Германии. Но благодаря мужеству Димитрова и поддержке трудящихся всех стран это фашистам не удалось. Сами фашистские судьи оказались обвиняемыми перед лицом всего человечества.

Интернациональная дружба рабочих ярко проявляется каждый раз, когда какой-либо народ становится жертвой агрессии. Так было во время нападения итальянских фашистов на Абиссинию, так было во время войны в Испании, в Корее, во Вьетнаме. Вы, наверно, и сами читали в газетах, как французские докеры отказывались грузить на ко-

рабли оружие для войны против народа Вьетнама, как они сбрасывали в море ящики со снарядами, как моряки отказывались выходить в море на транспортных судах, везущих французских солдат.

Огромная сила таится в солидарности народов. Эта сила мешает угнетать народы колоний, затевать войны, подавлять революционное движение.

Чтобы разрушить международное рабочее единство, ослабить интернациональную дружбу, поджигатели войны преследуют коммунистов. Они клеветают на них. Но коммунисты своими делами доказывают, что они всегда борются за самые насущные интересы трудящихся.

Вот теперь важнее всего для всех народов сохранить мир на земле. И коммунисты возглавляют борьбу за мир.

Простым людям не нужна война. Она несёт им только страдания, горе, смерть. Ненависть к войне горит в сердцах миллионов простых людей всех стран, и они стеной встали на защиту мира.

В этой борьбе всё больше крепнет дружба народов. Победы мирного лагеря укрепляют веру в торжество разума, справедливости, счастья, в великую силу народа.

«Войны может не быть, все страны могут жить в мире друг с другом», — говорят коммунисты Советского Союза и беззаветно защищают мир, укрепляют дружбу со всеми странами, со всеми народами. Советский народ показывает пример уважения к маленьким и слабым странам, выступает в их защиту.

Трудящихся всех стран вдохновляют успехи советского народа, его справедливая политика, направленная на то, чтобы каждому человеку жилось хорошо.

Вот почему для всех мирных стран, для

Долорес Ибаррури.

всех передовых людей земного шара важны и дороги успехи советского народа.

Ребята! Вы должны хорошо понимать и свои задачи, свой долг советских пионеров. Вы должны быть такими, какими хотел вас видеть великий Ленин. Учитесь и работайте так, чтобы помогать старшим в выполнении шестого пятилетнего плана. Вы, ребята, родились и растёте в стране, которая защищает мир, которая строит коммунизм. Дети разных народов — ваши друзья и братья. Вы вырастаете большими и все вместе плечом к плечу будете бороться за счастье и мир на всей планете.

Б Р А Т

Рассказ А. Мошковского

Рисунки В. Каменского.

Мы живём в небольшом районном городке... Но вам ведь всё равно, как называется наш городок? Только не обижайтесь на меня, сейчас я всё объясню: на окраине городка находится большой завод, на котором и работает мой старший брат, Паша. Стекланные крыши длинных цехов блестят, как парники в совхозе имени Валерия Чкалова, но под стекланными рамами завода выращиваются не огурцы с помидорами, а кое-что другое.

Паша, приходя с работы, никогда подробно не рассказывал, как проходят испытания последних марок реактивных самолётов. Как ни клялся я, что никому, ну, никому не скажу, Паша улыбался на это, запускал свою ручищу в мои волосы, растопыренными пальцами, как гребешком, зачёсывал их назад и весело приговаривал:

— Волосы, браток, даны человеку не для того, чтобы торчать в разные стороны...

Вначале, когда я учился в четвёртом клас-

се, я сильно обижался на брата. Что он мне, не доверяет, что ли? А вот когда перешёл в пятый, всё понял и перестал дуться.

Так что не обижайтесь, пожалуйста, что не скажу вам, как называется наш городок, зато всё остальное расскажу точь-в-точь. А если не верите, спросите у Сеньки Марченко, который сидит через парту от меня. Его отец дружил с Пашей, работал на одном заводе и может подтвердить всё слово в слово.

Кроме мамы и Паши, у меня ещё есть младшая сестрёнка, Валя, — по-взрослому, значит, Валентина, — но про неё не скажу ни слова — девчонка! Да и что хорошего можно сказать о человеке, который только и знает, что возиться с куклами да полдня, закусив язык, бессмысленно скакать через верёвочку? Нет, она не в счёт... Не знаю, зачем только рождаются эти девчонки. Как будто нам без них плохо.

А вот Паша...

Да, Паша — это совсем другой разговор...

Целый день над нашим домиком с рёвом и свистом проносятся самолёты — стёкла в оконных рамах прыгают и стучат, куры кулдахнут, как чумные, вспоминают с перепугу, что они птицы, и, вытянув вперёд шеи, перелетают через забор на бреющем полёте. А мама выходит на крыльцо, засунув руки под зелёный передник, и говорит, щурясь на яркоголубое небо:

— Видать, Пашка-сорванец пробует новый аэроплан — курам снести яичко спокойню не даст...

Смешная мама! Пашкой-сорванцом она называет не какого-то там пацана с кошачьими царапинами на носу, а лётчика-испытателя, храброго человека, а аэропланами —

скоростные реактивные самолёты. В общем, в своё время она училась в церковно-приходской школе, и в технике её, надо сказать, слабо подковали: реактивные от «По-2» отличить не умеет!

Домой Паша приходил голодный, усталый. Первым делом он быстро стаскивал гимнастёрку, и я поливал ему во дворе из синей эмалированной кружки. Паша нагибался, а я поливал и сверху, глядел на упругие, твёрдые бугры мускулов на его плечах и руках, которые тяжело и уверенно двигались под темнокоричневой, загорелой кожей, и думал: скорей бы и у меня выросли на руках, груди и животе такие мускулы! А то ведь, если говорить честно, меня боятся тронуть мальчишки с других улиц не потому, что я сильный и смелый или там бицепсы мои не влезают в рукава рубашки, нет, где там! А потому, что есть у меня он, брат мой Паша...

Поливая ему, я представлял, как вот эти большие шершавые ладони ложатся на рычаги боевого самолёта и ведут его сквозь облака и дожди, сквозь снег и туманы, а его зоркие синие глаза (жаль, что у сестрёнки Вали точно такие же) не раз видели сверху не только наш городок, но и всю нашу большую землю.

Иногда, уходя на аэродром, он шутиливо грозил: «Смотри у меня, паршивец, опять залезешь в сад Ивана Кузьмича — с неба увижу, спущусь, руки оборву».

Но Паша не только ругал меня.

Однажды, когда у нас нечаянно сгорела большая фюзеляжная модель, которую мы мастерили всем звеном целые две недели, и мне стало так жалко её, что я не мог удержаться, Паша поправил широкий пояс, положил мне на плечо тяжёлую руку и сказал:

— Эх, браток, и люди, случается, заживо сгорают, а не ревут...

Мне сразу стало так нехорошо, что я отбросил его руку и убежал из дому. Ведь я твёрдо решил сделаться лётчиком. Лётчиком, и больше никем. Недаром же мама сшила мне из старого кожаного реглана Паши курточку, а вместо тряпичной штатской кепки я со второго класса носил настоящий авиационный шлем на мягкой подкладке, который тоже подарил мне Паша.

Мылся Паша не спеша. Он долго тёр шею и даже доставал рукой через плечо до лопаток и совсем не боялся, что холодная вода затекает ему под белую майку и на ней выступают тёмные пятна. Паша сильно мылся и смешно крякал, когда мыло

попадало ему в глаза, и сердито говорил, чтобы я не жалел воды. Воды... Эх, да знал бы он, что я бы жизни своей не пожалел ради него! Как он не понимал этого?!

Паша, Паша... Да, вот это человек!

У меня с ним одна фамилия и отчество, а больше, если по правде говорить, ничего похожего не было! Вы, может, не верите, думаете, я хвальбишка какой? Эх, вы! Так слушайте: ему, например, ничего не стоило перевезти меня вплавь на своих плечах через реку, за три вечера прочитать тяжёлый, как кирпич, том «Клима Самгина»; левой рукой три раза выжать громадную дубовую колоду, на которой во дворе рубили дрова! Да и не только это он мог сделать! Вы, конечно, можете сто раз обозвать меня лгунишкой, но он при мне всовывал пальцы в зубастую пасть свирепому псу по кличке Буян, которого боялась вся улица, и пёс при этом только добродушно помахивал лохматым хвостом!

Теперь вы поняли, что это был за человек?

А я? Что я! Мне только и оставалось, что поливать ему из кружки и смотреть, как пролетают над домом самолёты. Если вдруг мне хотелось, как взрослому, закурить «Ракету», так и тут приходилось, спасаясь от мамы, убежать за угол дома и там курить торопливо, кашляя и вытирая слёзы от скребущего горло едкого дыма... Эх, скорее бы подрасти, а то, пока ты маленький, никто не считается с тобой, и каждый попрекает словом «мальчик».

— Мальчик, курить вредно!

— Мальчик, до шестнадцати лет на эту картину вход воспрещён!

— Мальчик, птицы приносят пользу, в них нельзя стрелять!

— Мальчик, нехорошо цепляться за машины!

Тёплыми летними вечерами мы часто сидели с Пашей на лавочке возле дома и смотрели, как засыпает город и в окнах зажигаются огни. Помню, Паша говорил мне, что скоро придёт время, когда не нужно будет больше строить ни истребителей, ни бомбардировщиков, потому что все люди на всей большой земле станут жить в дружбе, и тогда наш завод, наверное, начнёт выпускать такие реактивные пассажирские корабли, что на них можно будет из нашего города за полдня без пересадки долететь до Австралии или даже до самой Антарктиды.

— И ты будешь их испытатель! — вскрикнул я, вскакивая с лавочки.

— А что ты думаешь? Буду... — ответил

Паша, подпёр рукой подбородок и долго-долго слушал, как в тёплой вечерней тишине бьют часы.

Бой раздавался с древней церкви. Говорят, лет пятьдесят не звонили колокола этой церкви. А вот большущие часы на высокой башне до сих пор ходят точно и исправно и отбивают каждые пятнадцать минут. Если в небе не гудят самолёты, то с любого конца городка слышен этот бой.

Так вот в этот вечер услышал Паша бой часов, закинул ногу на ногу, задумался, а потом грустным голосом сказал:

— Не успеешь выкурить папиросу — бьют четверть, не успеешь дойти до аэродрома — бьют, не прочитаешь и двадцати страниц книги — бьют. Бьют и бьют. Вот как, браток, летит время и жизнь. Не успеешь и оглянуться, как набьют тебе полсотни лет. А что ты сделал за это время? Ничего. А много можно сделать за пятьдесят лет. Очень много...

Я ничего не ответил ему тогда, но в душе был глубоко не согласен с ним. Хорошо так говорить, когда тебе уже набило двадцать четыре года, а каково же нам, ребятам? Для всех дел малы! Нет, это, наверное, взрослые нарочно придумали такой несовершенный механизм, чтоб часовые стрелки ползли медленно.

Но Паша всё реже и реже сидел по вечерам со мной на лавочке возле дома.

Приходя с работы, он, обжигаясь шами, торопливо ел, быстро переодевался в серый штатский костюм, который мама каждый день специально отглаживала для него. Брюки он надевал очень странно: влезал на стул и осторожно, словно они были стеклянные и могли поломаться, погружал ноги в штанины.

В непривычном костюме он сразу становился непохожим на себя, и мне было даже как-то неловко с ним. Хотя, если хорошенько приглядеться, всё равно можно было догадаться, что он лётчик, так по-особенному он ходил, смеялся и смотрел. Вы спросите, как. Объяснить этого я вам не могу, ведь я никакой не писатель, а по литературному чтению у меня даже стоит тройка в журнале, и Вера Александровна пригрозила, что, если не исправлюсь, в четверти тройку выставит. Так что сами лучше наблюдайте за людьми, которые летают в воздухе, и без моей помощи всё поймёте. Лётчики совсем особенные люди, и их не спутаешь ни с кем!

Потом Паша долго крутился перед зеркалом, вроде сестрёнки Вали, морщась от боли, зачёсывал назад жёсткие, как конская

грива, чёрные волосы, слюнил палец и приглаживал чёрные, точно под линейку проведённые сажёй брови и куда-то пропадал.

Когда я ложился спать, его койка всё ещё была пуста, когда я просыпался, он уже шагал на свой аэродром.

Но вот однажды я увидел такое, что даже глазам своим не сразу поверил и остолбенел: неужели это мой Паша?

В нашем городе есть парк, обнесённый высокой стеной серебристых металлических прутьев с острыми наконечниками сверху, похожих на пики. В парке показывали кино и разные выставки, в нём можно было покрутиться вниз головой на маленьких самолётиках, покататься на качелях и увидеть себя в вогнутых и выпуклых зеркалах то толстым, как бочка, то худым и вытянутым, как селёдка. Но чтоб попасть в этот парк, нужно купить в окошечке у тётеньки с бородавкой на подбородке голубой билетик за рубль. А где нам взять такие деньги? Так вот, мы и забирались в парк не через главный вход, а перелезали через ограду в самом дальнем углу, куда редко заглядывал милиционер и где горела всего одна лампочка.

Перемахнули мы однажды ограду, идём по оранжевым от кирпичного песка дорожкам возле молодых акаций и спорим, что легче было для Чкалова: пролететь под фермами моста или совершить беспосадочный полёт через Северный полюс. Идём, значит, спорим, шумим — даже в ушах звенит, — и вдруг я вижу... Нет, вы только подумайте, кого я увидел на скамейке! Пашу... И с кем!.. Сразу что-то больно толкнуло меня в грудь, будто камнем ударили, даже ещё больней. Я остановился, словно ноги отнялись, и сказал ребятам:

— Идёмте по левой дорожке, так ближе до кино.

Но ребята уже всё увидели, и долговязый Жорка Сорокин, учившийся в седьмом классе, как черепаха, втянул голову в плечи и противно захихикал:

— Смотрите-ка! Лёшкин Пашка!

Впервые я покраснел за своего бесстрашного брата.

Паша сидел на железной скамейке с какой-то девушкой в зелёном платье и с шёл-

ковым бантом в косах, точно таким, как у нашей Вальки! Я всегда дёргал за этот бант, когда хотел позлить сестрёнку: дёрнешь за кончик, и бант развязывается, как шнурок на ботинках.

И сидели они как-то странно: так близко друг от друга, словно на скамейке не хватало им места, а ведь скамейка-то была пустая, ещё бы семь человек поместилось на ней!

Так, значит, вот почему не сидит он больше со мной на деревянной лавочке возле нашего дома! На этой жёсткой, железной скамейке в парке, куда можно пройти только за рубль, оказывается, Паше сидеть интересней!

И хотя ребята рысцой пробежали возле той скамейки, мне почему-то стало очень стыдно, и я резко свернул влево и помчался по боковой дорожке. А когда мы вдоволь нагулялись в парке и выходили через главный вход и толстая старушка-билетёрша, хорошо нас знавшая, всплеснула руками: «Не видала я, чтобы вы входили сегодня в эти ворота!» — и ребята, надрывая животики, дружно захохотали, мне было совсем не весело.

Я шёл и упорно думал: как же могло получиться, что между нашей дружбой встала эта длинноногая?

Перед домом оглушительно визжали девочки. Две из них глупо крутили над самой землёй бельевую верёвку, а Валька быстро прыгала через неё сразу обеими ногами, как стреноженная лошадь. Прыгала Валька так старательно, лицо её было таким серьёзным, словно делала она страшно важное дело. Все они такие!

Не знаю, почему, но меня тогда такое зло взяло на неё — захотелось побить. Стал вспоминать, за что бы дать ей подзатыльник. В понедельник наябедничала маме про разбитое окно — за это уже ревела; в среду наслетничала брату, что пустил «товарный поезд» из носа Кольки Петухова, который украл у моего лучшего друга Сени Марченко редкую марку Бермудских островов, — за это тоже поколотил её...

Больше ничего я не мог припомнить. Что ж, можно стукнуть и так, чтоб наперёд не жаловалась!

Я подбежал и резко дёрнул за верёвку, когда она находилась как раз под ногами сестрёнки. Она споткнулась, взмахнула руками, но удержалась и не упала. Мне стало совсем грустно, и я нехотя поплёлся до-

мой. Я подымался по скрипучим ступенькам, а в тёплом вечернем воздухе печально раздавался перезвон башенных часов, который так много мне напоминал.

Когда я укладывался спать, койка Паши была пуста. Я лёг спиной к ней, и с головой влез под одеяло, и всё думал, думал... Человек, который боится ужей, лягушек и угроз мамы и весь день только тем и занимается, что переодевает куклу и шьёт ей из лоскутков платья, конечно, никогда не сможет совершить настоящего подвига... А разве можно назвать человеком того, кто не готов на подвиг?

Но я опять видел железную скамейку в городском парке и не знал больше, что думать.

А наутро к нам пришла соседка и стала, причитая, говорить маме про меня, что я расту озорником и хулиганом и не даю прохода девочкам, кидаю в лужи камни, когда они проходят возле воды, ставлю подножки, бросаю в волосы колючки от лопуха... Что же будет из меня, когда вырасту большой?

Мама махнула рукой, печально подпёрла ладонью щёку и почему-то сказала, вздохнув:

— Паша тоже был такой, а теперь заявляется домой ни свет, ни заря. И смиренный какой-то стал, всё по хозяйству норовит сделать вперёд меня, словно делов других нету...

Соседка почему-то весело засмеялась, противно подмигивая и показывая беленькие зубки, а я впервые не знал, хорошо это или плохо, что я похож на Пашу.

Быть может, я и простил бы брату его предательство, если бы не один случай, который произошёл через две недели.

Однажды в воскресенье Паша решил прокатить меня и Валю на катере, а заодно и порыбачить. С вечера я накопал в консервную банку красных червей в Заячьем овраге, напарил гороха и на всякий случай даже наловил в круглую коробку из-под леденцов кузнечиков. И вот мы спустились с горы к небольшой пристани. Валя, как женщина, была завхозом, она тащила клеёнчатую сумку с провизией, я нёс удочки, а Паша шёл налегке. Вот он уже купил три билета, и мы торжественно вступили на гибкие сходни пристани, как вдруг сзади раздался чей-то негромкий голос:

— Павел!

Паша так вздрогнул, что я просто удивился.

Сзади, на невысокой, поросшей травкой террасе, стояла та самая длинноногая, с большой косой. На ней уже было не зелёное, а белое платье с синим жуком вместо брошки: думала, очень красиво... На тонкой, согнутой в локте руке висела круглая белая сумочка. Туфли на ногах тоже были белые, и только гладкие волосы и высокие брови казались чернее воронова крыла. В лицо ей било солнце, и она жмурилась и недовольно морщила лоб.

Услышав её голос, Паша сразу забыл и про нас с Валею, и про купленные билеты, и про червей, накопанных в Заячьем овраге, и про катер. Прижав к бокам локти, он бросился на горку навстречу ей.

Потом она что-то говорила ему тоненьким, пискливым голоском, капризно выгибала губы и размахивала своей сумочкой, а Паша внимательно разглядывал носки своих начищенных сапог и всё время поправлял широкий лёгкий ремень, хотя тот был затянут у него по уставу — ладони не просунешь. Она за что-то отчитывала моего старшего брата, а он молчал, словно язык проглотил, и не мог ей дать никакого отпора, и это он, человек, который испытывал новейшие самолёты, который бесстрашно

вкладывал свои пальцы в зубастую пасть Буяна!

Признаюсь, смотреть было противно.

Набежал ветерок и донёс до меня обрывок их разговора:

— Значит, я весь день должна сидеть одна?

— Не сердись, Нина, давно обещал ребяташкам.

— Ну, знаешь, если так...

— Постой, Нина... Сейчас мы всё уладим.

— Хорошо. Улаживай. Я подожду. У меня, между прочим, есть одно предложение: сходим сегодня...

Я не расслышал, куда она звала моего Пашу, но заметил, что он озабоченно поглядывает в нашу сторону и в нерешительности топчется на месте, катая под подошвой сапога маленький серый кругляш.

Что-то жалкое и растерянное проглядывало в его глазах, широкие плечи опустелись, словно утратили всю свою силу и упругость. Первый раз он был не совсем похож на военного лётчика.

Я глядел на него и думал, что вот сейчас навсегда решится для меня вопрос, можно ли с этого дня уважать Пашу, как раньше. Он ответил ей что-то, но ветер стал дуть от нас и относил его слова в другую сторону.

Через минуту Паша бегом спустился с откоса к нам и, насупив брови, сказал страшно серьёзным голосом:

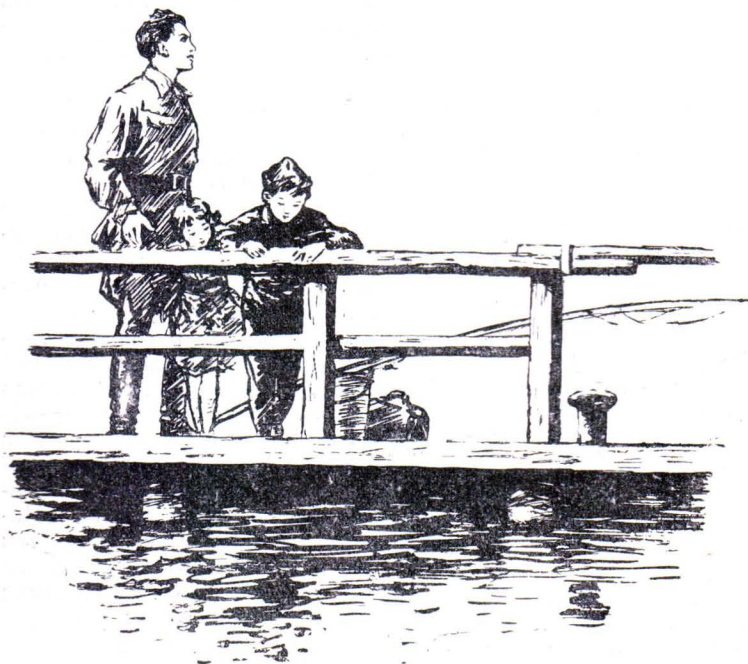
— Поездка отменяется...

Я ничего не ответил ему, а выхватил из кармана своего пиджака три билетика, разорвал их на клочки и бросил в тёмную воду.

Рубаха сразу прилипла к вспотевшей спине, а перед глазами заплесали расплывающиеся круги.

Нет, это было слишком! Хотелось упасть лицом в траву и зареветь, но рядом была Валька, и я не заревел.

Я зачем-то дёрнул её за руку и, не глядя и не слушая, что говорил Паша, резко повернулся к нему спиной и бы-

Услышав её голос, Паша сразу забыл про нас...

стро пошёл домой по узкой песчаной дорожке между старыми, развесистыми клёнами. Паша что-то кричал мне вследе, но я не обращал на это никакого внимания. Скоро меня догнала сестрёнка с клеёнчатой сумкой на руке.

— Какие у ней ко-сы! — восторженно воскликнула она.

— У-у-у... Замолчи ты, дура... Ничего не понимаешь! — заорал я и ударил её в плечо так, что она выронила сумку и из неё выка-

тилась консервная банка с моими червями, три московские булочки и бутылка с лимонадом.

Валины губы запрыгали, жалобно скривились, и она заревела на весь берег. Я не мог видеть, как она плачет, и поэтому побежал по дорожке вверх, потом забился в глухие кусты бузины, упал на мокрую от росы траву и — только вы другим не передавайте — заревел.

Потом я зачем-то вынул из бокового кармана коробку с живыми кузнечиками, поднёс её к уху. Кузнечики постукивали задними ножками в тонкие стенки, копошились и шуршали внутри. Тогда я немного приоткрыл коробку и, даруя кузнечикам свободу, одного за другим стал выпускать своих зелёных узников.

— Скажите, куда глаза глядят, кузнечики! Так и быть, живите... Если б вы только знали, что я сегодня потерял!

Две недели после этого случая я не разговаривал с братом, потому что знал, что настоящая дружба между мужчинами основывается на твёрдых законах, а если и он считает меня несчастным ребёнком, который ничего не понимает и может только из рогатки стрелять, тогда нам больше не о чем с ним говорить! От чужих людей всё можно услышать, а вот от родного брата...

Однажды мы сидели на плоской крыше нашего «ангара» — так мы называли наш дровяной сарай — и починяли старую сетку голубятни. День был ясный, солнечный, небо блестящее и чистое, как школьная доска, хорошо вытертая перед уроками мокрой тряпкой.

— Ребята, глядите! — вдруг крикнул Сенька Марченко, сидевший на краю крыши, и так подался всем телом вперёд, что едва не свалился вниз.

Мы увидели над городом серебристый истребитель. Летел он как-то необычно: то зарывался носом вверх, словно рыба, которой не хватает воздуха, то неуклюже кренился на левое крыло, то опрокидывался на правое.

— Ловко летит, высший пилотаж! — восхищённо сверкнул глазами рыжий Коська Воробьёв.

— Дурак! — гневно оборвал его Сенька. — Несчастье же с ним, разве не видишь?

Коська сразу присмирел, недоверчиво глянув на Сеньку.

Самолёт действительно летел странно, но вдруг перестал переваливаться справа налево. Он, как контуженный, косо накренив крылья, мчался над городом, сверкая на солнце.

Машина стремительно теряла высоту, то отвесно падая к земле, то с трудом выравнивая курс. Казалось, самолёт потерял управление и так отяжелел, что небо не могло больше держать его в своей синеве.

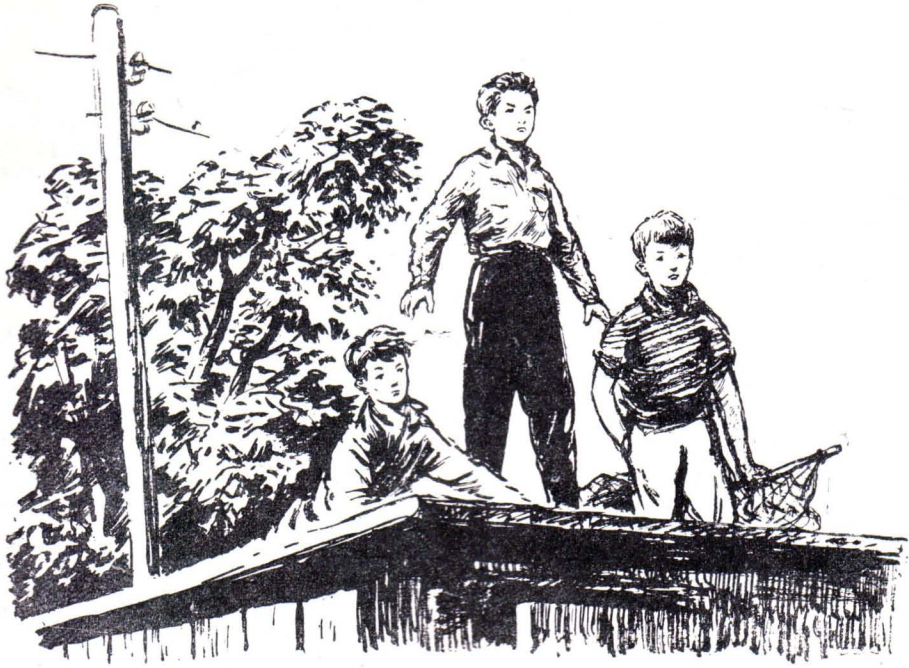
Странно было и то, что он держал путь не к аэродрому, а на наши огороды.

Мы следили за ним и не знали, что в таких случаях надо делать. Я почему-то мгновенно вспомнил, как однажды малыш нечаянно сорвался с окна второго этажа, но успел ухватиться одной рукой за подоконник, взрослые выбежали вниз и, растянув в руках одеяло, поймали паренька. А как быть здесь? Парашют? Не выйдет: слишком низко. Между тем свистящий гул самолёта то нарастал, то замирал.

«Ну, давай, ещё немножко, дотяни до аэродрома, дожди, милый!» — шептал я про себя, и сердце колотилось так гулко, словно рядом находилась кузница.

Что случилось дальше, было как страшный сон. Никогда не забуду я этого. Самолёт врезался в огород. Чёрный столб дыма и огня смерчем взлетел в небо. Земля вздрогнула от грохота. От воздушной волны низко полегли кустики картофеля. Сенька закричал и стал белый, как мел. Коська застыл с открытым ртом и вытаращенными в ужасе глазами. А я... Да я и не помню, что было тогда со мной...

Когда дым немного рассеялся, мы увидели, как огонь жадно плясал на измятых обугленных обломках машины. Остро запахло горячей резиной и краской. Сенька

«Ну, давай, ещё немножко, дотяни до аэродрома, дожди, милый!» — шептал я про себя.

схватился руками за лицо и заплакал. А я смотрел на всё это сухими глазами. Смотрел и не мог отвести взгляда. Внутри было пусто и холодно.

Так мы втроём сидели на крыше сарая и не могли сдвинуться с места.

Не успели мы прийти в себя, как с аэродрома примчалась белая санитарная машина с красным крестом на боку, а за ней — пожарная. Люди поспешно разбросали жерди изгороди и заметались возле громадного чадающего костра. Сильными брандспойтами потушили огонь. В санитарную машину внесли что-то длинное и страшное, завернутое в зелёный брезент. Остановившимися глазами провожали мы эту машину, которая с захлёбывающимся криком помчалась по солнечным улицам нашего городка.

— Погиб... — тихо сказал Сеня.

Я ничего не ответил ему. На душе стало так тяжело, что я не мог даже пошевелить языком. Я никогда ещё не видел, как умирают люди, и вот сейчас увидел. Только теперь, только теперь я подумал, какая опасная и трудная работа у Паши, и сразу простил ему все свои глупые обиды. И вдруг в мою душу легонько закралось сомнение: а

если и со мной случится такое? Может, выбрать себе более надёжное дело? И тут же, презирая себя за подлую трусость, я плотно стиснул зубы.

Нет, я буду лётчиком, лётчиком и только лётчиком!

Когда машины уехали, и шум их замер вдали, и на городок опустилась непривычная тишина, мы молча слезли с крыши.

Я не мог смотреть на огород с помятыми кустиками картофеля, на следы машин, глубоко врезанные в мягкую землю двора.

Я ушёл в другой конец городка и долго бродил по тихим, заросшим травой улочкам.

Когда я вернулся домой, в столовой сидел знакомый лётчик, майор дядя Саша, высокий, худощавый, с седыми висками и дочерно загоревшим лицом, крепкий и ловкий, как и все настоящие лётчики, а рядом с ним сидела мама и, подперев голову обеими руками, неподвижно смотрела в пол.

— Здравствуйте, — сказал я.

— Здравствуй, — ответил дядя Саша очень тихо. Голос у него всегда был громкий, отрывистый, словно рядом ревели моторы самолётов и он, заглушая их, отдавал команду. Но сегодня он говорил тихо.

Дядя Саша сидел как-то неудобно, на самом кончике табуретки, словно никогда не был у нас и все мы незнакомые ему. А на самом деле он частенько захаживал к нам, брал у Паши книги почитать и любил выпить стаканчик чаю с душистым малиновым вареньем.

— Вот как... — сказал он и помахал перед лицом фуражкой с лакированным козырьком, как будто в комнате было душно.

В доме стало так тихо, что я услышал, как зашедшие на крылечко куры клювами тукуют по полу, склёвывая хлебные крошки. У мамы вздрогнули плечи. И вдруг я почувствовал, как что-то холодное пробежало по жилам.

— Па-ша? — спросил я.

— Паша... — прошептал лётчик, но этот шёпот оглушил меня.

Я выбежал во двор, чтоб только не слышать того, что скажет он дальше. Мне казалось, что то страшное и простое слово, которое он не договорил, может, ничего не значит, если я не слышу его.

«Пашенька, прости,— шептал я, забившись в тёмный угол сарая, где было свалено сено для козы.— Как же это так? Ведь мы ещё не съездили с тобой на катере за окунами... Хорошо, не сиди со мной по вечерам на лавочке, не надо! Но как же так можно?..»

Нам показали только закрытый гроб.

Я стоял и смотрел на красную крышку. А за крышкой был он, кем так гордился я, кому так завидовал. «Значит, настоящий мужчина должен иногда заниматься таким делом, что потом его нельзя показать даже родной матери и родному брату»,— подумал я, и что-то внутри меня сдвинулось, и я весь вздрогнул, словно сердце встало на другое место. И тогда, лишь тогда я впервые понял, что такое долг и что чувства сильнее его, может, и нет на земле!

Никогда не забуду эти дни: и глаза матери, и военный оркестр, и сырую бурю землю, и прощальный залп воинского салюта.

Говорили над гробом кратко.

Но и из этих кратких, скупых слов его товарищей я впервые узнал, как много новых самолётов испытал лейтенант Павел Иванович Егорцев, и они покажут себя в бою, эти самолёты, если враги посмеют суноваться на нашу родную русскую землю. А что разбился... Это, к сожалению, ещё случается в жизни пилотов. Чкалов — великий лётчик, и тот разбился.

А та девушка, которую я видел на при-

стани, была очень бледна и всё время молчала, и я старался не смотреть на неё. И мне нравилось одно: что она не плачет. Но когда гроб на верёвках опустили в яму, и на крышку упала первая горсть земли, и мокрые комочки покатались врассыпную по красной материи, она вдруг упала на край могилы.

Все бросились её подымать, а я стоял рядом и смотрел вниз на горсть земли, рассыпанной на крышке. Смотрел — и ничего не понимал.

А когда мы шли домой и пашины товарищи поддерживали под руку маму, которая спотыкалась на каждом бугорке, ударили часы на башне. Я смотрел на чёрный расплывающийся циферблат, и часы словно напоминали мне: «Вот так, браток, летит время и жизнь...»

Уже год, как не стало брата. Скорее бы вырасти и пойти в лётное училище — этим я жил в те трудные дни. Но осенью на медосмотре наш школьный врач — лысый старичок в пенсне — выслушал мою грудь холодной чёрной трубкой и сказал, покачивая головой, что у меня неважное сердце. «Значит, прощай авиация!» — больно ударило в виски, и я с ненавистью посмотрел на врача и чуть не заплакал от обиды и беспомощности.

Я сбежал с последних уроков и долго бродил по берегу реки.

Стояла осень, и вода была мутная и холодная. Вниз по течению проплывали одинокие жёлтые листья и брёвна, вырвавшиеся из плотов.

Я не знал, что делать. Легче было броситься в воду, чем примириться с тем, что я никогда не влезу в кабину самолёта и не взлечу в небо. «Мужчина без крепкого сердца — ничтожество, — думал я. — Неужели этот подслеповатый старикашка в белом халате, пропахший иодом и спиртом, сказал правду?» И вдруг я понял, что хотя я и живу и дышу, нет больше меня на земле: то, о чём я мечтал, не сбудется. А какой же это человек, кто не знает, для чего он родился?

Как сейчас помню, всё небо было забито тёмными дождевыми облаками, и косые длинные лучи сентябрьского солнца лишь на мгновения пробивались сквозь них и тускло поблескивали на стеклянных крышах цехов авиационного завода. А я шёл и шёл, сам не зная куда. Мне было всё равно, куда.

И вдруг я на что-то наткнулся грудью. Это была кладбищенская чугунная ограда,

и я увидел косо прибитый к шесту синий деревянный пропеллер, под которым лежал Паша.

И тогда я захотел пожаловаться старшему брату на свою горькую участь. «Знаешь, Паша, а я забракован... Что же мне теперь делать? Как быть? И зачем только я родился такой?!»

Я стоял и смотрел на рыжую траву на маленьком земляном холмике.

Было очень тихо. Ржавые дубовые листья отрывались от чёрных ветвей, медленно кружились в спокойном, прозрачном воздухе и осторожно касались земли, словно боялись кого-то разбудить. Старые вербы, опустив вниз ветви, молчаливо стлы в сторонке и ничего не могли ответить. Было тихо. Очень тихо. Никогда я не знал, что на земле может быть так тихо. И только во мне что-то стучало так громко, словно навстречу с грохотом шёл тяжеловесный поезд, при-

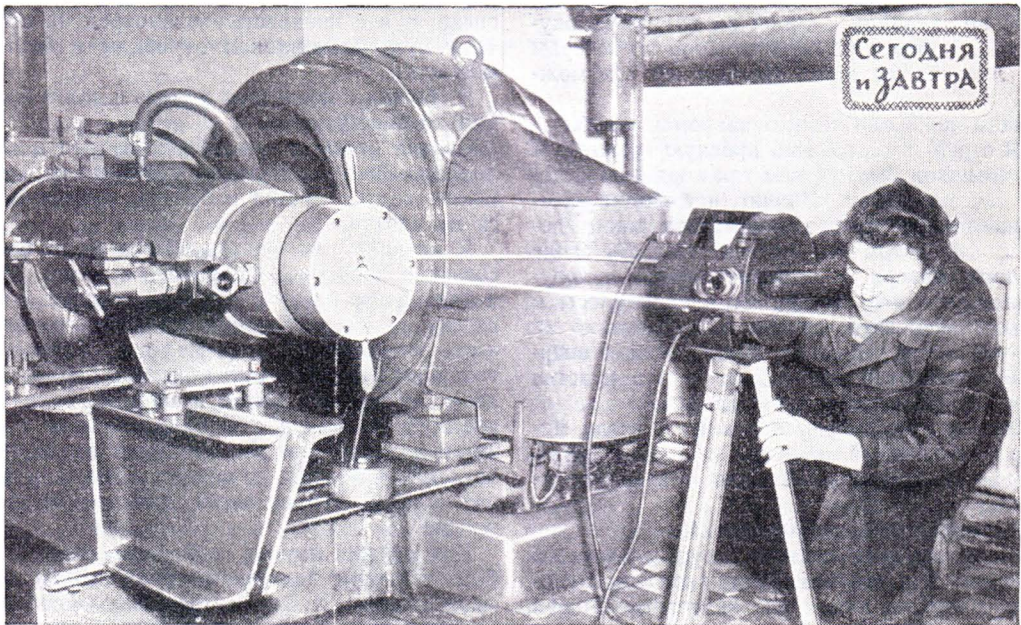
ближаясь с каждой секундой... Но вот, когда поезд уже был в двух шагах от меня и я уже ощутил его горячее дыхание, в грудь мне ударил ветер, и его порывом отнесло облака, и яркое, тёплое солнце осветило мне лицо, и вся моя жизнь в одно мгновение пронеслась передо мной, и меня охватила радость, настоящая, трудная радость, и мне показалось, что я заново родился, родился во второй раз.

С неба падали потоки света, а я стоял внизу, на земле. Я твёрдо стоял на земле, ощущая её подошвами ботинок и всем своим телом, я стоял на этой суровой земле, и мои пальцы сами стиснулись в кулаки, а на сердце вдруг стало так холодно и вместе с тем так легко, оно сжалось непонятной болью и радостью.

Кем бы я ни был, я не посрамлю тебя.

Я буду человеком... Даю тебе слово, Паша!

Водяное сверло

Если сказать вам, что тоненькой струйкой воды можно просверлить отверстие в стальной пластинке, вы, пожалуй, не поверите.

Но это, оказывается, правда. В лаборатории физики сверхвысоких давлений Академии наук СССР изготовили гидравлический компрессор, который

превращает струю обыкновенной воды в мощную силу. Эта струя под давлением до 1 500 атмосфер выбрасывается из аппарата со скоростью, которая превышает скорость звука. Вот она-то и может размыть сквозное отверстие в стальной пластинке толщиной в два миллиметра.

О ПОДПИСИ

Цветан Ангелов

Рисунки В. Константинова.

Цветными чернилами,
грифелем, мелом
Мы подписи
росчерком ставим умелым...
Можно и веткой —
на влажном песке,
Яркою ниткой —
на белом платке,
Кисточкой мягкой —
на шёлковой ткани,
Твёрдым алмазом —
на хрупком стекле.
Один — под стихами,
другой — под картиной,
А третий —
в проекте огромной плотины.
Мы подписи ставим,
работой гордясь,

Чтоб знали, кто сделал,
чтоб помнили нас.
Ставятся подписи
И на снегу,
Под клятвой бойцов
не сдаваться врагу!
В фашистском застенке —
на твёрдой стене,
Под жарким огнём —
на горячей броне.
А ранят героя
в неравном бою,
Он кровью подпишет
клятву свою.
Рукою натруженной,
белой
и чёрной,
Кто шрифтом латинским,
кто вязью узорной,

Кто попросту
пальцем,
к бумаге прижатым.
Крестьяне,
шахтёры,
ткачихи,
солдаты
Уверенно ставят
в цеху,
на квартире
Имя своё
под воззваньем о мире.

Подписи ставят и ученики:
Тетрадки подписывают,
дневники,
На белых листочках
работы контрольные,
Стихи и заметки
в газете школьной.
Подпись свою
сегодня поставил
И маленький школьник
по имени Павел.
Согнувшись над партой,
рукой тренированной
Вывел он буквы
чётко и ровно,
Так, что хоть ставь
под любым чертежом.
Только вот жаль,
что на парте
ножом.

Перевёл с болгарского
Николай Войткевич.

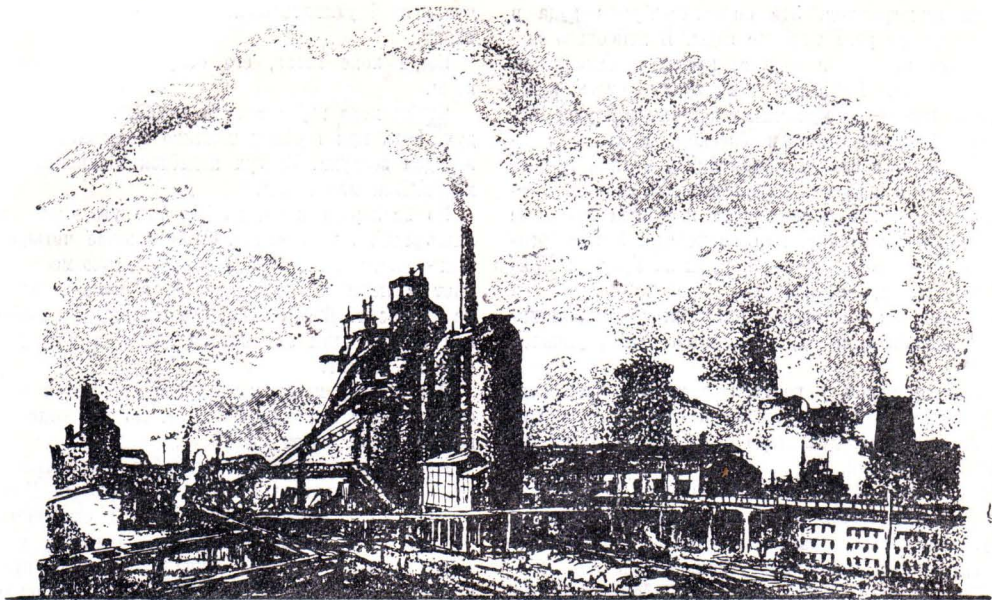

Здесь вы видите фотографии, которые были сделаны в Лондоне во время пребывания там Председателя Совета Министров СССР Н. А. Булганина и Члена Президиума Верховного Совета СССР Н. С. Хрущёва. 19 апреля лондонцы, желавшие приветствовать советских гостей, собрались у «Сенотафа» — памятника, воздвигнутого в честь павших за родину английских воинов. Н. А. Булганин и Н. С. Хрущёв возложили у подножия памятника огромный венок с надписью: «От Правительства и народов Советского Союза в знак вечной памяти о доблестных воинах Великобритании, которые вместе с доблестными воинами нашей страны отдали жизнь во время первой и второй мировых войн в совместной борьбе за мир и безопасность народов».

По древней традиции, всех выдающихся гостей Англии принимает муниципалитет Лондонского Сити, делового и финансового центра столицы. И когда в Лондон приехали Н. А. Булганин и Н. С. Хрущёв, в Мэншен-хаузе, резиденции лорд-мэра Сити, был устроен завтрак в честь советских гостей. Здесь, на снимке, вы видите, как советских руководителей встречает корпорация Сити во главе с сэром Сеймуром Говардом, исполняющим обязанности лорд-мэра. Члены корпорации одеты в старинные костюмы; от самого входа живым коридором вытянулись копыеносцы почётного артиллерийского полка. Сэр Сеймур Говард сердечно приветствовал советских гостей, называя их «посланцами доброй воли». Н. А. Булганин, отвечая ему, поднял тост за дружбу между британским народом и народами Советского Союза.

КАК РОЖДАЕТСЯ СТАЛЬ

Ю. Моралевич

ПОХОЖИЕ, НО РАЗНЫЕ...

Вот перед нами три металлических предмета. Возьмём один из них, самый красивый, — длинный и тонкий клинок, на полированной поверхности которого видны чудесные узоры. Попробуем согнуть этот великолепный клинок. Он упруго сопротивляется усилию, но, постепенно уступая, изгибается в дугу, почти в кольцо. Отпустите изогнутый клинок, и, издав лёгкий звон, он мгновенно выпрямится. Клинок этот сделан из замечательного русского булата — златоустовской оружейной стали. Такую сталь больше века назад научил делать наших оружейников великий русский металлург Павел Петрович Аносов.

Рядом с драгоценным клинком лежит грубый, тяжёлый печной колосник. По виду он во много раз прочнее булатного клинка. Но не вздумайте уронить колосник на пол: он разобьётся на куски, как будто сделан не из металла, а из глины.

Третий предмет — металлический лист. Бросьте его на пол, он не разобьётся, зато и упругости булата у него нет. Лист так мягок, что его легко можно согнуть в трубку, но после этого лист уже не распрямится.

Булатный клинок, колосник и металлический лист, выплавленные из одного куска руды, в одной исполинской доменной печи, — родные братья. Но

как различны их свойства! Впрочем, удивительно тут ничего нет. Ведь клинок сделан из стали, колосник — из чугуна, а лист — из мягкого железа. Но как же в одной струе металла, выпущенной из доменной печи, могли оказаться три совсем разных металла?

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, попробуем проследить за каждым шагом трёх братьев и раскрыть тайну их удивительных превращений.

МИРНОЕ СРАЖЕНИЕ

За хребтом угрюмой горы, поросшей вековым лесом, гулко раскатываются взрывы. Пока мы по крутому склону добиремся к месту грозного сражения, канонада стихает. Сверху нам видно поле недавней битвы. Взрывы разворотили землю на пологом склоне горы, раздробили таившийся в её недрах пласт руды, и теперь там величаво поворачиваются мощные экскаваторы. Они зачерпывают руду ковшами и, далеко пронеся ковш по воздуху, высыпают свой тяжёлый груз в открытые вагоны. Один ковш — и в вагоне десятки тонн груза. Двадцать ковшей — и тепловоз, дав громкий сигнал, уводит длинную цепочку вагонов, нагруженных рудой.

Перед нами лежит обломок руды, выброшенный взрывом. Размером он с обычное ведро, но не пытайтесь его поднять: обломок весит больше пяти-

десяти килограммов. Эта синевато-чёрная руда в три — четыре раза тяжелее воды. В ней около шестидесяти процентов железа, прочно соединённого с кислородом. Приложите к куску руды перочинный нож — он прилипнет к зернистой руде, отливающей металлическим блеском, и после прикосновения сам станет притягивать мелкие гвозди, пилочные перья и кусочки проволоки. За свои магнитные свойства эта ценная руда получила название магнитного железняка, или магнетита. У нас богатейшие месторождения такой руды на Урале, в Кривом Роге и в других местах.

Но пока мы занимались опытами с намагнившимся ножиком, поезд, груженный рудой, умчался далеко.

Он остановился у громадного металлургического завода. Здесь руду выгружают и готовят к плавке: измельчают и окончательно освобождают её от ненужных примесей.

Но для того, чтобы из руды родился металл, нужен сильный огонь. И на металлургический завод из угольных шахт прибывают один за другим поезда, груженные каменным углем. Куски его сверкают на солнце, словно громадные чёрные алмазы.

ПИЦЦА ОГНЯ

Первосортный уголь, доставленный на завод, окисляется, ещё непригоден для выплавки металла. На особой гигантской «кухне» металлургического завода из него ещё нужно приготовить под наблюдением специалистов особое блюдо, безвредное для металла и питательное для огня.

Вспомните, что делают с продуктами, принесёнными из магазина. Прежде всего их очищают от ненужных примесей и тщательно моют. То же самое делают и с углем.

А затем пиццу полагаются варить, жарить или печь. И промытый каменный уголь загружают в большие печи, где его нагревают до тысячи градусов. Воздух в эти печи не пускают, иначе уголь не «испечётся», а попросту сгорит. Чтобы пицца огня как следует «пронеклась», её держат в печи почти сутки. После этого уголь охлаждают.

Вместо каменного угля из печей извлекают серый ноздреватый камень. Это и есть пицца для огня доменных печей — металлургический кокс. При нагревании в коксовальной печи с каменным углем произошли удивительные превращения. Он потерял четверть своего веса. Из угля выделился горючий газ, смолы, нафталин и множество других ценных веществ. Их десятки тысяч тонн, поэтому рядом с коксовальными печами работают химические заводы, перерабатывающие эти вещества.

Для приготовления кокса не нужно привозить топливо. Газ, который выделяется в коксовальных и доменных печах при нагревании угля, отлично горит и нагревает коксовальную печь. Выходит так,

что в этой удивительной «кухне» пицца сама себя варит.

Когда кокс готов, его отправляют в доменные печи.

Чтобы кокс горел в этих печах, ему нужен воздух. Ведь при горении топливо соединяется с кислородом воздуха. Воздух подается мощными воздушными машинами.

Но кислорода в воздухе не так уж много, всего лишь одна пятая часть. А остальные четыре пятых — негорючий азот, который только место занимает в печи и охлаждает её, а пользы никакой не приносит. Получается, что из пятых работников только один занимается делом, а четверо ничего не делают.

Вот почему наши металлурги стараются не пускать азот в плавильные печи. Но как отделить в воздухе кислород от азота?

Для этого есть немало способов, но самый лучший — превращение воздуха в жидкость. Мощными насосами воздух несколько раз сжимают всё сильнее и сильнее, каждый раз отнимая у него тепло. И в результате невидимый воздух превращается в красивую голубую жидкость, температура которой минус сто восемьдесят пять градусов. Если налить эту жидкость в широкие чаны, она будет испаряться, и прежде всего из неё улетучится азот, а кислород останется. Азоту обычно не дают улетучиваться в пространство. Его собирают и делают из него азотную кислоту, ценные удобрения и многое другое. А кислород подогревают, чтобы он снова стал газом, и гонят по трубам к плавильным печам.

В ОГЕННОЙ БАШНЕ

Таких гигантских башен не строили в своих замках даже могущественные средневековые короли. Перед нами башня высотой больше чем тридцать метров. Это доменная печь. В ней руда превращается в жидкий металл.

В обычную печь топливо кладут снизу. Доменную печь загружают сверху. Поднимемся по крутой металлической лестнице на верхнюю площадку домены. Отсюда, как на ладони, виден весь завод. А посреди площадки шумит и содрогается высокое сооружение, закрытое круглым стальным кожухом. К его верхушке подъёмник подаёт руду, кокс и известняк. Одна за другой опрокидываются в печь полные вагонетки.

С лесистых гор дует прохладный ветер. Но на площадке жарко. Ведь вокруг нас в широких трубах несется поток доменного газа, нагретого до двухсот градусов. Газ этот прошёл сквозь многометровый слой раскалённого кокса, руды и известняка, засыпанных в домну. Он отнял кислород у слоёв руды, расположенных ниже, и подсушил верхние слои.

Руда в нижних слоях превратилась в ноздреватую

тое, похожее на губку железа. Ещё ниже температура в печи достигает тысячи градусов. Здесь губчатое железо жадно поглощает из раскалённого газа углерод и превращается в чугун. Чугун — это и есть сплав железа с углеродом. Ещё ниже в печи ревьёт ослепительное пламя, сквозь которое струятся ручьи раскалённого добела жидкого чугуна и шлака.

Камень известняк помогает плавке. При высокой температуре он жадно соединяется со многими примесями, засоряющими руду, с золой, оставшейся от сгоревшего кокса, и всплывает вместе с примесями слоем жидкого шлака поверх бурлящего чугуна.

Шлак пропускает сквозь свою толщу ручьи раскалённого металла и плавает поверх чугуна, словно масло, налитое в кастрюлю с водой.

Теперь побыстрее спустимся с домны. Скоро внизу откроют выпускное отверстие — лётку. Она плотно закупорена глиняной пробкой. В прежние время пробку выбивали вручную длинными тяжёлыми ломами. Это была трудная и опасная работа: расплавленный металл мог хлынуть на людей. Теперь доменщик издали управляет машиной, в которую вставлено громадное сверло. Как только свер-

ло дойдёт до жидкого чугуна, машина выдернет сверло из лётки, и наружу тяжёлой, упругой струёй хлынет готовый металл, который скопился в нижней части печи. А поверх чугуна колышется круглое озеро расплавленного шлака. В это огненное озеро непрерывно стекают ручьи чугуна.

Плавка в домне не прекращается по несколько лет.

Рядом с домной высятся башни. Это кауперы. В них подогревается воздух, который вдувают в домну для горения кокса. Если воздух не подогреть, он заберёт много тепла, и металла выплавится гораздо меньше. Мощно гудят воздуходувки. Они гонят воздух по раскалённым каналам кауперов и дальше в фурмы — отверстия в нижней части доменной печи. Струи воздуха не могут охладить стекающий сверху свежий чугун. Ведь в кауперах воздух прошёл по длинным кирпичным каналам, нагретым до тысячи двухсот градусов.

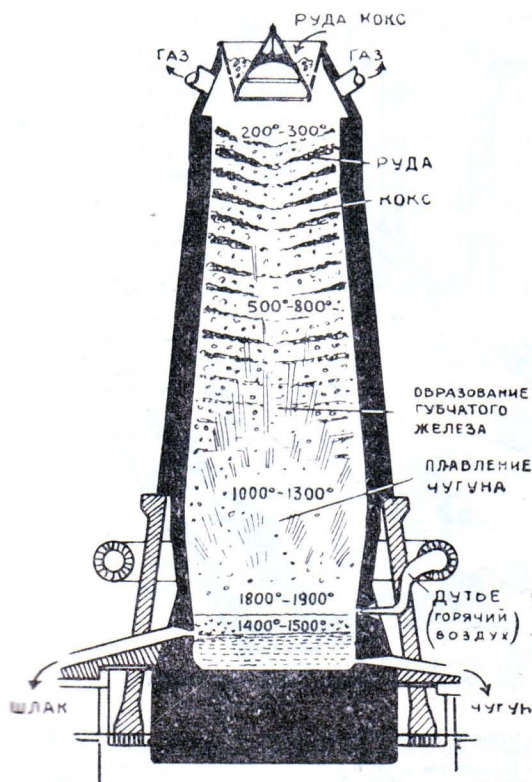
Обойдите вокруг кауперов, и вы нигде не увидите топки. Как же они нагреваются? Оказывается, кауперы нагревает сама доменная печь. Газ, который, пройдя сквозь все слои в домне, вырывается наверху, заставляют ещё поработать. В смеси с воздухом газ хорошо горит и нагревает кауперы.

В старых домнах плавку вели только на воздушном дутье. Но перед нами новая доменная печь, пущенная в шестой пятилетке. В ней вместе с воздухом вдувается кислород. И даже небольшая добавка кислорода значительно повышает температуру печи и помогает получить больше металла. Если же в доменную печь вдувать вместо воздуха чистый кислород, то в ней будет плавиться даже самый тугоплавкий металл — вольфрам, из которого делают волоски в электрических лампочках. Температура внутри домны достигнет четырёх тысяч градусов. Но такая гигантская температура для выплавки чугуна не нужна, и доменные печи нет смысла питать одним кислородом, его только примешивают к воздуху.

Пока мы осматривали кауперы, к доменной печи подали длинный поезд, состоящий не из вагонов, а из громадных ковшей на колёсах, выложенных внутри толстым слоем огнеупорного кирпича.

Доменщик включил электрическое сверло, и в первый ковш хлынула широкая струя ослепительно белого металла. Ковш быстро наполнился, тепловоз немного подвинул поезд, и струя металла полилась в следующий ковш-вагон, взметая кверху золотые снопы искр. Каждый такой ковш вмещает больше сотни тонн жидкого чугуна.

Когда наполнился последний ковш, тепловоз повёл свой тяжёлый поезд в мартеновский цех завода. Но как же закрыть лётку, из которой продолжает течь сильная струя металла? К лётке не подступить: от неё так и пышет нестерпимым жаром. У доменщика на этот случай есть электрическая «пушка». Вместо пороха в ней сжатый воздух,

Разрез доменной печи.

а стреляет она глиняными снарядами. Доменщик выстрелил, и пробка из огнеупорной глины плотно закупорила лётку.

Домна, дыша сквозь кауперы раскалённым воздухом, глухо гудит и накапливает новую порцию металла.

ЗНАКОМСТВО СО СТАРШИМ БРАТОМ

Первое знакомство с чугуном у нас уже состоялось. Мы узнали, что он хрупок, словно глиняный черепок, что он получился в домне при соединении губчатого железа с углеродом. Но вот в литейном цехе на наковальню кладут литейную чугунную деталь и предлагают вам разбить её ударом молота. Вы изо всех сил ударяете по чугуну, и он не раскалывается, не даёт ни малейшей трещины.

На другой чугунной детали вам предлагают зубилом срубить маленький выступ. И при первом же ударе зубило сминается, словно его конец сделан из мягкого железа. А на чугунной детали — ни царапины.

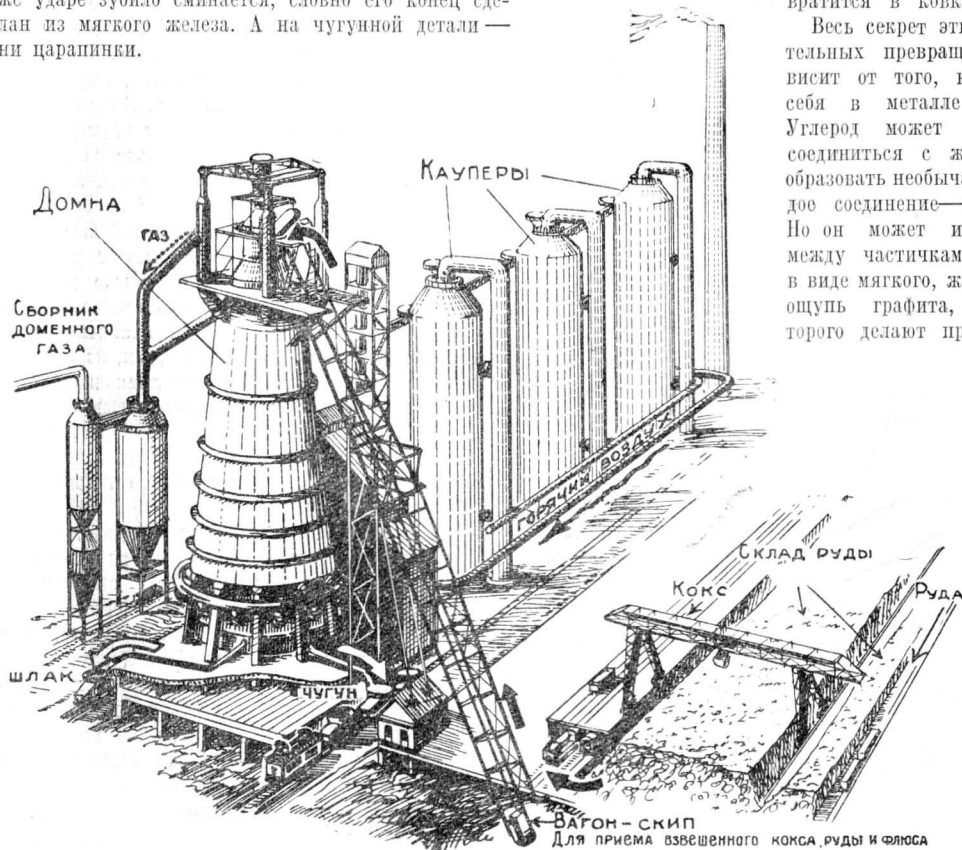
Приносят третью деталь, и она от совсем лёгкого удара молотком раскалывается на несколько кусков.

Все детали чугунные, в них одинаковое количество углерода, их отлили одновременно, из одного ковша. Так почему же они такие разные?

Попробуйте отлить деталь в обычную земляную форму. Чугун в этой форме остынет медленно. Извлеките деталь из формы, бросьте на каменный пол, и она разлетится вдребезги. Значит, при такой отливке получается хрупкий чугун. Его называют серым чугуном.

Следующую деталь отольём в металлическую форму. Форма так быстро отнимает тепло от жидкого чугуна, что он затвердевает почти мгновенно. И получается такой твёрдый металл, который невозможно обрабатывать какими-либо инструментами. Это белый чугун. Если взять такую деталь и долго прогревать её в специальной печи, белый чугун превратится в ковкий чугун.

Весь секрет этих удивительных превращений зависит от того, как ведёт себя в металле углерод. Углерод может накрепко соединиться с железом и образовать необычайно твёрдое соединение — цементит. Но он может и остаться между частичками железа в виде мягкого, жирного на ощупь графита, из которого делают простые ка-

Вот перед вами доменная печь. Справа от неё находится рудный двор. Отсюда один за другим выходят вагоны-скипы, гружённые рудой, коксом и известняком (флюсом), и поднимаются по подъёмнику на верхнюю площадку печи и опрокидываются над приёмным люком. Позади вы видите «лёгкие» домны — кауперы, в которых подогревается воздух, чтобы домна не «простудилась» — не остыла. А по другую сторону печи видны белые башни, в которых собирается горячий доменный газ. Сгорая, он нагревает кауперы. Белые стрелки внизу показывают, откуда выходит готовый чугун и шлак.

рандаши. В таком виде он, конечно, твёрдости чугуна не придаст, а только ослабит связь между частичками металла. Нетрудно догадаться, что это ломкий серый чугун.

Мы знаем уже, что твёрдый белый чугун можно отжигом превратить в ковкий. Но как бы вы ни отжигали серый чугун, он своих свойств не изменит, так и останется серым, пока его не расплавят и не отольют в металлическую форму. При быстром охлаждении углерод не успеет выделиться в металле в виде тонких пластинок, он останется прочно сплавленным с железом, и только небольшая часть его превратится в графитовые шарики, которые почти не уменьшают прочность чугуна.

КАК РОЖДАЕТСЯ СТАЛЬ

Видел ли кто-нибудь из вас железо? Вы, конечно, ответите, что видели. Железными листами покрывают крыши, из него делают гвозди, водопроводные трубы и множество самых различных вещей. Даже магазины есть, над которыми висят вывески: «Железо-скобяные изделия». Все товары, которые продаются в этих магазинах, изготовлены из железа.

И всё же можно смело утверждать, что почти никто из вас не видел чистого железа. Этот блестящий и мягкий серебристо-белый металл стоит очень дорого. И увидеть его можно только в химических лабораториях, где чистое железо употребляется для опытов. А инженеры даже слово «железо» не употребляют. Они говорят, что в технике применяется не железо, а два его сплава с углеродом — чугун и сталь. Если углерода мало, не больше 1,7 процента, то это сталь. Если же углерода в металле больше, то это уже другой сплав, чугун.

Металлурги в шутку говорят, что чугун — это сталь, которая испорчена углеродом ещё при своём рождении. А можно ли её исправить? Можно ли чугун превратить в сталь? Нетрудно догадаться, что для этого следует сделать. Нужно каким-нибудь способом отнять у чугуна углерод. Твёрдый чугун его ни за что не отдаст, значит, придётся металл расплавить. А можно и сразу жидкий, только что выплавленный чугун превратить в сталь. Так обычно и делают.

Для этого жидкий чугун прямо от домны в вагонах-ковшах доставляется в мартеновский цех. Здесь из него сварят сталь, добавив к чугуну металли-

ческий лом, который, наверно, не раз собирал каждый из вас, ребята.

Из большой мартеновской печи за одну плавку получают пятьсот тонн стали. А за сутки печь производит три таких плавки и поглощает огромное количество металлического утиля.

Но можно в печь закладывать совсем немного металлического лома и получать хорошую сталь. В этом помогает могучий друг металлургов — кислород. Если его вдуть в мартеновскую печь, он заберёт с собой из кипящего металла излишек углерода.

Металлурги завода «Запорожсталь», применив при плавке кислород, не только стали выплавлять отличную сталь с нужным количеством углерода, но почти в полтора раза ускорили плавку, вместо трёх плавок в сутки они выдают четыре плавки.

Превращать чугун в сталь можно и в особых сосудах — конвертерах. Стремительные струи кислорода врываются в расплавленный металл и отнимают у него углерод, а заодно и вредные примеси — фосфор и серу. Примеси, соединившись с кислородом, всплывают на поверхность стали в виде шлака, а углерод сгорает и превращается в углекислый газ. Чистый металл выливают в изложницы, где он застывает слитками по несколько тонн весом. Каждый такой слиток потом может превратиться в десяток рельсов или станков, в сотни мотоциклов, в миллионы гвоздей или школьных перьев.

Сталь и чугун — очень важные металлы. С каждым годом их всё больше требуется в нашем хозяйстве. В 1960 году у нас будет выплавлено пятьдесят три миллиона тонн чугуна и больше шестидесяти восьми миллионов тонн стали. И с каждым годом выплавка чугуна и стали будет увеличиваться.

Могучая река стали, выплавленной нашими металлургами в шестой пятилетке, растечётся по всей стране, превратится в великолепные машины, в миллионы автомобилей и тракторов, велосипедов и мотоциклов, швейных машин и радиоприёмников, часов и холодильников.

По морям и рекам пойдут сотни новых крупных судов, сокрушая льды Арктики, двинется первый в мире атомный ледокол. Дадут первый ток турбогенераторы десятков новых паровых, атомных и речных электростанций. По новым дорогам тысячи тепловозов и электровозов поведут тяжёлые поезда.

СТИХИ ПОЭТОВ АРМЕНИИ

Ереван

Геворг Эмин

Вот они снова, родные края,
В утренней тишине...
Мой Ереван, даже пыль твоя
Кажется сладкой мне.
Сама раскрывается каждая дверь,
Зовёт меня каждый дом,
По Абовяну пойду теперь
Бродить я весенним днём!
Мой Ереван, после ста разлук
Многое нам ясней:
Ты изменился, как старый друг,
И, как старый друг, стал родней.
Мой Ереван, колыбель моя,
Песнь о тебе пою
С той же любовью, с которой я
Дрался вчера в бою.

Перевели Елена Николаевская и
Ирина Снегова.

Костёр

Рачия Ованесян

Молча поднимаюсь я по склону
В лес, залёгший в складках древних гор.
Здесь когда-то среди листвы зелёной
Детства моего пылал костёр.

У костра когда-то испытал я
Радость первой сложенной строки,
Здесь когда-то мореходом стал я,
Открывал шутя материка,

И с Будённым вместе на откосах
Здесь врага сумел я обвести,
Здесь нашёл я самый верный способ
Из темницы Тельмана спасти...

Полон лес мальчишеского смеха.
Что же сердцу может быть милей?
Голоса детей звучат, как эхо
Детства моего далёких дней.

Где оно? Где тот костёр ребячий,—
Искорки весёлого огня?
Он погас... Но жар его горячий
Согревает до сих пор меня.

Перевела Елена Николаевская.

Ласточка

Ваагн Каренц

Помню, был я ещё ребёнком,
И когда прилетали птицы,
Вида ласточек утром звонким,
Ждал, когда моя возвратится.

Просыпался с рассветом вместе
Я, разбужен весенней силой,
И смотрел, как на старом месте
Дом свой ласточка мастерила.

И под топодем возле дома
После шумной игры, усталый,
Слушал я, как мотив знакомый
Моя ласточка напевала.

Но однажды весной печальной
Пламя грозной войны взметнулось,
И во двор наш с дороги дальней
Моя ласточка не вернулась.

Где она? Только б быть живою
Ей, под пулями пролетаю.
Пусть другому поёт весною
Моя ласточка золотая!

Перевела Ирина Снегова.

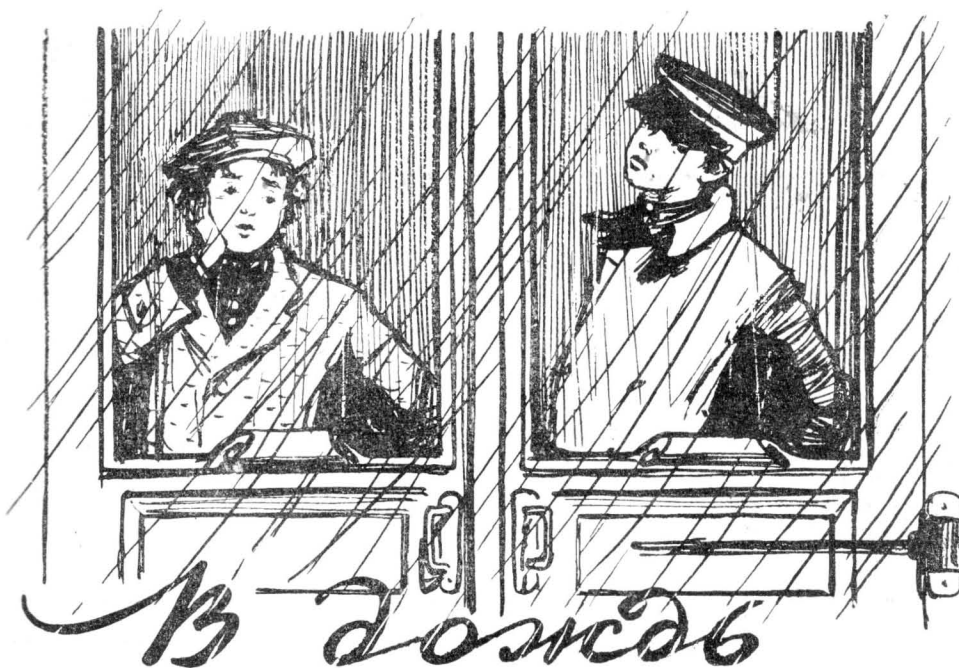
Царская свинья

(По народным мотивам)

Ашот Граши

Держал в палатах царь свинью,
За стол с собой сажал,
В парчу любимицу свою
И в бархат наряжал.
Велел он обруч золотой
Надеть свинье на рыло:
Так сердце грозного царя
Хавронья покорила.
В сапожки алые обул —
Пусть носит на здоровье;
Жила свинья,
Окружена
Почётом и любовью.
Отъелась при дворе она
И заблестела, как луна.
Но вот случилось как-то раз,
Гуляя по селенью,
Пришла свинья, увидев грязь,
В восторг и умиление.
Она, нарядов не щадя,
Залезла в грязь по пояс
И наслаждалась целый день,
В густых помоях
Роясь.
В них затопила
Обруч свой
И пышный плащ вельможи.
И вылезла
Свинья свиньей,
На всех свиной
Похожа.

Перевела Т. Спендиарова.

Рассказ Н. Мельникова

Рисунки Ф. Лемкуля.

Дождь загнал ребят в подъезды и подворотни.

Алёша очутился в одном подъезде с Лидой и скоро пожалел об этом, потому что не знал, о чём говорить с девчонкой с глаза на глаз. И хотя он был знаком с Лидой, как и с другими девчонками и мальчишками в Старомонетном переулке, не первый день, разговор не клеился. Алёша то и дело выглядывал на улицу: не перестал ли дождь?

— У нас сегодня физкультуры не было, — сказала Лида. — Ух, и обрадовались мы!

— А что он, злющий, физкультурник-то? — спросил Алёша.

— Не очень, — ответила Лида. — Но приходи без тапочек, так обязательно без упрямлений оставит.

— А у нас географичка новая, — сообщил Алёша. — Смеху с ней! Всё лицо в веснушках. Когда молчит, ещё ничего, а как начнёт рассказывать, веснушки так и бегают по лицу. Умора!

Перемыли косточки и другим педагогам, а дождь всё шёл и шёл.

— Идём к нам, — предложила Лида. — Телевизор покажу. Мы здесь на третьем этаже живём.

— Сейчас ничего не показывают, — отве-

тил Алёша. — В двадцать ноль-ноль будут цирк показывать.

— У вас тоже есть телевизор? — спросила Лида.

— Нет. Я каждый день в «Вечёрке» программу читаю.

— Тогда пошли, покажу.

Алёша подумал и согласился: лишний раз посмотреть телевизор никогда не мешает.

На третьем этаже Лида ключом отперла дверь и, войдя в коридор, громко позвала:

— Ленка, ты дома?

Никто не отозвался.

Ленка — это сестра Лиды. Алёша иногда путал их, до того они были похожи. Говорили, что они двойняшки.

— Вот человек Ленка! — рассердилась Лида. — Пойдёт гулять и до самого вечера не придёт.

Она привела Алёшу в комнату с двумя кроватями и письменным столиком. На тумбочке у окна стоял телевизор.

— Ну вот, смотри, — сказала Лида.

Но Алёше было не до телевизора. Он точно замер, остолбенел. Над одной из кроватей, в застеклённой рамке, висела фотография. С фотографии, как живая, смотрела на Алёшу новая географичка.

— Кто это? — вырвалось у Алёши.
— Мама.
— Врёшь. Это Варвара Сергеевна, новая географичка наша.
— Маму зовут Варвара Сергеевна, — пояснила Лида. — Значит, вы над ней смеётесь?
Алёша молчал. Потом спросил:
— Наябедничаешь?
— Нет, — ответила Лида. — Только мама вообще не смешная. Веснушки весной у многих бывают.
Алёша мельком взглянул на телевизор и сказал:
— Ну, я пойду.
— Что, испугался? — усмехнулась Лида.
— И не думал, — соврал Алёша, подозрительно шаря глазами по комнате. — Это чьи? — спросил он, увидав под трубами отопления несколько пар коньков.
— Одни мои, другие ленкины, а ещё мамины.
Алёша скривил улыбку и протянул:
— Мамины... Ври больше!
— Не веришь? Да? — быстро заговорила Лида. — Любой тебе скажет, что мама лучше всех на катке катается. Думаешь, она

старая? Ей хоть и тридцать шесть уже исполнилось, но она совсем не старая... У нас папу на войне убили. — Лида прищурила глаза и тихо спросила: — Хочешь, я тебе его фотографию покажу?

Алёша не успел ничего ответить. Лида уже доставала с полки толстый альбом в кожаном переплётё.

— Все говорят, я — вылитый он: глаза, нос, характер. Нам с Ленкой ещё года не было, когда он погуб.

Она раскрыла альбом, и Алёша увидел фотографию военного при погонах и орденах. Он подсчитал звёздочки на погонах — их было четыре, подсчитал ордена — их тоже было четыре. Алёша подумал о немалых заслугах капитана перед Родиной и от души пожалел, что его убили.

— А вот мама с папой, — сказала Лида, переворачивая лист.

У Алёши даже глаза расширились: капитан обнимал за плечи новую географичку.

— А здесь папа штатский. Видишь, в костюме. Он военным только на войне был, — продолжала Лида переворачивать листы. — А вот мама на велосипеде.

Алёша звонко расхохотался.

— Ты чего? — удивлённо спросила Лида.

Алёша молчал. Поклявшись он в школе, что видел географичку на велосипеде, ему не то что не поверят, а просто отколотят.

— А там что? — спросил он, заметив, что Лида быстро перевернула лист.

— Там мама на пляже.

Алёша не настаивал. И опять лист за листом: Варвара Сергеевна и капитан, точно они одни жили во всём мире и никого не было вокруг, куда-то шли по дороге, беспричинно смеялись, катались в лодке, сидели у костра.

— А здесь уже папу убило, — неожиданно сообщила Лида и зачем-то провела ладонью по пустому листу. — А вот мы на даче, вот грядки вскапываем, в волейбол играем. Вот мама, я, вот Ленка. А это мама со своими бывшими учениками. Они ей как-то вечное перо подарили. Только мама не любит, когда ей что-нибудь дарят.

Алёша смотрел на фотографии и сам не знал, почему его больше не емшило, что Варвара Сергеевна каталась на велосипеде или подкидывала волейбольный мяч. Он ждал фотографию капитана, а её так и не было больше.

— Это я на пианино играю, — сказала Лида, захлопывая альбом.

В комнате никакого пианино не было, и Алёша спросил:

— Что, продали?

— Чудак! — ответила Лида. — Оно в другой комнате стоит. Там мама спит, там и пианино. Идем покажу.

Они вышли в коридор. Рядом была дверь в другую комнату. Там Алёша увидел пианино с подсвечниками, кушетку и письменный стол. Лида подошла к столу и выдвинула один из ящиков.

— Это видел?

Алёша заглянул в ящик и ахнул. Каких только инструментов там не было: молотки, отвёртки, пилки, напильник.

— Тоже ваши? — спросил он.

— Ясно, наши. Мама всё умеет делать. Другой мужчина такого не сделает, что мама. Развалится стул — она в одну минуту собьёт его. Коньки, и то сама точит... Только вот Ленка на нервы действует. Пойдёт гулять и пропадёт. Мы с мамой до позднего вечера ищем её, — рассказывала Лида. — Набегаемся, пока Ленку ищем, а ночью у мамы радикулит о себе знать даёт. Думаешь, нас легко воспитывать? — Она улыбнулась и вздохнула. — Вообще мы довольно весело живём.

А Алёше показалось, будто Лида пожаловалась. Он представил себе, как Варвара Сергеевна орудует столярными инструментами, пилит, вбивает гвозди, и почувствовал себя виноватым, словно он ломал стулья и заставлял географичку чинить их.

— Конечно, — сказала Лида, — если бы папа был жив, Ленка не посмела бы так вести себя.

— Задвинь ящик, — сказал Алёша тихо, тоном старшего. — Нечего зря инструмент трогать!

Лида задвинула ящик, взглянула в окно и всплеснула руками.

— Уже вечер, а Ленки всё нет. Надо идти искать.

На улицу вышли вместе.

— Слушай, — сказала Лида. — Ты не болтай про мамин радикулит.

— А чего говорить? — успокоил её Алёша. — Наш сосед тоже болел им, так его утюгом гладили.

Лида негромко засмеялась.

— Что он, одежда?

— Не знаю, — ответил Алёша. — А всё прошло.

На том и расстались.

На улице уже горели фонари, сверкал мокрый и чёрный асфальт. От него пахло рекой.

Каждый день Алёша ходил Старомонетным переулком в школу и из школы домой. Он знал здесь всех дворников в лицо, где какие дома стоят, сколько проходных дворов в переулке. Летом, когда распахивались окна, Алёша знал, что в одном вечно гремит радио, в другом появляется собака и, встав на задние лапы, глядит на улицу. У двухэтажного домика с крылечком старомонетские ребята гоняли в футбол, а в шестиэтажном доме напротив кто-то всегда пел гаммы. Потом стало известно, что там живёт знаменитая певица.

Сейчас Алёша заходил во дворы, разглядывал встречных девчонок, искал Ленку, хотя никто не просил его об этом. Он пробежал по другим переулкам, но и там Ленки не было.

Нигде не обнаружив её, Алёша возвращался домой Старомонетным. Теперь для него этот переулок был знаменит не только гаммами певицы или футболом: здесь жила ещё Варвара Сергеевна — новая географичка.

Там, где переулок упирался в набережную, Алёша увидел Лиду. Она шла по другой стороне. За ней семенила Ленка, а позади Ленки шла Варвара Сергеевна. Тротуар был узок, они шли гуськом, молча, одна за другой. Что-то бесконечно одинокое было в этом безмолвном шествии. Алёше захотелось плакать, как от боли или обиды. Но у него ничего не болело, и его никто не обижал. Он просто подумал, что, если бы капитан был жив, этим троим жилось бы лучше. И ещё Алёша подумал о том, что у каждого человека на свете весной могут выступить на лице веснушки и в этом нет ничего смешного.

С ФОТОАППАРАТОМ ПО ИНДИИ

Ю. ЖВКОВ

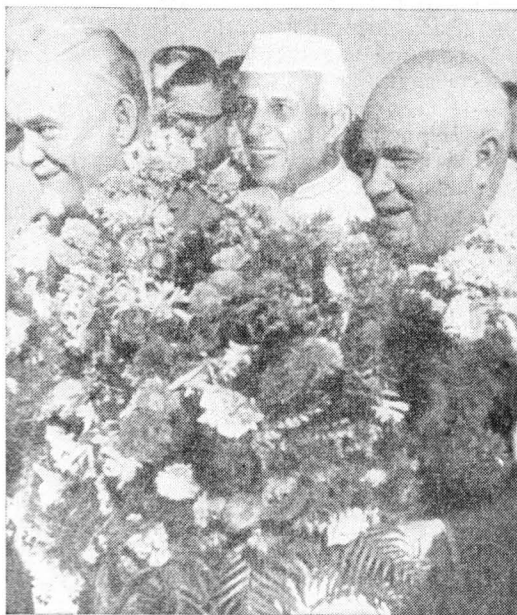
В качестве специального корреспондента газеты мне довелось побывать в Индии как раз в те дни, когда товарищи Н. С. Хрущёв и Н. А. Булганин совершали свою поездку по стране, тепло приветствуемые многомиллионным индийским народом.

Об этой поездке уже много написано и рассказано в очерках, книгах, кинофильмах, фотоальбомах, выпущенных и в Советском Союзе и в других странах.

Однако дружеский интерес к Индии и индийцам у нас настолько велик, что каждого, кто вернулся оттуда, непрестанно осаждают вопросами: «Ну, как там? Расскажите, что вы видели! Какова страна? Как там живут теперь?»

Путешествуя по Индии, я не разлучался с фотоаппаратом. Конечно, сколько ни сделай снимков, они не могут отразить всю многообразную жизнь огромной, многолюдной страны, всё богатство впечатлений, которыми было насыщено путешествие. Но всё же отдельные сценки и картины, выхваченные фотообъективом из жизни великой южной страны с её сказочной природой, с удивительными памятниками её древней культуры и искусства, с кипучим и творческим трудом её народа, освобождённого от многовекового колониального гнёта, будут, вероятно, интересны юным читателям «Пионера». Ведь лаконичный язык фотоснимка нередко бывает более ярким и убедительным, чем обстоятельная и подробная статья, повествующая о том же. Ведь фотографии позволяют вам видеть всё своими глазами, словно вы сами путешествуете.

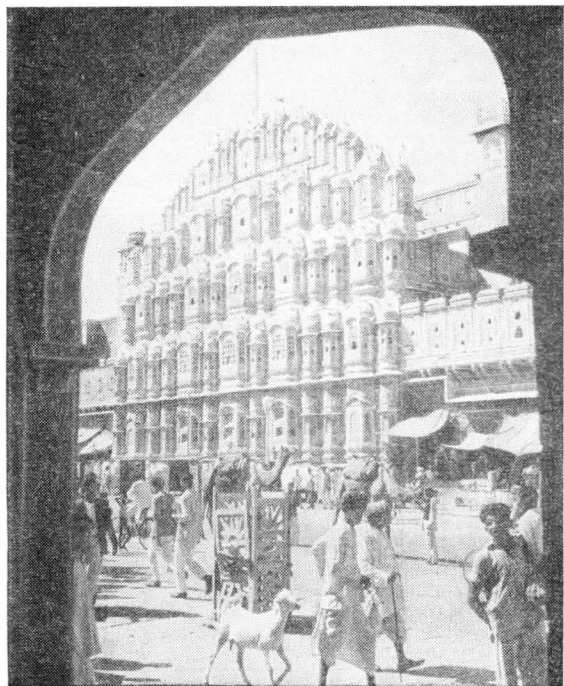
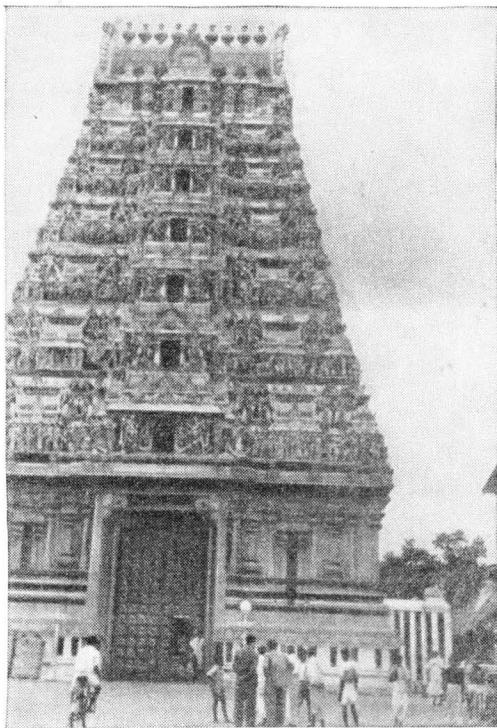
У гостеприимного, приветливого народа Индии есть красивый и трогательный обычай: щедро одаривать гостей цветами, которыми так богата индий-

ская природа. Вы видите здесь Н. А. Булганина и Н. С. Хрущёва, снятых вместе с Джавахарлалом Неру в момент прилёта в Дели. На плечах у них гирлянды пышных ароматных цветов, в руках огромные букеты.

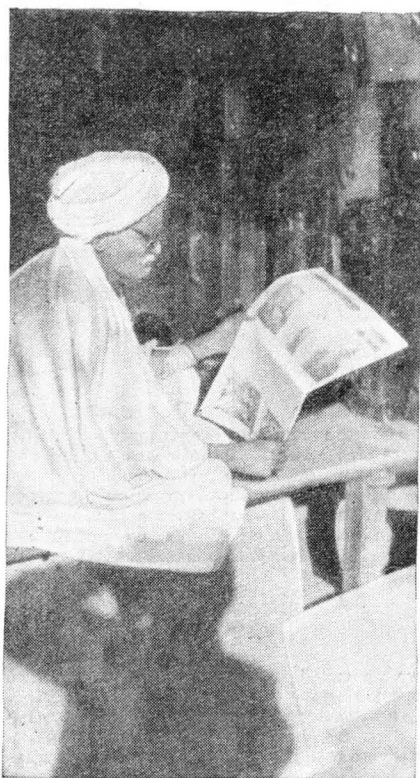
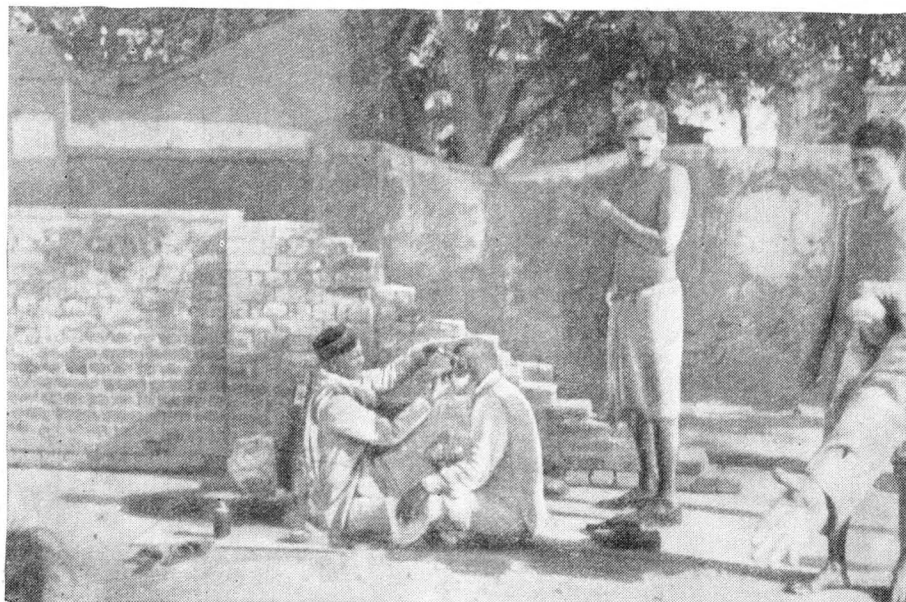
«Руси, хинди — бхай, бхай!» — «Русские и индийцы — братья!» Эти дружеские слова, написанные на языке хинди и по-русски, встречались нам всюду: и в больших городах и в малых селениях Индии.

Полубуйтесь на эти замечательные пальмы, склонившиеся к воде. Я сфотографировал их в одном из парков города Дели, столицы Индии. Пальмы растут здесь повсюду, как у нас берёзы или ели.

Индия богата древними архитектурными памятниками. На верхнем снимке вы видите старинный индийский храм, украшенный изумительными скульптурами. Этот храм построен сотни лет назад. Он находится в городе Мадрасе, на юго-востоке Индии, на побережье Бенгальского залива.

А на нижней фотографии — знаменитый «Дворец ветров» в старинном городе Джайпуре, который словно сошёл со страниц «Тысячи и одной ночи»... Джайпур иногда называют «городом павлинов». Павлинов тут действительно множество. Они охраняются законом и свободно разгуливают по городу.

Любопытные сценки можно увидеть порой на улицах индийских городов. Посмотрите, как работает этот брадобрей. У него дела хоть отбавляй. Клиенты стоят в очереди.

А на снимке внизу — заклинатели змей. Присмотритесь: из корзинки подняла свою страшную голову кобра. Она ритмично покачивается в такт завораживающей мелодии, которую исполняют на своих инструментах заклинатель змей и его сынишка, перенимающий ремесло отца.

То, что вы видите на двух предыдущих снимках, можно было увидеть в Индии и сотни лет назад. А вот на фотографии слева — явление сегодняшнего дня: пожилой торговец чемоданами интересуется проблемами международной жизни. Он читает статью о приезде советских гостей и так увлётся, что даже не заметил, как я его сфотографировал.

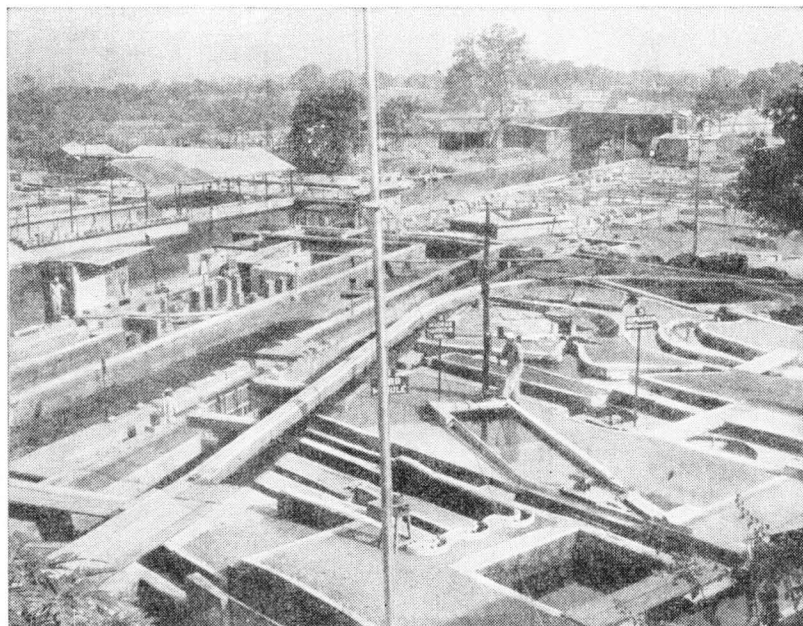

Рис, древняя сельскохозяйственная культура, известен в Индии с незапамятных времён. Но сегодня и в эту область вторглась наука. Я сфотографировал опытный участок рисового поля на сортоиспытательной станции близ города Пуна.

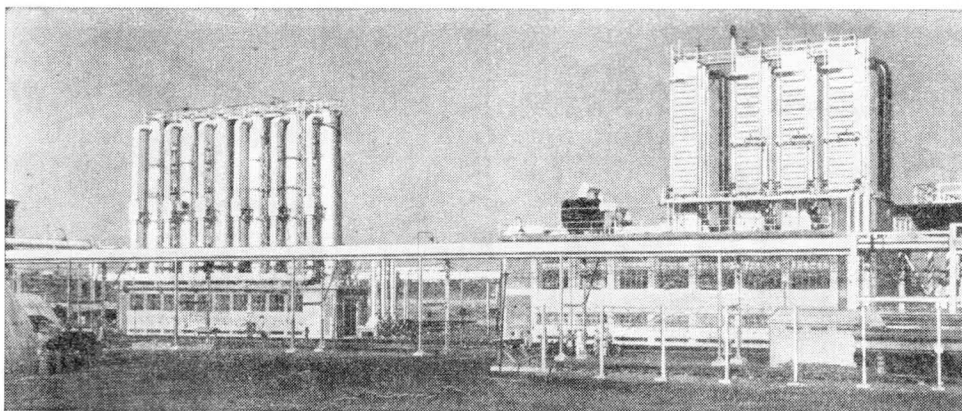
Щедрая земля Индии, если её как следует обрабатывать, даёт богатые плоды. Посмотрите, как красочно выглядит базар в Дели.

Веками Индия, угнетённая колонизаторами, оставалась разорённой, отсталой страной. Но теперь индийский народ спешит наверстать то, что было упущено не по его вине. Он строит новые заводы, электростанции, оросительные системы. На этом снимке вы видите необычайную сцену: словно Гулливер прогуливается по стройкам, возведённым лилипутами. Это индийский инженер обходит действующие модели крупнейших гидростроительств.

Здесь, на испытательной станции в Пуне, сооружены в миниатюре плотины строящихся электростанций, морские порты, дамбы, обуздвающие быстрые горные реки. Есть и машина, создающая маленький

искусственный прибор,— инженеры исследуют, как будет сопротивляться настоящему прибору мол строящегося порта. Эти исследования очень важны для строек, задуманных индийским народом.

А это один из цехов крупнейшего в Азии завода искусственных удобрений, который мы увидели в городе Синдри. Этот завод только недавно вступил в строй.

* * *

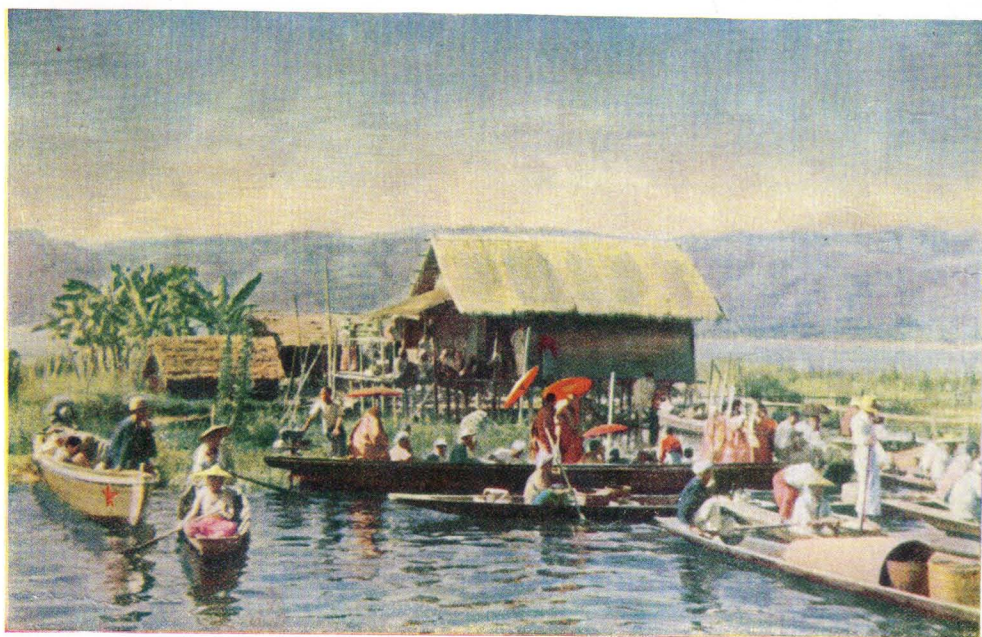
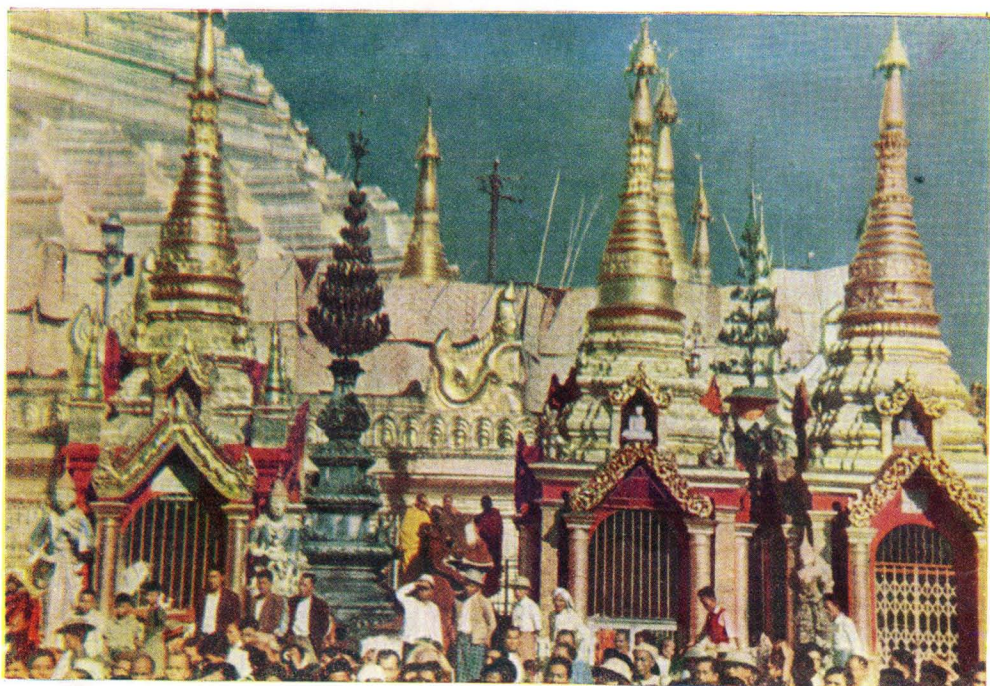
Богат и многообразен облик этой великой страны! У неё большая история, уходящая в седую глубь тысячелетий, и многообещающее будущее. Многомиллионный индийский народ, завоевавший самостоятельность, держит это будущее в своих руках.

Перед теми, кто захочет глубоко, по-настоящему изучить историю Индии, её географию, искусство, природу, быт и нравы индийского народа, откроется большой и интересный мир. В этом я желаю от души успеха читателям «Пионера».

ДЕВОЧКА ИЗ БОМБЕЯ, ОНА ПРИГOTOВИЛАСЬ К ТАНЦУ,
КОТОРЫЙ БУДЕТ ИСПОЛНЕН В ЧЕСТЬ СОВЕТСКИХ ГОСТЕЙ.

Фото Ю. Жукова

В БИРМЕ. На верхнем снимке — буддийские часовни во дворе древнейшей пагоды Шведагон, которой исполнилось 2 000 лет. Внизу — деревня на сваях на озере Инле.

Фото Ю. Жукова.

ДЖИЛЛИ И ДЖУННИ

Рассказ Джеймса Белларда

Рисунки О. Коровина.

Отец умер в начале мая. На состоявшемся после похорон семейном совете было решено, что Джилли и Джунни переедут к тётке Хэзел в Харлан.

Джилли, как старший, руководил упаковкой. Всё их бельё уложилось в один чемодан. Большую картонную коробку они набили учебниками. Книги, боксёрские перчатки, удочки и малокалиберка заняли ещё четыре коробки. В самую последнюю коробку они уложили проигрыватель и пластинки.

Проигрыватель Джунни упаковал особенно старательно. Он очень боялся, что в дороге пластинки могут побиться. Больше всего он боялся за «Сэма Холла». «Сэм Холл» была любимая песенка Джилли. Окончив упаковку проигрывателя, Джунни потащил коробку к машине, где его уже дожидался Джилли, тётка Хэзел и её муж Луис Вейс.

— Луис, дорогой, — сказала тётка Хэзел Луису, — эти коробки забьют всю машину. Будет лучше, если мы отправим их багажом по железной дороге. Чемодан с бельём можно, конечно, оставить в машине. Мальчикам будет так неудобно среди всех этих коробок.

— За багаж нужно платить, — буркнул Вейс. — Уместятся!

Вещи тётки Хэзел и Луиса заняли почти весь багажник «Линкольна». Когда же Джилли попытался всунуть в оставшийся

свободным угол одну из своих коробок, Луис издали крикнул ему, чтобы он был поосторожнее и не сломал только что купленные клюшки для гольфа. Джунни заметил, как, услышав окрик Луиса, Джилли остановился в нерешительности. Луис и сам, видимо, заметил это. Как бы оправдываясь, он поспешно добавил:

— Эти вещи стоят денег. Я только хотел предупредить тебя, чтобы ты был осторожнее.

Джилли запихал свою коробку в самый угол багажника, так что между ней и остальными вещами осталось даже свободное пространство. Закончив укладку, он выпрямился и отошёл в сторону. Джунни показалось, что Луис хотел сказать что-то ещё, но раздумал. Он молча захлопнул крышку багажника, запер его и, усевшись за руль, включил скорость.

Джунни и Джилли примостились на заднем сиденье среди коробок. На переднем сиденье с Луисом ехала тётка Хэзел. Коробок там не было.

Стрелка спидометра показывала пятьдесят миль в час. Двенадцатицилиндровый «Линкольн» Луиса мог развивать скорость до девяноста пяти миль в час, но Луис всегда пунктуально придерживался пятидесяти. На этой скорости машина расходовала бензин наиболее экономно.

Время от времени тётя Хэзель оборачивалась к мальчикам и ободряла их улыбкой. Джунни подумал, что тётя Хэзель понимает их горе и жалеет их. Он искоса посмотрел на брата, — как он себя чувствует? — но на лице Джилли нельзя было ничего прочесть. Спросить же Джилли об этом прямо он не решался: как-никак, они были не одни.

Тогда Джунни стал смотреть в окно. Дорога пересекала бесконечный ряд холмов. Джунни заметил, что вода во всех речках и ручьях была маслянистой и чёрной. Он показал на них Джилли.

— Это из-за отбросов, — сказал Джилли. — Здесь кругом угольные шахты. Весь Харлан окружён ими.

Джунни всю жизнь прожил в штате Кентукки, но там, где они жили, не было угольных шахт, и он теперь с тревогой смотрел на чёрную воду.

— Наверное, здесь есть речки и с хорошей водой, — сказал он с надеждой. — Мы не сможем ловить рыбу в плохой воде. Правда, Джилли?

— Что ты сказал?

— Рыба не может жить без чистой воды.

— Нет, наверное.

Джунни посмотрел на задумчиво сидящего Джилли. Он вздохнул. Говорить было не с кем. Немного погодя он почувствовал, что засыпает. Но каждый раз, когда он начинал клониться вперёд, Джилли подталкивал его в бок. Джунни был рад этому. Он не хотел, чтобы тётя Хэзель увидела его спящим. Ни он, ни Джилли по-настоящему не знали своей тётки. Впервые они встретили её только три дня тому назад, когда она и Луис приехали на похороны. К тому же она была их тёткой только наполовину. Она была сводной сестрой их отца. У них был ещё дедушка и родная тётка, но одна только тётя Хэзель захотела их взять к себе. Луис тоже, кажется, не возражал. Это было решено сразу же после возвращения с кладбища.

И вот теперь они ехали через весь Кентукки на восток, к горам, угольным шахтам и мёртвым рекам.

К Харлану они подъехали, когда было уже далеко за полдень. Машина пересекла город и, миновав въезд в ограду, мягко зашуршала по ведущей к дому Луиса дорожке. Путешествие было окончено.

Джунни и Джилли распечатали свои коробки. Проигрыватель не пострадал, но несколько пластинок оказались всё-таки разбитыми. Зато остальные пластинки, и в том числе «Сэм Холл», были в полном порядке.

* * *

К концу мая Джунни и Джилли несколько обжились на новом месте. Дом Луиса совсем не походил на их старый дом. Он был большой и выглядел почти новым.

— Это, конечно, не так, — объяснила тётя Хэзель, когда Джунни поделился с ней своими впечатлениями. — Этому дому не меньше пятнадцати лет. А мы с Луисом живём здесь уже шесть лет. Конечно, он выглядит новым — ведь мы с Луисом живём только вдвоём. Ну, а теперь дело другое: двое ребят, я думаю, быстро наведут здесь свои порядки.

Их прежний дом был очень старый, с выцветшими обоями и полинявшими половиками. Все книги в их доме были потрёпанные, многие из них подклеены полосками бумаги. Полки с книгами были во всех комнатах, даже в кухне и ванной. В доме Вейсов были три ванны, но в них не было ни одной книги. Все книги были в специальной комнате — библиотеке. Там вместо привычных для мальчиков полок стояли поблескивавшие толстыми зеркальными стёклами шкафы.

В доме Вейсов у Джунни была своя комната и у Джилли тоже. Раньше они спали вдвоём в одной комнате.

Дом их дедушки в Баулинг Грин, куда они ездили на похороны, был больше дома Вейсов, но он был очень старый и запущенный. Он был кирпичный, с белыми деревянными колоннами перед фасадом. Но кирпич крошился, а белая краска давно слезла с колонн.

Баулинг Грин был всего в нескольких часах езды от их фермы, но отец не ладил с дедом, и они никогда не навещали друг друга.

Джунни и Джилли вместе с отцом и служанкой жили на ферме одни. Они ходили в школу и помогали отцу управляться по хозяйству. Им нравилась эта жизнь, независимая и весёлая.

Так же, как дом Вейсов не походил на их старый дом, новая школа ничем не напоминала их прежнюю школу. Вначале они чувствовали себя в ней очень странно. В школе был буфет. В старой школе они приносили свой завтрак из дому. Тётя Хэзель сказала им, что это хорошая школа. Джунни думал, что она даже лучше их старой школы.

У Вейсов не было детей, и тётя Хэзель говорила, что она рада приезду мальчиков. Она решила купить им новые костюмы. Мальчикам это просто необходимо, заявила она Луису. После некоторого размышления Луис сказал, что он согласен, но тётя Хэзель не должна тратить на это больше тридцати долларов.

— Но, Луис,— возразила тётя Хэзель,— разве можно купить что-нибудь на тридцать долларов? Я думаю, на это потребуется, по крайней мере, пятьдесят долларов.

Луис долго обдумывал слова тётя Хэзель.

— Пусть будет пятьдесят,— заявил он наконец.— Ты, по-моему, должна лучше разбираться в этих делах.

— Нам не нужно костюмов,— сказал Джилли.

— Что ты говоришь! — удивилась тётя Хэзель.— Конечно, костюмы вам совершенно необходимы. Не упрямясь, Джилли. Разреши Луису... разреши Луису и мне купить их вам.

— Не собираюсь насильно навязывать вам что-нибудь,— проворчал Луис.

— Нам ничего не нужно,— повторил Джилли.

— О Джилли,— запротестовала тётя Хэзель,— не будь таким осликом!

В первый день занятий тётя Хэзель отвезла их в школу на своей маленькой двухместной машине. Она хочет сама познакомить их с учителями, сказала она мальчикам. Кроме того, необходимо выполнить некоторые мел-

кие формальности, связанные с их записью в школу.

Большинство учеников в новой школе были детьми шахтёров. Все они выглядели нездоровыми: у них были бледные лица и прозрачная кожа. Одеты они были в хлопчатобумажные костюмы, напоминавшие комбинезоны.

Но в школе была и другая, очень небольшая группа учеников. Это были дети старших служащих и инженеров угольной компании. Они держались особняком. У них были понятные им одним шутки и словечки. Они так же, как теперь Джунни и Джилли, были одеты в красивые шерстяные костюмы и в украшенные поперечными полосками рубашки. Они охотно приняли бы в свою группу и братьев: им было известно, что Джунни и Джилли живут в доме Вейсов, а Луис Вейс заведовал отделом рабочей силы угольной компании. Но Джунни считал, что мальчики в этой группе слишком шумливы, а Джилли,— что они слишком скучны.

Как-то раз на большой перемене к ним подошёл один из хорошо одетых мальчиков. В руках у него был пакетик с жареными каштанами. Их продавали в школьном буфете.

— Эй, вы!—сказал он братьям.— Вас что, на одну верёвочку привязали?

Заметив на себе тяжёлый взгляд Джилли, мальчик неловко улыбнулся. Но Джунни чувствовал, что ему совсем не хочется улыбаться.

Продолжая улыбаться, мальчик протянул Джилли пакет с каштанами.

— Возьми каштан,— сказал он.— Ну, бери! Хоть целую горсть!

— Зачем? — спросил Джилли.

— Может быть, ты голодный, вот зачем. Мой отец говорит, что Луис — жадина и совсем вас не кормит. Да вы и в буфете ничего не покупаете. Почему вы с нами не хотите дружить? Ну, чего смотришь? Бери каштаны!

Джилли взял пакетик и передал его Джунни. Потом он размахнулся и ударил кулаком в подбородок хорошо одетого мальчика. Мальчик отлетел от Джилли и закрыл лицо руками. Джилли был ниже мальчика,

— Ну, чего смотришь? Бери каштаны!

но он всё-таки ударил его ещё раза два. Хорошо одетый мальчик заплакал.

Джилли повернулся к Джунни.

— Хочешь добавить ему? — спросил он Джунни. — Просто ради принципа.

— Ну его, Джилли! Пусть убирается.

— Ладно, пусть убирается.

Джилли взял у Джунни пакетик с каштанами и расплющил его о голову хорошо одетого мальчика. При этом он почти даже не сердился.

На следующий вечер после ужина Луис позвал братьев к себе в кабинет. Тётя Хэзель была уже там. Луис потребовал, чтобы братья извинились перед побитым мальчиком. Оказалось, что отцом этого мальчика был начальник Луиса по работе и что он высказал Луису своё недовольствие поведением Джилли и Джунни. Луис был готов согласиться, что, возможно, братья и были правы. Но, сказал он, к этому вопросу следует подойти практически. Он в основном обращался к Джилли, чувствуя, что если сдастся Джилли, то Джунни последует примеру брата. Но Джилли наотрез отказался просить прощения.

— Это всё гордость, — печально сказала тётя Хэзель. — Их отец был точно таким же.

— Ну, — сказал Луис жёстко, — раз вы не хотите извиняться — ваше дело. А теперь идите наверх, быстро!

— Луис! — просительно прошептала тётя Хэзель, у которой начали дрожать руки.

— Быстро! — повторил Луис. — И ты, и ты!

* * *

Наступил июль и вместе с ним окончание занятий в школе. Обычно их любимым занятием во время летних каникул была рыбная ловля. Удочки они привезли с собой, но здесь они были бесполезны. Вода в речках была покрыта маслянистой плёнкой и издавала зловоние. Оставались книги и пластинки. Но книги скоро надоели, а пластинки тоже нельзя было слушать бесконечно. Они и так выучили их почти наизусть. Чаще всего они ставили «Сэма Холла».

«Они говорят, я убил человека», — пел Сэм.

Потом Сэма ловили и сажали в тюрьму. В конце пластинки Сэма вешали.

У них было ещё несколько пластинок с симфонической музыкой и двадцать три альбома с пластинками народных песен. Народные песни собирал отец. «Сэм Холл» был тоже из этой коллекции.

У них были ещё книги. Всех книг было

больше трёхсот. Раньше они тоже принадлежали отцу. Джилли прочёл уже много книг из этой библиотеки. Джунни прочёл всего несколько. Он мало что в них понимал, и они казались ему скучными. Но книги и пластинки были хороши только в плохую погоду. Кроме того, после начала каникул они целые две недели только и делали, что заводили пластинки.

— Меня тошнит от этой музыки, — пожаловался однажды Джунни.

— Что ты сказал? — спросил Джилли.

— Мне надоела музыка.

— Ты сказал, что тебя тошнит.

— Ладно, пусть будет — тошнит.

Джунни думал, что если бы он мог некоторое время не слушать музыки, то когда-нибудь она могла бы снова ему понравиться. Музыку, думал он, приятно слушать, когда хочется.

Сэм Холл пел:

«Меня зовут Сэм Холл.

Они сказали, что я убил человека.

Я ненавижу вас всех».

Необходимо было что-то придумать.

* * *

Пока в школе шли занятия, они обычно возвращались домой к тому времени, когда гости тёти Хэзель успевали уже разъехаться. Теперь же им приходилось присутствовать на её приёмах.

Иногда тётя Хэзель сама уезжала из дому. Но обычно гости съезжались к ней.

— Сегодня у нас собирается «Комитет домашнего воспитания», мальчики, — говорила она. — Как вы думаете, что нам подать на стол? Кофе с мороженым, не правда ли? И бутерброды с ветчиной?

Или это было собрание «Женского вспомогательного комитета клуба служащих угольной компании», «Церковного общества», «Кружка литературы и международных событий» и так далее.

— Вы, конечно, посидите с нами, — просила она мальчиков. — Вы так много читаете, и у вас такие хорошие головы. Только вы, наверное, считаете нас старыми клушками, с которыми не стоит терять времени? Так ведь?

Мальчики сначала покорно приходили на все собрания. Это было неизбежно. Тётя Хэзель посылала за ними горничную.

— Вот и мы, — говорила тётя Хэзель при виде входивших в комнату мальчиков. — Познакомьтесь с нами: Джунни Рафнер и Джилли Рафнер. И мы очень рады познакомиться с вами.

Большую часть гостей тётки Хэзел составляли толстые дамы...

Большую часть гостей тётки Хэзел составляли толстые дамы, одетые в платья с пышными лентами, с руками, унизанными кольцами и браслетами, с тяжёлыми ожерельями на шее. Иногда это были тонкие, вздыхающие, воздушные создания. Но и те и другие говорили драматическими голосами.

— Их отец,— объясняла тётка Хэзел, знакомя мальчиков по очереди со всеми присутствовавшими,— мой сводный брат. Да, да! Тот самый Рафнер из Баулинг Грина... Вы понимаете... Какая жалость, что это случилось с ним в таком возрасте. Он был замечательным человеком. Конечно, он был всего только мелким фермером, но у него был светлый ум, и он прекрасно воспитал мальчиков. Это исключительные дети, я хочу сказать, по своему умственному развитию. И вы понимаете, предложить им поселиться в нашем доме — это самое меньшее, что мы с мужем могли для них сделать. Мы делаем всё, чтобы они не чувствовали себя здесь чужими.

— Я уверена, что это так и есть,— говорила очередная гостья мальчикам.— Очень приятно познакомиться с вами. Очень. Я слышала о вас. О вас рассказывают просто чудеса. Братья Рафнер! Очень приятно было познакомиться.

— Мы все должны помнить,— сказала им наставительно жена священника,— что наши несчастия только кажутся несчастьями.

Жена священника была самой толстой из гостей тётки Хэзел. Она говорила самоуверенно прокуренным басом. Посмотрев на братьев бесцветными глазами, она добавила:

— Бог посылает нам по заслугам нашим.

Мальчики никогда не оставались с дамами больше чем на несколько минут. Они убежали сразу же после окончания церемонии представления.

* * *

Мальчики не должны опаздывать к обеду — это было неукоснительным требованием Луиса. В этом его поддерживала и тётка Хэзел. Дважды, когда это случалось, она напоминала им о своей просьбе. Когда они всё-таки опоздали в третий раз, Луис сделал им резкий выговор. Поэтому братья всегда старались вернуться домой так, чтобы успеть переодеться, вымыться и попасть к столу во-время.

— Пора двигаться домой, малыш,— говорил Джилли брату, когда время приближалось к роковому часу.— Луис взбесится, если мы опоздаем.

Обед проходил по строгому регламенту. Первую его половину занимала тётка Хэзел своими сообщениями о прошедшем дне. Она подробно рассказывала Луису, кто, когда и зачем к ней приходил, что было сказано и что решено. Затем наступала очередь Луиса. Луис ожидал повышения по службе, и его сообщения в основном касались его успехов или его неудач в этом направлении. Если бы Луис получил это повышение, он мог бы стать вице-директором компании — ослепительная перспектива по сравнению с его скромным положением заведующего отделом рабочей силы. Этот пост должен был получить или он сам, или другой служащий компании, с которым у Луиса шла ожесточённая конкурентная борьба. Джун-

ни помнил, что, когда Луис требовал от братьев извиниться перед сыном его начальника, он особенно упирал на это обстоятельство. Однако в последнее время Луис стал избегать говорить на тему о своём повышении. А попытка тёти Хэзель самой завязать такой разговор кончилась неудачей: Луис решительно заявил, что он не желает сейчас говорить об этом.

Время от времени Луис сообщал новости о шахтёре Ларкинсе.

— Ларкинс поправляется,— заявил он однажды.— Говорят, что через месяцев шесть он будет ходить.

— О, неужели! — воскликнула тётя Хэзель.— Как это приятно слышать! Вы слышите, мальчики? Мистер Ларкинс поправляется.

Луис кивнул:

— Через месяц — другой он уже будет ходить на костылях.

На Ларкинса упала вагонетка с углем и сломала ему ногу. Гипс наложили неудачно, и нога срослась криво. Врач компании советовал Луису пригласить на консультацию хирурга-специалиста. Луис, как заведующий отделом рабочей силы, был заинтересован, чтобы нога Ларкинса срослась правильно и компании не пришлось бы платить ему за увечье.

Осмотрев ногу Ларкинса, хирург рекомендовал операцию: нужно было вторично сломать кость и уложить её правильно. Но Ларкинс не хотел, чтобы ему снова ломали ногу, и отказался от операции, несмотря на все уговоры Луиса. Тогда Луис пригрозил Ларкинсу, что если он не подчинится указаниям компании, то компания будет вправе отказать ему в компенсации за увечье. Согласно правилам, заявил он тётю Хэзель, на компенсацию от компании может рассчитывать только тот, кто выполняет все её предписания во время лечения. Но Ларкинс послал Луиса к чёрту и попросил оставить его в покое. Пусть уж его нога будет кривой, но он не даст ломать её снова.

— Как это глупо! — возмутилась тётя Хэзель, когда Луис рассказал ей об ответе Ларкинса.— Честное слово, на этих людей остаётся только удивляться. Они ничего не понимают. Дикари какие-то!

— Но они кентуккцы,— сказал Джилли упрямо.

Луис почувствовал, кого хотел задеть Джилли. Луис приехал в Кентукки не то из Нью-Джерси, не то из Дэлавера. И Джилли знал это.

Как бы то ни было, Ларкинсу в конце концов пришлось согласиться на операцию.

— Теперь кость срастается правильно,— удовлетворенно сообщил Луис.— К рождеству он снова выйдет на работу.

— Я очень рада,— ответила тётя Хэзель.— Я думаю, «Вспомогательный женский комитет» должен будет послать ему корзину с фруктами. На следующем же собрании я внесу это предложение на голосование.

— А как они...— начал было Джунни.

— Что, «как они», старина? — спросил Луис.

— Как они ломали ему ногу?

— Ну, они его, наверное, сначала усыпили, потом хирург взял молоток и...

— Луис! — прервала его тётя Хэзель.— Пожалуйста!

И, обратившись к Джунни, она добавила:

— Доктора знают, как нужно делать такие вещи, детка.

* * *

В начале каникул мальчики попробовали возобновить свои занятия боксом. Тётю Хэзель это привело в страшное волнение. Кроме того, она считала своим долгом присутствовать при их тренировках, чтобы, если это потребует, оказать пострадавшему немедленную медицинскую помощь. А когда мальчики принимались наносить друг другу удары, нервы тёти Хэзель не выдерживали, и она начинала плакать. Заниматься боксом в такой обстановке было просто невозможно. Даже если бы тётя Хэзель могла удержаться от слёз, одно её присутствие действовало на мальчиков угнетающе.

Тогда они стали бродить по лесу и скоро обнаружили, что там живёт масса белок. Раньше они часто охотились на белок, но сейчас у них не было патронов для малокалиберки.

— Попроси у Луиса денег на патроны,— предложил Джилли.

— Хорошо. А почему просить должен я?

— Тебе он, может быть, даст.

Но когда Джунни изложил свою просьбу Луису, тётя Хэзель поспешно заявила, что огнестрельное оружие, даже если это только малокалиберка, слишком опасная вещь, чтобы давать его детям. Луис со своей стороны добавил, что охотничий сезон прошёл, что сейчас охотиться незаконно и что он, наконец, вообще не собирается тратить деньги на приобретение охотничьего разрешения даже тогда, когда охота будет разрешена. Что же касается просьбы мальчиков купить гильзы, то они тоже стоят денег, закончил он.

Выражение разочарования на лице Джилли быстро сменилось маской холодного безразличия. Но он посмотрел на Луиса таким взглядом, что Джунни невольно вспомнил хорошо одетого мальчика и его пакетик с каштанами.

— Пусть так,— сдержанно сказал Джилли по окончании речи Луиса.— Но, Вейс, для малокалиберки нужны патроны, патроны, а не гильзы.

Наступила неловкая пауза. До сих пор мальчики, обращаясь к Луису, всегда называли его «дядя Луис».

Луис в упор посмотрел на Джилли.

— Будь по-твоему, Рафнер,— сказал он коротко.

Малокалиберка осталась стоять в шкафу у Джилли.

* * *

Но оказалось, что бродить по лесу интересно и без малокалиберки. В лесу они нашли громадный валун с плоской вершиной и около него родничок с чистой и совершенно ледяной водой. Там они обосновали свой лагерь.

Они отыскивали большой деревянный ящик, засмолили зиявшие между досками щели, обили его внутри клеёнкой и перетащили на вершину валуна. В ящике они храни-

ли свои книги и сигареты Джилли. Он, правда, выкуривал за целый день всего несколько штук, а Джунни с трудом справлялся с одной. Но им было приятно иметь свои сигареты и свои книги. Их лагерь находился примерно в полутора милях от дома Вейсов. Скрытые стеной леса, они там чувствовали себя в полной безопасности.

После устройства лагеря братья каждый день приходили к валуну и проводили там всё дообеденное время.

— Знаешь, я постараюсь, чтобы меня в этом году выгнали из школы,— однажды заявил Джилли.

— Не говори глупости! Ты это серьёзно?

— Совершенно серьёзно.

— Ну, тогда и я.

Джилли засмеялся.

— И я! — упрямо повторил Джунни.

— Ладно, малыш. Я же не говорю, что нет.

— Непохоже, что ты мне веришь.

— Раз ты говоришь, верю. Только я, может быть, в этом году вообще не пойду в школу.

— А что ты будешь делать?

— Не знаю. Но Луис и я не очень-то нравимся друг другу. Ты же знаешь.

— Да...

Джунни не хотелось признавать это. Но он вспомнил о том тоне, или, вернее, о том полном отсутствии тона в голосе Луиса, когда тот разговаривал с Джилли. Кроме того, Луис никогда не называл Джилли «старинной», как он часто делал в обращении с ним.

— Ладно, плюнь,— посоветовал ему Джилли.— Может быть, все мои планы только пустая болтовня. Я, скорее всего, всё-таки пойду в школу.

Братья каждый день приходили к валуну и проводили там всё дообеденное время.

В другой раз, когда Джунни снова попробовал вернуться к этой теме, Джилли ответил:

— Я думаю, Луису страшно хочется получить это повышение. А он сейчас, кажется, не очень-то ладит со своим боссом. И всё из-за этой драки в школе.

Джунни кивнул:

— Хоть бы он получил это повышение. Тогда он перестанет на тебя злиться.

— Не так уж всё плохо. Он ещё не загнобил меня в угол по-настоящему.

— Нет. Но он может загнать тебя в угол, когда захочет.

Джилли задумчиво посмотрел на брата.

— Я не думал об этом. Ты прав. Он легко сможет это сделать, когда захочет.

— Джилли, подожди! Я вовсе не хотел сказать этого.

— Пусть ты даже и не хотел, но это всё равно так. И этому нужно положить конец.

— Нет, Джилли, ты не должен ничего делать. Это ещё не факт. Забудь об этом.

— Не волнуйся, малыш. Он больше не сможет ничего со мной сделать. И с тобой тоже.

Джилли положил руку на плечо брату.

— Я говорю, он не сможет ничего с тобой сделать. Понимаешь?

* * *

Тётя Хэзель заметила ежедневные отлучки мальчиков.

— Готова спорить, — сказала она, — что вам просто нечем заняться себя. Знаете что? У меня есть замечательная идея. Что, если я буду учить вас водить машину? Хотите? Сейчас же и начнём. Хорошо?

Весь этот день до обеда она учила Джилли управлять автомобилем на своей маленькой двухместной машине. Джунни, зажатый между тётей Хэзель и Джилли, выступал в качестве наблюдателя. Раньше у них на ферме был потрепанный «джип», и Джилли научился кое-как справляться с ним. Теперь ему нужно было научиться ездить по всем правилам, чтобы сдать экзамены на шофёрские права. Тётя Хэзель сказала, что Джунни лучше начать занятия со следующего года. К тому времени, объяснила она огорчённому Джунни, Джилли будет уже хорошо водить машину, и ему не придётся обучаться у такой суматошной старухи, как она. И вообще Джилли сделает это гораздо лучше её.

Так прошло два дня. На третий день за обедом тётя Хэзель рассказала Луису об успехах Джилли.

— У него прекрасно развито чувство координации, — сказала она. — А быстроте его реакции можно только позавидовать.

Сообщение тёти Хэзель не вызвало особого восхищения у Луиса.

— Да? — протянул он безразлично.

На следующий день, когда Джилли пришёл на урок, тётя Хэзель смущённо сказала мальчикам, что будет лучше, если они отложат занятия на некоторое время.

— Ну, что же, — ответил Джилли, — хорошо...

Сначала Джунни думал, что Джилли не прибавит больше ничего. Во всяком случае, ему очень хотелось, чтобы это было так.

Но Джилли неожиданно сказал:

— Вейс... дядя Луис, то есть Луис, — это он против наших занятий?

— Но, милый, нам действительно лучше отложить эти занятия.

— Он запретил заниматься?

— Джилли, ну, пожалуйста!

— Он запретил, тётя Хэзель? Я хочу знать.

У них сейчас была бы своя машина, если бы Луис, воспользовавшись правом опекуна, не продал её. А теперь он запрещает тёте Хэзель учить их водить машину!

— Джилли, попробуй понять, что я тебе говорю. Луис сейчас просто с ума сходит из-за этого повышения. Ты же знаешь, как ему хочется получить это место. И ему обидно, когда кто-нибудь начинает думать о чём-то другом. Это у него вроде кризиса. И как только он получит своё повышение, мы сможем, я думаю, возобновить наши занятия. Я даже совершенно уверена в этом.

— Но, значит, всё-таки это он запретил нам заниматься?

— Джилли, ну пойми же!

* * *

Было ясно, что уроков больше не будет. И мальчики снова отправились к своему валуну. Когда время стало приближаться к обеду, Джунни напомнил брату, что им лучше поторопиться, если они не хотят опоздать.

— Иди один, — ответил Джилли. — Я приду позже.

Джунни удивлённо взглянул на брата.

— Как позже?

— Просто позже.

— Но ведь уже пора возвращаться. Пойдём, Джилли! Пойдём, пожалуйста!

— Иди домой, малыш.

— А ты не придёшь до конца обеда?

— Думаю, нет.

Джунни снова сел на землю.

— Тогда я тоже останусь здесь.

— Нет, ты должен вернуться. Прошу тебя, Джунни.

— Но зачем тебе дразнить Луиса? Оставь это. Пойдём домой вместе.

Джилли молчал.

— Тогда я останусь с тобой.

— Послушай, ты всё испортишь, если останешься со мной. Иди домой один. Так нужно.

Джилли уговаривал брата до тех пор, пока тот не согласился уступить его просьбе. Джунни пошёл один, один по дорожке, которую они протоптали в лесу, один по шоссе, один, до самого дома один.

За столом ни тётя Хэзель, ни Луис не сказали ни слова по поводу отсутствия Джилли. Тётя Хэзель только посмотрела на Джунни, и ему показалось, что она собирается задать ему вопрос. Но она промолчала, и обед прошёл в тишине.

Джилли пришёл вскоре после окончания обеда. Его тоже никто и ни о чём не расспрашивал. При появлении Джилли тётя Хэзель встала и молча прошла на кухню. Через минуту она вернулась и сказала Джилли, что кухарка сейчас разогреет ему обед. Джунни хотел пойти в столовую вместе с Джилли, но тётя Хэзель позвала его обратно. Ему пришлось остаться на террасе вместе с ней и Луисом.

Вечером Луис вызвал Джилли к себе в кабинет. Тётя Хэзель осталась с Джунни на террасе.

* * *

Перед сном Джилли пришёл в комнату брата и рассказал ему, что произошло в кабинете. Луис спросил его, почему он не пришёл к обеду. Джилли ответил, что ему просто не хотелось так рано уходить из леса. Тогда Луис заинтересовался, что Джилли имеет против порядков, заведённых в его доме. Джилли ответил, что порядки в доме Луиса ничем не отличаются от порядков в других таких же домах. На это Луис коротко заметил, что Джилли ошибается и что он мог бы попасть в значительно худшее место.

Закончив пересказ беседы, Джилли добавил:

— Я думаю, Луис принял какое-то решение.

— Какое решение?

— Посмотрим. Помнишь, ты как-то сказал, что он сможет загнать меня в угол. Ну, вот мне хотелось посмотреть, как он это будет делать. По-моему, он не сможет.

* * *

Лето подходило к концу. Теперь Джилли казалось смешным, что в начале каникул они не знали, как убить время. Он пытался представить себе, куда ушли все эти недели. Жена священника на одном из приёмов у тётя Хэзель как-то сказала им: «Мы никогда не получаем того, что заслуживаем». Она сказала это так, как будто именно она установила подобный порядок вещей и с удовлетворением оглядывалась на проделанную работу.

В конце августа, вернувшись однажды с работы, Луис прошёл прямо наверх, в свой кабинет. Он не вышел к обеду, и Джунни понял: случилось что-то серьёзное. Тётя Хэзель встала из-за стола в середине обеда и пошла к Луису.

Оставшись одни, мальчики некоторое время сидели молча.

— Как ты думаешь,— прервал молчанье Джунни,— что случилось с Луисом?

— Повышение. Он не получил его.

— Да... А он так его добивался!

— Да, добивался. В этом-то, я думаю, всё дело.

Тётя Хэзель вернулась и отругала мальчиков за то, что они ничего не едят. Она налила себе бокал шербета и устало попросила их быстрее кончать обед. Так резко она впервые говорила с ними.

— Ваш дядя,— сказала она через несколько минут уже спокойно,— не получил повышения. Если можете, постарайтесь хотя бы несколько дней быть как можно более тактичными.

Она улыбнулась Джунни:

— У него есть причины быть недовольным нами, но постараемся не раздражать его и быть тактичными... Повышение получил другой служащий... Они оба очень долго боролись за это место. Конечно, со временем Луис тоже получит повышение. Но теперь ему придётся подчиняться своему бывшему товарищу. А это не очень-то приятно... Мы, конечно, оба рады за его товарища. Он и его жена — такие очаровательные люди. У них четверо милых ребятшек. Три девочки и мальчик...

Джунни хотелось утешить тётю Хэзель, но он не знал, что сказать. Он размышлял, что должен был чувствовать Луис, когда, подойдя так близко к цели, он неожиданно оказался побеждённым.

Когда до начала занятий оставалось несколько дней, Луис сообщил мальчикам своё решение: Джилли поедет в Баулинг

Джунни боролся изо всех сил, но не мог вырваться.

Грин к дедушке и тёткам, Джунни останется с тёткой Хэзель и Луисом.

— Мы поедем вместе,— сказал Джунни.

Тётя Хэзель попыталась убедить их согласиться на план Луиса. Так будет лучше, сказала она. Они должны положиться на Луиса. Луис изучал психологию, и он знает, как нужно поступать в подобных случаях. Дедушка был бы рад принять их обоих, но он не богат и он очень плохо себя чувствует. На рождество они смогут навещать друг друга. Они должны понять всё это и посмотреть на вещи здраво.

— Нет,— ответил Джунни,— мы поедем только вместе!

— Они не сделают этого? — спросил он Джилли, когда тётя Хэзель вышла.

— Не беспокойся. Всё будет хорошо.

— Они могут это сделать. Что тогда будет с тобой? Там, в Баулинг Грин, тоже не хотят тебя. Они все были против отца.

Он вспомнил, как охотно согласились дедушка и тётки на предложение тёти Хэзель взять мальчиков к себе.

— Что будет с тобой? — повторил он.

— Они ничего не смогут сделать со мной,— ответил Джилли тихо.— Пусть их.

Через два дня тётя Хэзель упаковала чемоданы Джилли. Одна из тёток приедет за ним после обеда, сказала она мальчикам.

— Может быть, она и не приедет,— с надеждой сказал Джунни брату.— Машина может сломаться. У них очень старый автомобиль. С ним может что-нибудь случиться, и она не сможет его починить.

Но тётка приехала.

Когда машина тронулась обратно, Джунни попробовал вскочить в неё на ходу. Луис поймал его. Джунни боролся изо всех сил, но не мог вырваться.

— Пусти, гадина! Пусти! — кричал он.

Обе тётки заткнули пальцами уши. Луис закрыл ему рот ладонью, но Джунни укусил его. Луис отдернул руку.

— Я тоже поеду! Я тоже поеду! — вопил Джунни.— Я должен ехать вместе с ним. Джилли! Джилли! Подожди! Подожди меня! Не оставляй меня, Джилли!

Машина уехала. Луис втащил Джунни в дом. За ними шла тётя Хэзель. Она вся дрожала.

— Гадина! Гадина! — продолжал кричать Джунни.— Ты не дал мне даже попрощаться с ним! Ты выгнал его!

Он остановился, чтобы передохнуть.

— Я тебя ненавижу! Вот тебе! Вот тебе!

Он лягнул ногой тётю Хэзель, которая попробовала подойти к нему. За это Луис так ударил его по голове, что он упал на пол. Он вскочил и бросился на Луиса, но Луис поймал его и скрутил ему руки.

— Один лишил меня работы,— пыхтел Луис, удерживая Джунни,— другой... Послушай, ты не собираешься успокоиться? Предупреждаю, тебе же будет хуже.

— Нет, Луис, нет! — взволнованно сказала тётя Хэзель.— Ты не должен так думать. Джилли не виноват в том, что ты не получил повышения.

— Чёрт бы его побрал! — сказал Луис.— Чёрт бы их всех побрал!

Тётя Хэзель перестала дрожать.

— Ему нужно сделать тёплую ванну,— сказала она деловито.

И пока Луис крепко держал Джунни, тётя Хэзель раздела его. Потом Луис опустил его в ванну с тёплой водой. Он продолжал держать его и в ванне. Джунни уже не мог бороться, он только всхлипывал.

— Всё-таки он совсем дикарь,— сказал Луис тёте Хэзель,— весь в отца, я думаю.

— Луис, дорогой, Джунни не дикарь. Это всё нервное потрясение. Видишь, он уже успокоился.

— Ну, а что ты скажешь о старшем? Он

обошёлся без потрясений. Уехал, не сказав ни слова.

— Да, это странно. Он казался таким равнодушным.

— Вы ничего не понимаете! — сказал Джунни. — Вы думаете, что он сказал хоть слово? Он мог бы сказать только одно: «Не разъединяйте нас!» Но он знал, что вы всё равно сделаете по-своему.

Тётя Хэзель наклонилась над ним:

— Постарайся успокоиться, милый, — сказала она Джунни. И, обернувшись к Луису, добавила вполголоса: — Это всё проклятая гордость семейки Рафнер.

* * *

Прошёл день. Потом ещё один день. На третий день Джунни сбежал из дому. Но они поймали его и привезли обратно. Они поймали его там, где шоссе почти вплотную подходило к реке. На другом берегу теснились хижины шахтёров. Когда Джунни увидел Луиса, он решил перебраться, если сможет, через реку и, добравшись до посёлка шахтёров, найти там Ларкинса. Ларкинс должен был спасти его, думал Джунни. Луис сломал Ларкинсу ногу, и он должен ненавидеть Луиса так же, как и Джунни.

Увязая по колено в вонищей грязи, Джунни побежал к воде. Но Луис поймал его.

На следующий день он снова убежал. На этот раз его поймали почти около дома.

Придя к себе в комнату, Джунни запер дверь и уселся на пол около окна. Он был один, и его окружала скука. Джунни оглядел комнату. Он заметил проигрыватель. Он приподнялся и, дотянувшись до него, положил на диск «Сэма Холла». Потом он стал медленно крутить регулятор звука вперёд и назад, то заполняя комнату невыносимым грохотом оркестра, то заставляя Сэма Холла петь почти шёпотом.

Он слышал торопливые шаги Луиса и тети Хэзель на лестнице.

«Я ненавижу вас всех», — пел Сэм Холл. Луис изо всей силы колотил в дверь.

«Да, я ненавижу вас всех», — ревел Сэм.

Джунни заметил под кроватью свои башмаки. Они были покрыты засохшей грязью. Джунни ещё не успел их почистить после своего первого побега. Джунни неторопливо крутил регулятор вперёд и назад, вперёд и назад. Когда музыка стихала, он слышал, как за дверью бесновался Луис и как тётя Хэзель просила его открыть дверь.

Потом всё снова пропадало в грохоте музыки.

Перевод с английского Л. Юрьева.

ЕЩЕ БОЛЬШЕ ЦВЕТОВ

Юные цветоводы и после того, как посеяны цветочные семена и высажена рассада, в июне и даже в июле могут пополнять свой цветник новыми цветами. Мы вам, ребята, подсказем, как это сделать: займитесь черенкованием многолетних цветов.

Срежьте острым ножом зелёные травянистые побеги длиной 7—10 сантиметров без бутонов, удалите с них листья, оставив только один или два листа на верхушке. У растений с крупными листьями следует подрезать листья, чтобы черенки меньше испаряли воды.

Укоренять черенки можно в ящиках, прикрытых стеклом, в парниках и в теплицах. Для черенков надо приготовить землю, лучше всего для этого смешать парниковую землю с таким же количеством песка, а сверху засыпать её слоем промытого песка толщиной примерно в два сантиметра. Срезать черенки лучше всего рано утром или вечером. Ящики с черенками надо установить в тени и прикрыть их стеклом, а когда черенки укоренятся, постепенно закалять их, открывая ящики.

Необходимо следить, чтобы земля в ящиках всегда была влажная и черенки не вяли, но нельзя и заливать черенки: в очень влажной земле они могут сгнить.

Если вы всё сделаете правильно, то через неделю у черенков вырастут корешки.

Ленинградские цветоводы укореняют черенки не в ящиках, а прямо на затенённых, хорошо поливаемых грядках.

Таким способом можно размножать флоксы, хризантемы, дельфиниум, гелениум, сирень и розы. Черенки флоксов можно укоренять весной, летом и осенью, зелёные черенки розы — в июне — июле, сирени — в период цветения.

Осенью укоренившиеся черенки розы и сирени пересаживают на грядки или в горшки. Черенки, пересаженные в горшки, нужно хранить зимой в помещении, где поддерживается температура 2—5 градусов выше нуля, а весной высадить в грунт.

Н. Александров

Что это за звери? Что вы знаете о них, ребята? Может быть, наш юный следопыт что-нибудь нам о них расскажет? Впрочем, нет. Кажется, и он сам и его ёжик не встречали ничего подобного...

ИСТОРИЯ КУКУРУЗНОГО ПОЛЯ

Вот уже и не хватает двухметровой линейки, чтобы измерить рост кукурузы.

1953 год Валины зернышки ♪

Однажды в майские сумерки, после тёплого дождика, ребята сажали на школьном огороде тыкву и дыни. Все грядки и клумбы вокруг школы были уже засажены овощами и цветами, остался только один этот дальний уголок.

Вдруг на огород прибежала девочка, Валя Карасёва, из четвёртого класса.

— Ребята, оставьте немножко места, у меня есть кукурузные зёрнышки!

Один мальчик сказал:

— Вот ещё, для тыквы места мало!

— Совсем немножечко, — просила Валя. — У нас никогда не было кукурузы!

— Ну, ладно, — согласился мальчик. — Пять шагов вдоль, четыре поперёк.

Девочка послушно отмерила участок и стала сажать твёрдые жёлтые зёрна.

Май был дождливый, но девочка не доверяла коротким весенним дождям и каждый день поливала гнёздышки, где сидели кукурузные зёрна. Тыква и дыни уже раскрыли первые круглые листики, а валин участок всё ещё был чёрный.

Как-то утром Валя пошла купаться, и вдруг её догоняют девочки-одноклассницы.

— Кукуруза взошла!

Валя понеслась на школьный огород.

Вот она какая, эта кукуруза! Из земли торчат стрелчатые желтовато-зелёные листочки. Все пробились в один день, словно по команде.

Кусты быстро поднялись и стали Вале по пояс, ещё через некоторое время среди зелени виднелась только валина голова с красными бантиками. А вот уже и головы не стало видно: зайдёт Валя на свой участок и исчезнет, как в лесу.

Двадцатого августа в Юштинскую школу приехали гости из Москвы. Среди них был агроном. Он удивился, увидев на бахче буйную рощу, и сразу направился к ней, перешагивая через толстые тыквы на пути.

Из кукурузных зарослей он вышел взволнованный. Он нёс большой жёлтый початок.

— Это же замечательный случай! — сказал он товарищам. — В Рязанской области кукуруза вызрела к двадцатому августа! Так только на юге бывает. Кто работал на этом участке?

Школьники, которые ходили по огороду следом за гостями, закричали:

— Валя Карасёва! Скорей сюда!..

Испуганная Валя прибежала от колодца с пустым ведром. Агроном показал ей початок.

— У тебя, оказывается, урожай созрел!

— Я не знала, — сказала Валя растерянно.

— Как называется твоя кукуруза?

— Кремнистая.

— Надо показать твой урожай в обкоме партии. Ты сделала очень, очень важное дело!

Через несколько дней учительница биологии Клавдия Николаевна и ученица Валя Карасёва ехали в поезде в Рязань по вызову обкома партии. Они везли с собой полную корзинку зрелых, тяжёлых кукурузных початков.

1954 год Наша кукуруза

Мало кто из работников сельского хозяйства Рязанской области верил, что в этих местах кукуруза будет вызревать. Она любит долгое лето и тёплую осень, а здесь уже в начале сентября бывают заморозки. Кукурузу думали сеять только на силос и потому выбирали такие сорта, которые дают много зелёной массы. В Рязанской области богатое животноводство, так что самое главное в этих местах — получить обильный корм для коров и свиней — силос.

Но раз кремнистая вызрела на огороде Юштинской школы, так, может быть, удаст-

ся «убить двух зайцев»: получить много зелёной массы и запастись своими семенами? В обкоме сказали Клавдии Николаевне и Вале: «Попробуйте создать такой гибрид, чтобы растения были мощные, рослые и чтобы сохранилась скороспелость кремнистой».

Клавдия Николаевна накупила книг, журналов, брошюр о кукурузе.

— Вот что, Валя,— сказала Клавдия Николаевна,— возглавляй звено кукурузоводов и давай примемся за дело серьёзно! Есть кукуруза высокостебельная, но позднеспелая, не попробовать ли скрестить её с кремнистой скороспелой?

В мае 1954 года, опять после тёплых дождей, Валя принесла на школьный участок семена кукурузы уже не в ладошке, а в двух больших мисках — кремнистую и высокостебельную. Тыкве пришлось потесниться.

Восемь девочек и мальчиков отмерили двести квадратных метров земли и посадили кукурузу рядками: чередуя ряд одного сорта, ряд другого.

«Какие качества важнее всего привить новому сорту? — думали ребята. — Конечно, скороспелость!»

Початков уродилось много.

Как только кукуруза выбросила цветы — шелковистые султаны, — ребята срезали их на высокостебельной кукурузе, чтобы уничтожить её пыльцу и чтобы все рядки опылились пыльцой кремнистой.

Кукуруза созрела в конце августа. Зёрнышки у высокостебельной и у кремнистой кукурузы разного цвета и разной величины. Поэтому новые початки получились пёстрыми, не похожими ни на тот сорт, ни на другой.

Это был гибрид!

— Наша кукуруза! — радовались школьники, перетаскивая свой урожай в биологический кабинет.

Початков уродилось много — двести сорок килограммов на двух сотках земли.

В школу пришёл председатель юштинского колхоза.

— Ну, что ж, теперь свои семена есть? Давайте будущей весной сеять в поле «Нашу кукурузу»!

Так и стал называться в Юште этот гибрид: «Наш».

1955 год. Хлопотное лето

«Главный кукурузовод» Валя Карасёва в 1955 году посадила на пришкольном участке не только «Нашу кукурузу». Надо было выводить новые семена, может быть, они окажутся ещё удачнее. Клавдия Николаевна привезла из Рязани початок румынской кукурузы, которая знаменита громадным ростом и крупными початками, и посоветовала Вале посадить её рядом с воронежской, привычной к короткому и прохладному лету среднерусской полосы. На другом участке посадили высокоурожайную одесскую рядом со скороспелой кремнистой.

А «Нашу» посеяли на колхозном поле на пяти гектарах. Землю удобрили навозом, золой, птичьим помётом, и теперь радовались, глядя, как всходы будто разлиновали поле зелёными полосками.

Из окон второго этажа школы это поле было хорошо видно.

Однажды Валя Карасёва собирала после уроков книжки в сумку и вдруг, взглянув в окно, замерла...

— Грачи! — закричала она и помчалась через коридор, по лестнице, через школьный двор, в поле.

— Грачи, грачи! — разнеслись по школе тревожные голоса, и десятки ног затопали по лестнице...

Над кукурузным полем нависла чёрная туча: сотни птиц опустились на всходы... Это гибель для молодых ростков! У соседей, шиловских школьников, грачи уничтожили уже чуть ли не половину всходов.

— К-ш-ш! Фюить! — на бегу кричали и свистели ребята, размахивая сумками, платками, ремнями.

Птицы загалдели, поднялись, но улетать от поля не хотели.

— Э, да они её бросают, — сказал один мальчик, подбирая на земле поломанные ростки кукурузы.

— Почему?... — удивились школьники.

Они стали собирать погибшие растеньица и хоть радовались, что их кукуруза не пришлась по вкусу грачам, но не могли понять: почему?

На поле спешила Клавдия Николаевна. Она ещё издали спросила:

— Что, очень повредили?!

— Нет! Им не понравилось!

Клавдия Николаевна тоже задумалась... Но вдруг рассмеялась:

— Гексахлоран...

— А-а! — вспомнили ребята. Ведь они перед посевом протравливали семена кукурузы гексахлораном. Вот это и не понравилось грачам!

Но волнения на кукурузном поле не кончились. То гуси забрели в кукурузу и навредили не меньше грачей, то червь-проволочник напал, то дождь прошёл и после него земля покрылась жёсткой коркой.

Ребята два раза брали в колхозе лошадей и бороновали поле. Поливали гнёзда особым химическим раствором, который отгонял от корней опасного червяка. Пололи, пасынковали, перед цветением подкармливали хлористым калием.

А когда закачались под ветерком пышные метёлки-цветы, появилась новая забота. Ребята принесли длинные верёвки и, протянув их над вершинами растений, стали наклонять, беспокоить цветы, чтобы усилить опыление.

...Катя, ученица 7-го класса, ходила между рядов и, осторожно отгибая оболочку на початках, нажимала ногтем на зёрна: молочная спелость или уже молочно-восковая? Неделю назад, когда она так делала, из зёрнышек брызгал белый сок, а теперь уже не брызжет. А ведь ещё только половина августа, — значит, кукуруза созреет до сентябрьских холодов.

Вдруг Катя увидела маленькую девочку в синем платье. Она стояла под сенью громадных кустов, выковыривала из сорванного початка зёрнышки и ела их.

— Ты зачем сорвала початок?! — крикнула Катя.

Девочка испугалась.

— Я хотела попробовать.

— Мы ухаживаем за кукурузой, а ты без спросу сюда забралась и рвёшь початки! — пробирала её Катя. — Вот сейчас я тебя отведу к директору школы, он с тобой поговорит!

Директор был на другом краю поля.

— Посмотрите, что она сделала, — сказала Катя, показывая директору недоодеженный початок.

Директор посмотрел на девочку и серьёзно спросил:

— Вкусно?

Девочка хмуро кивнула головой.

— Ну, вот что... — сказал директор и стал искать на кустах початки. — Подойди-ка сюда... Сколько у тебя братишек и сестрёнок?

— Двое братишек и одна сестрёнка...

— И ещё мама, — сказал директор и дал девочке пять больших початков.

— Скажи маме, пусть сварит эти штуки в солёном кипятке и даст вам попробовать. Беги скорей, а то ребята у нас строгие!

Девочка собрала початки в подол платья и побежала между рядов. Катя стояла смущённая, а директор смеялся.

— Чего же ты не понимаешь? Надо пропагандировать кукурузу! Ведь её никто здесь раньше не сеял, а надо, чтобы её полюбили. Расхищать не дадим, а угощать будем щедро!

Перед цветением сделали на поле «санитарную обработку»: срезали неполноценные кусты, проредили гнёзда и отвезли кукурузную зелень на ферму. Коровы понюхали новый корм, а есть не стали... Тогда доярки не дали им в положенный час обычного корма, а положили в кормушки только кукурузу. Коровы постояли, помычали — и стали жевать. А через час мычали уже по другой причине: пресили ещё!

Школьники принялись понемножку косить свой урожай и каждый день стали отвозить сочную зелень на подкормку скоту. Коровы сразу прибавили молока!

— Ну что за молодцы ребята! — радовался председатель колхоза, принимая очередной обоз с зелёной массой.

Всё было хорошо: початки наливались, твердели. Вдруг по радио сообщили тре-

вожную весть: в ночь с 25-го на 26 августа ожидается заморозки...

Вот настоящая опасность! Как спасти кукурузу? Есть только один способ: окутать её густым дымом.

Вся школа вышла на поле. Таскали сухой навоз, хворост, картофельную ботву и складывали в кучки вокруг поля.

Месяц холодно светился на чёрном звёздном небе. Толя Рындин и Толя Клепиков, одетые в шубы, ходили вдоль полосы и время от времени зажигали спичку, чтобы посмотреть на градусник, подвешенный на кукурузный лист. Четыре градуса выше нуля. Это ещё ничего! Когда зашелестел восток, термометр показывал только два градуса выше нуля. Это уже опасность!

— Э-гей, — закричал один из Анатолиев, — зажига-ай!

Направо, налево засветились огоньки, серый дым тяжёлой пеленой потянулся над полем. Когда рассвело, кукурузы не было видно под дымовой завесой.

Кругом на траве лежал хрусткий голубоватый иней, крыши домов побелели, листья подсолнухов на школьном огороде почернели и скрючились. А кукуруза, когда пригрело солнце, выглянула из-под рассеявшегося дыма зелёная, свежая!

И вот настала пора подводить итоги «кукурузной кампании». Сняли початки для силоса — сто двадцать центнеров с гектара. Убрали зелёной массы по шестьсот пятьдесят центнеров с гектара. Созревшими початками завалили весь пол в обширном биологическом кабинете, а полусохшие стебли, с которых сняли эти зрелые початки, засилосовали вместе с капустным листом, и получился опять-таки отличный корм.

В нынешнем мае Валя Карасёва (теперь она уже заканчивает седьмой класс) засеет со своим звеном на пришкольном участке шестьсот квадратных метров земли разными сортами кукурузы. Ребята будут выводить новые гибриды. В биологическом кабинете уже приготовлены початки: яркожёлтые, жемчужно-белые, темнорозовые, пёстрые, с семенами, похожими на пуговки, на бусинки, на капли застывшей сосновой смолы. Эта кукуруза приехала в Юшту не только из разных концов Советского Союза, но даже из разных стран мира. Валя и её товарищи будут испытывать эти сорта на своём участке.

А все семена «Нашей кукурузы» ребята высадят на колхозном поле. И, конечно, сами будут ухаживать за ней.

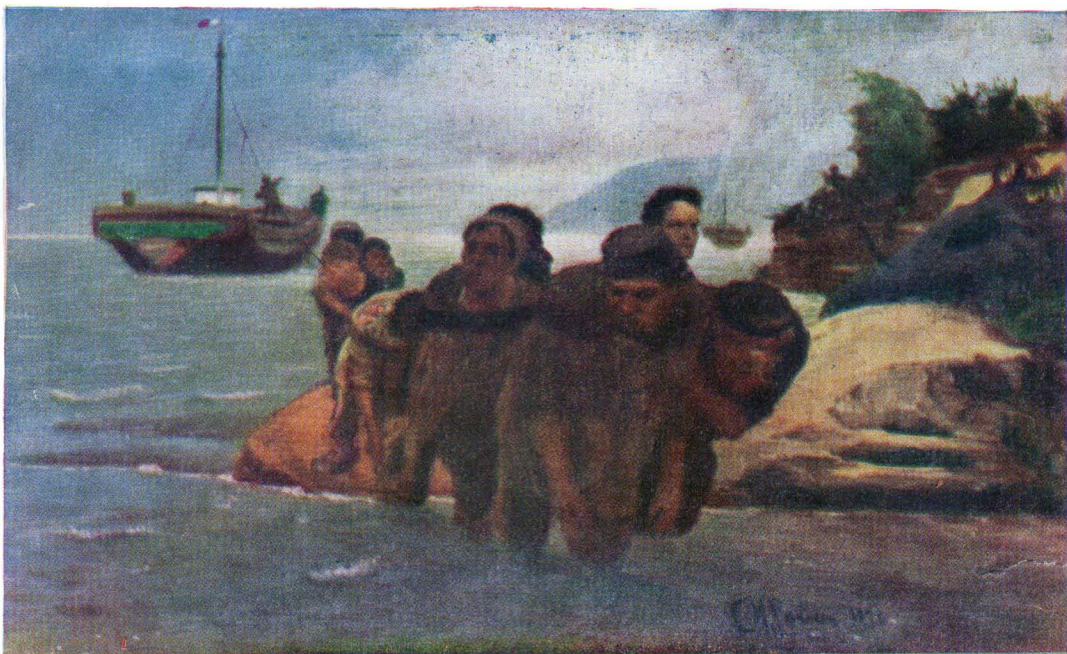
Е. Гарина

с. Юшта, Рязанской области.

БОЯРЫНЯ МОРОЗОВА.

В. Суриков
Третьяковская галерея.

БУРЛАКИ, ИДУЩИЕ ВБРОД.

И. Репин.
Третьяковская галерея.

МИКА МОРОЗОВ.

В. Серов.
Третьяковская галерея.

Рождение музея

Помните андерсеновскую сказку про волшебника Оле-Лукойе? Когда он приходит к мальчику Яльмару, сразу начинаются чудеса. Картина, на которой изображён красивый пейзаж, оживает, и Яльмар по совету Оле-Лукойе, шагнув через раму, входит в нарисованный мир, шагает по обрызганному росой травам, садится в нарисованную лодку, нарисованная река мягко и ласково подхватывает её и несёт Яльмара в подёрнутые дымкой манящие дали, которыми он изо дня в день любовался, глядя на картину.

Вы завидуете Яльмару? Все мы завидовали, когда были совсем маленькими и не знали, что каждый может перешагнуть через раму и войти в мир картины, если только она написана настоящим художником. Потому что каждый настоящий художник для того и пишет свою картину, чтобы мы почувствовали и пережили жизнь, которую он показал нам.

Картины заставляют нас смеяться и плакать, иные приводят в смятение, рождают в нас гнев и ненависть к злу, иные наполняют наше сердце горячим чувством гордости за человека. А иные... Ну, например, знакомая вам всем картина А. К. Саврасова «Грачи прилетели»... Какие чувства рождает она?

...Окраина захолустного села, сараи, маленькая церквушка, забор, корявые старые берёзы с грачиними гнёздами; земля покрыта снегом, но он уже потемнел, опал, он тает, и стволы берёз отражаются в большой луже... И кажется, слышишь голос слетевшихся к берёзам грачей и скрип стволов на весеннем ветру...

Всё здесь обычно, всё знакомо, вы сами не раз видели такое рождение весны и такой уголок деревни, вы точно встретились со знакомым издавна человеком. Но бывает ведь и так, что изо дня в день встречаешь какого-то человека, знаешь каждую черту его лица, и лицо это кажется незначительным, обыкновенным. Но вдруг сильное чувство всколыхнуло человека — и всё лицо его изменилось, и вы увидели, что оно одухотворено, оно прекрасно, вы увидели душу этого человека. Вот так же самую душу родной природы показал нам Саврасов. И, быть может, прежде, до того, как вы увидели его картину, вы не понимали прелести издавна знакомых вам берёз, и талого снега, и чёрных гнёзд грачей. Любовь художника осветила их и показала вам всю поэтичность весны, научила вас любить родную природу.

Вот как много может дать маленькое полотно картины!

Разглядите напечатанную в этом номере журнала картину В. И. Сурикова «Боярыня Морозова», всмотритесь в лицо этой женщины и постарайтесь понять её характер.

Это знатная боярыня, первая на Москве. Куда же увозят её в розвальнях, за что царь заковал её в кандалы?

Боярыня Морозова была против изменений в церковных обрядах, которые вводил царь, она защищала свою старую веру.

Почему же Суриков сделал её героиней своей картины? Конечно, его привлекала не приверженность боярыни Морозовой к старым церковным обрядам, а сила духа, мужество. Она верила в то, что защищала, верила истово, пошла за это на пытки, на позор, на каторгу. Пошла бы и на смерть. Вот что восхищало в ней художника. И эта картина открывает перед нами удивительный мир — мир мужественного и смелого сердца человеческого.

Но картина рассказывает не только об одном человеке, это картина о народе, о его борьбе. Ведь дело обстояло гораздо сложнее, чем просто борьба за «старую веру». Народ терпел угнетение, произвол со стороны царской власти и не знал ещё тогда, как сбросить эти оковы. Нередко возмущение народа против насилия, протест народа выражался в форме религиозных движений. Посмотрите на людей, окружающих Морозову: как измучены они нуждой, сколько в них отваги, благородства, силы!

«Боярыня Морозова» и все картины, которые помещены здесь, сфотографированы в Третьяковской галерее, где я работаю. Вы, наверно, бывали у нас или будете, как только приедете в Москву.

В музее собраны десятки тысяч картин. Все эти картины вы, конечно, не успеете посмотреть, но непременно останетесь около небольшой картины В. Г. Перова с весёлым, звонким названием «Тройка». Тот, кто не видел её, может представить себе удалую русскую тройку на снежных просторах. Но нет, не такую тройку показывает нам художник Перов. Вечерет... Начинается метель... Трое худеньких оборванных ребятишек тащат, надрываясь, тяжёлую обледенелую бочку. Кто послал их за водой? Отец или хозяин, на которого они батрачат, как Ванька Жуков? Ведь множество подростков приходило на заработки в город из нищих деревень.

Помните «Плач детей» Н. А. Некрасова? Прочитайте ещё раз эти стихи. Ненависть к строю, при котором дети — маленькие рабы машин — не знают детства, пробуждают эти стихи. Те же чувства рождает и «Тройка» Перова. Вы вошли на минуту в страшную жизнь царской России, показанную вам художником, чтобы научиться ненавидеть несправедливость, бороться против неё. На этой картине, как и на других таких же правдивых картинах Третьяковской галереи, воспитывалась революционная молодёжь.

Показывать жизнь, рождая в людях гнев против тёмного царства, любовь к красоте и правде, — в этом подвиг русских художников.

Но кто же собрал эти сокровища русского

Тройка (1866 г.).

В. Перов.

искусства? Ведь для такого труда, кажется, мало одной человеческой жизни. И только человек, воодушевленный высокой идеей служения своему народу, мог посвятить этому все свои силы, отдать на это всё своё состояние. Таким человеком и был Павел Михайлович Третьяков.

Павел Михайлович Третьяков родился в 1832 году. Дед его и отец были купцы, и сам Павел Михайлович с малых лет работал в лавке: сперва «мальчиком» на побегушках, потом учился вести торговые книги, помогал отцу. Павел Михайлович с юности «был в делах очень серьезен и пользовался большим доверием отца», — пишет А. П. Боткина, дочь Третьякова. Эти черты — хозяйственность, деловитость — остались навсегда в характере Павла Михайловича и помогли ему вести дело гигантского размаха — создание национального музея. Всю жизнь он был строго бережливым. Но он берёт деньги не для самих денег, не ради приумножения своих богатств, как другие купцы. Деньги для него представляли лишь ту ценность, что на них можно было покупать картины, оказывать помощь нуждающимся художникам.

Скромный, серьёзный, трудолюбивый, Павел Михайлович много трудов и времени отдавал самообразованию. До страсти любил он искусство, особенно живопись.

В 1856 году Третьяковым была куплена первая в его собрании русская картина «Искушение». Она принадлежала кисти художника Н. Г. Шильдера и рассказывала о печальной судьбе бедной девушки-труженицы и её тяжело больной матери. Год приобретения этой кар-

тины и считается годом рождения Третьяковской галереи.

Третьяков не был тогда единственным собирателем произведений искусства. Известны были большие собрания картин Хлудова, Солдатенкова, Прянишникова и других. Но Павел Михайлович резко выделялся среди всех. Он собирал картины не для себя. Он хотел создать народный музей. Третьяков писал: «Для меня, истинно и пламенно любящего живопись, не может быть лучшего желания, как положить начало общественного, всем доступного хранилища изящных искусств, принесущего многим пользу, всем удовольствие».

Он чувствовал огромную ответственность перед народом за то дело, которое добровольно поднял на свои плечи. И перед каждым своим приобретением он подолгу размышлял, советовался с художниками И. Н. Крамским, В. Г. Перовым, И. Е. Репиным, с критиком В. В. Стасовым, взвешивал их советы и снова ходил по залам выставок, снова часами просиживал в мастерских художников, пока не принимал окончательного решения.

Суд его, как правило, был справедлив, и когда он покупал картину, художники считали это высокой оценкой своего творчества.

Он не останавливался ни перед какими затратами, он не боялся ни мнения царя, ни полицейского надзора, когда считал приобретение какой-либо картины необходимым для музея.

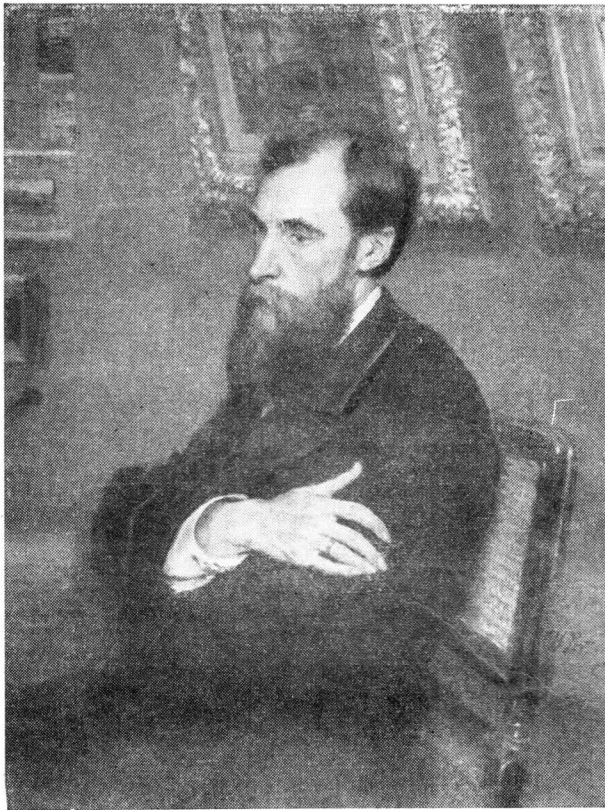
В восьмидесятых годах И. Е. Репин написал картину «Иван Грозный и сын его Иван». Это было обвинение бесконтрольному деспотизму, и для современников она стала обличением самодержавия, царизма. Правительство поняло это, и когда картина появилась на выставке, царь

запретил показывать её, потребовал убрать картину. Но Третьяков её купил и через некоторое время выставил для обозрения.

Третьяков особенно интересовался творчеством художников-передвижников. И это не случайно.

Кто такие передвижники? Это передовые русские художники-реалисты, которых было уже немало к концу 60-х годов. Они объединились в товарищество. Руководителем этого товарищества единодушно был избран художник Крамской. Целью передвижников было знакомить народ с искусством, «передвигая» выставки своих произведений во все крупные города России. Это было новым, небывалым до того и радостным явлением.

С первой же передвижной выставки в 1871 году Павел Михайлович купил ряд картин. Среди них был портрет писателя А. Н. Островского работы В. Г. Перова, историческая картина Н. Н. Ге «Петр I допрашивает царевича Алексея» и поэтический пейзаж А. К. Саврасова «Грачи прилетели». Третьяков часто покупал у художников их картины ещё до открытия выставок. Но, понимая огромное значение этих выставок для массы зрителей разных городов, он терпеливо ждал, пока картины через год — полтора попадут в его коллекцию.

Портрет П. М. Третьякова (1833 г.).

И. Репин.

Третьяков не только покупал готовые произведения, он и заказывал картины, которые считал необходимым иметь в своей галерее. Особенно настойчиво добивался он того, чтобы были написаны портреты лучших русских писателей, учёных, композиторов, художников.

Если бы не настойчивость Третьякова в этом деле, мы бы так хорошо не знали дорогие для нас лица Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. Н. Островского, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, как не знали бы и многих замечательных картин, которые Павел Михайлович собрал и сберёг для человечества.

Когда Третьяков начал создавать свой музей, у него уже были твёрдые взгляды на искусство. От картин он требовал прежде всего жизненной правды. Он писал по поводу одного пейзажа: «Мне не нужно ни богатой природы, ни великолепной композиции, ни эффектного освещения, никаких чудес... дайте мне хотя лужу грязную, да чтобы в ней правда была, поэзия, а поэзия во всем может быть, это дело художника».

Третьяков глубоко, понимал искусство, он был талантлив, обладал совершенным художественным вкусом и главное — передовыми взглядами. Вот почему он умел отобрать для своей галереи всё подлинно ценное. Вот почему Третьяковская галерея стала музеем мирового значения, вот почему она сыграла такую огромную роль в развитии русской живописи и даже больше того — в воспитании русского общества. Все передовые люди того времени понимали значение деятельности П. М. Третьякова. Они оценивали его самоотверженную работу как подвиг.

В 1892 году, когда Павел Михайлович безвозмездно передал своё собрание картин городу Москве, художники писали ему в приветственном письме: «Глубоко ценя и уважая ту глубокую любовь к русскому искусству, которая сказалась в великодушном поступке Вашем... мы просим принять от нас глубокую благодарность за Ваш щедрый дар Родине».

После Октябрьской революции собранию картин Третьякова было присвоено название «Государственная Третьяковская галерея». В 1918 году об этом издано было специальное постановление Совнаркома, которое подписал В. И. Ленин.

С тех пор галерея выросла в десять раз и сейчас продолжает расти. В настоящее время число картин, скульптур и рисунков в нашем музее достигает почти сорока тысяч. В галерее больше пятидесяти залов, и около одной трети их занято картинами и скульптурами наших современных советских художников.

Сто лет прошло с тех пор, как Третьяков положил начало замечательной сокровищнице искусства, сокровищнице, которая стала мировым музеем и представляет ценность для всего человечества.

**М. Эпштейн, научный сотрудник
Государственной Третьяковской галереи.**

СКАЗКА

о маляужной Кисти

(Продолжение)

Виктор Виткович,
Григорий Ягдфельд

Рисунки Е. Щеглова.

рыгая на костылях, Абракадабр подскочил к воротам. Но тут его встретило грозное рычание.

Посреди ворот лежал Тузик. Из пасти его, как раскаты далёкого грома, лилось безостановочное «р-р-р...» Оно не предвещало ничего хорошего. Волшебник усмехнулся. Порывшись в кармане, он вытащил бронзовый амулет с арабскими буквами, крошки нюхательного табака и завалывшуюся берцовую кость. Амулет и табак Абракадабр бросил обратно в карман, а кость показал Тузику.

— Дать собачке? — спросил он противным голосом.

— Р-р-р! — сказал Тузик и приподнял с одной стороны губу, показав белый клык.

Волшебник пожал плечами, потряс рукав своего пиджака, и из него выпал кожаный ошейник с костяными украшениями.

— Не соблаговолит ли мудрейший из псов принять от нас скромный подарок? Ошейник из кошачьих зубов. Он предохраняет от всех бед: от ампутации хвоста, от стригущего лишая и от летящих камней.

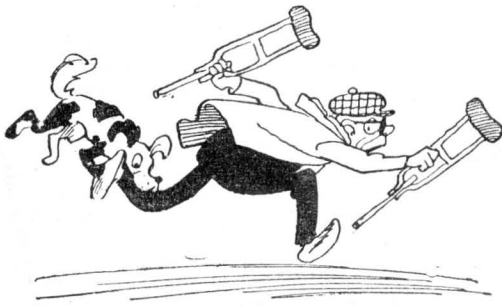
— Р-р-р! — проговорил Тузик ещё грозней.

Абракадабр удивился.

— Ты, наверное, думаешь, что чёрный Вася всё ещё тут? — Он вывернул второй карман. — Его нет, видишь?

— Р-р-р! — ещё раз сказал Тузик и вскочил на ноги.

Абракадабр попятился. Он был озадачен. Что бы это могло значить? Даже такие ценные реликвии, которые перечислены в «Серой книге» короля злых волшебников, и то оказались бессильны. «Ну и королевство! — подумал Абракадабр. — Ну и времена!»

Мог ли он подозревать, что разгадка этой тайны находилась позади него? Это был невзрачный, маленький каменный столбик, косо торчавший у ворот на краю мостовой: для ваших глаз — простой столбик, но для тузикиного носа — центральный собачий журнально-газетный киоск!

К этому столбику прибежали собаки всего района. Обнюхав столбик снизу вверх, можно было узнать, что произошло в мире. Не появились ли на свалке новые кости? И кто кого укусил? И кто загнал кошку на дерево? И целую кучу других, не менее важных известий. Много раз уже собаки сообщали друг другу и о злом волшебнике Абракадабре, передавая его запах, отпечатывая его на столбике, чтобы все запомнили. И если бы люди догадались нагнуться и понюхать столбик, они давно поняли бы, что над их улицей нависла страшная угроза. Надеемся, теперь вам ясно, почему Тузика нельзя было подкупить ни берцовой костью, ни ошейником из кошачьих зубов.

Злой волшебник стоял и размышлял, но, увидев в глубине двора мальчиков с волшебной кистью, решил. Осторожно, бочком Абракадабр начал проходить в ворота, умильно говоря рычавшему Тузику:

— Хороший пёсик... Умный пёсик...

Сделав вид, что не понимает человеческого языка, Тузик бросился вперёд и вцепился зубами в икру злого волшебника. Абракадабр швырнул костыли и без оглядки помчался домой. И это ещё счастье для него, что все на улице — маляры, и монтеры, и стекольщики — были на обеденном перерыве. Вот почему никто не видел, что инвалид — на самом деле не инвалид, а кто-то другой.

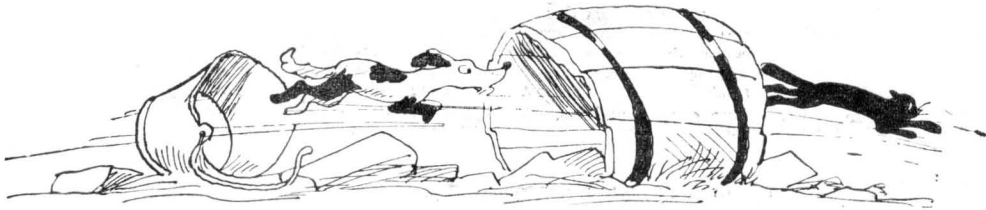
Вбежав в мастерскую, Абракадабр открыл семь замков сундука при помощи семи ключей и семи заклинаний.

— Сейчас я сотру тебя, мерзкий пёс! Сотру с хвостом и ушами! — шипел он, доставая из сундука волшебную резинку.

Дрожащими руками он сунул её в карман, снял с двери табличку «Закрото на обед», повесил табличку, предназначенную для более долгих отлучек, — «Закрото на переучёт», — сел в свою инвалидную механическую коляску и выехал.

8

Переезжая через улицу, волшебник мимоходом проверил резинку: мазнув по воздуху, стёр муху, жужжавшую у носа. Резинка действовала! Тогда волшебник нацелился в голубя, гулявшего по мостовой. Птицы на этой улице не боялись людей.

Абракадабр взмахнул резинкой, голубь взлетел, но кончик его крыла был стёрт, и голубь с писком упал на соседний забор.

«Не забыть прежде всего стереть зубы этому псу...» — думал Абракадабр, подъезжая к воротам.

Тузик с рычанием встал. Бедный Тузик! Откуда могла знать простая дворная собака, что от резинки, на которой нарисован заяц, надо бежать без оглядки! Волшебник поднял резинку, прицелился. Тузик прижал уши, собрался в комок, как пружина, готовая к прыжку. Но тут раздался голос: — Тузик!

И из дворничкой вышел Варфоломей.

Конечно, волшебнику не стоило бы никакого труда стереть и дворняжку и дворника. Но на груди Варфоломея была бляха. А Абракадабр знал, из чего сделана эта бляха! Знайте и вы: эта бляха сделана из того же куска железа, что и бляхи всех других дворников этой улицы. А железо это волшебное. Его сделал на Урале сам добрый великан Блюминг. Стоило кому-нибудь чужому дотронуться до одной бляхи, как все остальные бляхи начинали дрожать и звенеть и все дворники сбегались с мётлами и брандспойтами. И это всегда кончалось плохо. Поэтому Абракадабр, пока дворник его не заметил, счёл за лучшее попятиться и скрыться за забором.

Но времени терять было нельзя. Абракадабр издал священный писк рукокрылых. И сейчас же примчался чёрный кот и сел, ожидая повелений.

На этот раз хитрость злого волшебника удалась. Он шепнул что-то коту, и чёрный Вася, играя кончиком хвоста, пошёл к воротам.

Некоторое время Тузик и кот смотрели друг на друга, и в их глазах разгорался священный огонь ненависти. Тузик стоял, как изваяние. Тогда Вася подошёл к самому носу собаки и легко перепрыгнул через неё. Тузик не пошевелился. Но кот

вдруг сорвался с места, домчался до угла, и его хвост исчез за поворотом. Этого Тузик вынести не мог. Он кинулся со всех ног за котом.

Если бы мы были не людьми, а молниями и могли угнаться за Васей и Тузиком, мы увидели бы, как кот и пёс, завернув за угол, пронеслись через двенадцать проходных дворов, пролетая сквозь дырявые вёдра, как они пробежали через общежитие студентов консерватории, как пересекли Орликов переулок между мчащимися колёсами грузовиков, как провалились один за другим в чан для варки асфальта и выскочили из него, оба чёрные и дымящиеся. Сзади них летели камни и проклятия. Но камни их не настигали. А проклятий они не слышали, потому что звук отставал от них, как от реактивных самолётов. И если бы вам довелось видеть, как они пронеслись по перрону Казанского вокзала, вы бы сказали: нет, это не кот и собака, это чума и холера, и уж неизвестно, кто из них холера, и кто чума, и кто за кем гонится.

Едва чёрный Вася и Тузик скрылись за углом, Абракадабр просиял и смело въехал на своей коляске в ворота. В глубине двора он опять увидел мальчиков и золотую кисть. На дворника волшебник не глядел. Но дворник, у которого на ладони лежал голубь со стёртым крылом, сам преградил ему путь.

— Зачем вы здесь? — мрачно спросил он.

— Мне захотелось понюхать анютины глазки, — не задумываясь, ответил Абракадабр.

— Вы плохой человек, — сказал дворник. — Зачем вы срезали крыло у птицы?

— Что?

— Я всё видел, — внушительно сказал Варфоломей. — Я давно вас заметил. Воробьи не слетаются к вашему окну. Ласточки не выют гнёзда за вывеской вашей мастерской. Даже журавли, когда летят из Африки, долетев до вашего дома, сворачивают в сторону.

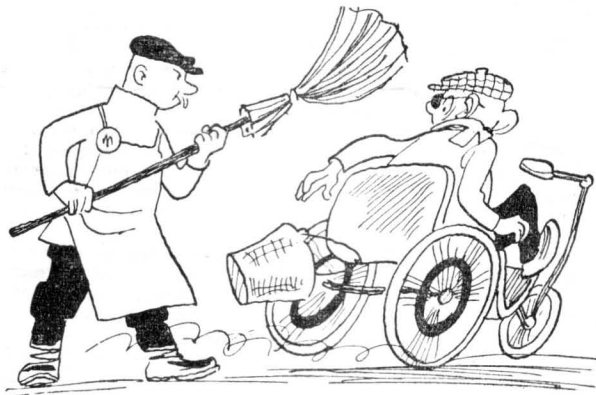
«Какая-то чушь», — с отвращением подумал волшебник, косясь на бляху.

О, эта бляха! Если бы не она, этого дворника давно уже не было бы в живых!.. А время шло! И великий король злых волшебников ждал! А кисть была рядом! И главное, обеденный перерыв не мог тянуться вечно...

— Уходите! — сказал дворник и грозно поднял метлу.

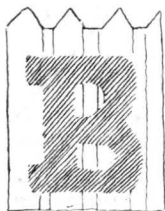
Если бы не тёмные очки Абракадабра, Варфоломей увидел бы, что глаза старичка закрыты. Глаза были ему не нужны. Как известно, у рукокрылых радиолокация давно стала шестым чувством. Но дворник об этом даже не подозревал. Он вынул свисток.

Абракадабр понял: сейчас сюда сбегутся дворники, а потом милиционеры. И пока будут разбираться, в чём дело, и писать протокол, обеденный перерыв кончится.

Поэтому волшебник решил не ссориться. Тем более, что у него был в запасе приём № 733 из «Серой книги» короля злых волшебников. Выехав на улицу, Абракадабр направил свою коляску вдоль забора, тщательно осматривая его.

Здесь надо сказать несколько слов о заборе.

9

отличие от других заборов этот забор был покрашен не только снаружи — для прохожих, но и внутри — для жильцов. Волшебник прочёл об этом вчера в газете, где была помещена и фотография: перед забором стоял управдом товарищ Папава, тот самый, которого все на их улице так и называли «товарищ Папава», и никто не мог понять, что это: имя, отчество или фамилия?

Зачем понадобилось волшебнику осматривать забор? Уж не хотел ли он перелезть через него? Но через такой высокий забор, это всякому ясно, перелезть невозможно. Впрочем, Абракадабр и не собиравшись перелезть. Он вынул волшебную резинку, оглянулся, не следят ли за ним, и одним движением протёр в заборе дыру величиной с лошадиную голову. Увидев, что Варфоломея во дворе нет, волшебник быстро увеличил дыру. Оглянувшись ещё раз и убедившись, что никто за ним не наблюдает, волшебник слез с инвалидной коляски и уже просунул в дыру голову, чтобы пролезть, но...

«Вот заколдованный двор! — подумал про себя волшебник. — Как только я пробую проникнуть в него, обязательно случается какое-нибудь «но»!»

...Из дворничьей опять появилась эта проклятая бляха, а за нею и грудь Варфоломея. Волшебнику оставалось лишь переждать, пока дворник уйдёт. И он стал пережидать.

Окинув довольным взглядом двор, который после ремонта казался совсем новым (если не считать недостроенного гаража), Варфоломей собиравшись уйти в дворничью, но вдруг остановился и протёр глаза.

Нет, ему не снилось! В заборе зияла дыра! В их заборе! В знаменитом заборе! В заборе, покрашенном не только снаружи, но и внутри! Дыра! Это было неслыханно! И за дырой мелькнуло что-то знакомое и отвратительное. Правда, лица Абракадабра дворник различить не успел: волшебник с быстрой молнией откатился и въехал на своей коляске в парадное, то самое, где была отпечатана федина пятерня.

Спрятался он как раз во-время: спустя мгновение Варфоломей выбежал на улицу и помчался в домовую контору, помещавшуюся рядом с булочной. Волшебник при виде маленькой пятерни на двери опять поморщился, но, заметив спину удаляющегося дворника, облегчённо вздохнул и двинулся к пролому. Теперь уже ничто не мо-

гло ему помешать: во дворе не было ни дворника, ни дворняжки!

Подъехав на коляске к забору, волшебник замер как вкопанный. В заборе не было никакой дыры! Понятно, что через эту тайну нельзя было так просто перешагнуть. Её следовало разгадать.

«Кто это мог сделать? — думал Абракадабр. — Кто мне мог так навредить? Наверное, волшебник Сивцева Вражка! А может быть, это волшебник Спасоблановского переулка? Но скорей всего, — от этой мысли он поёжился, — всё дело в маленькой пятерне! А вдруг это магический знак? — Он подумал ещё немного и сказал, размышляя: — Надо попробовать её стереть».

10

только событий уже произошло из-за волшебной кисти! Кот и пёс уже пронеслись через Центральный рынок, вызвав смятение среди молочниц. Дворник уже оторвал управдома от последних указаний по подготовке к празднику. Уже лежала первая жертва Абракадабра — голубь со стёртым крылом — в коробке с ветой на подоконнике дворничьей. Король злых волшебников, получив

донесение Большого Ушана, уже готовился стереть всю улицу. А Федя и Миша ни о чём не подозревали.

Спор, что хотела связать ничья бабушка — шапочку или чулки, — затянулся. И мальчики из-за этого чуть не подрались. Наконец они бросили монету, и выпала решка, решив дело в пользу чулка. Стоит ли рассказывать, как мальчики взмахнули волшебной кистью и у бабушки, спящей в лучах солнца, появился на коленях довязанный чулок.

Когда мальчики увидели творение своих рук и представили себе, как будет счастлива старушка, они запрыгали от радости. Они поняли, что нет большего счастья, чем добрые дела для других. Они пошли дальше, рассуждая, что бы ещё хорошее сделать. Надо ли удивляться, что, увидев в заборе дыру, они решили осчастливить дворника и приказали своей кисти дыру залепить.

Это было за две, нет, за две и три четверти секунды до того, как к дыре с другой стороны подошёл Абракадабр. И если бы волшебник не задумался, стараясь разгадать тайну, а прямо тут же протёр в заборе вторую дыру, мы бы навсегда распрощались с мальчиками и нам не о чем было бы дальше рассказывать. Злой волшебник стёр бы их своей резинкой и завладел кистью. Но этого не

произошло. Вот что получается, когда не во-время задумываешься.

Мальчики пошли дальше. Ярко светило полуденное солнце, и от стен шёл горячий запах свежей краски. Федя всё ещё думал, как обрадуется старушка чулку.

— Слышь, Федя! — неожиданно сказал Мишка. — А вдруг бабушку хватит солнечный удар и она чулка не увидит?!

Эта мысль встревожила мальчиков.

— Знаю, что надо сделать! — сказал Федя. — Идём!

Они вернулись обратно. Старушка, пригревшись на солнышке, всё так же сладко дремала, и на её коленях всё так же лежал чулок. Миша смотрел на Федю и никак не мог понять, что тот задумал. А Федя встал позади бабушки, поднял кисть и сказал:

— Кисть, а кисть, хоч... — Он горделиво поглядел на приятеля. — Хочу тенистое дерево!

Волшебная кисть в его руках опять вздрогнула и, почти вырываясь из рук, запрыгала в разные стороны так, что Федя еле её удержал. А позади неё бабушки стала вырастать тенистая липа, с веток которой даже свисли серёжки липсвого цвета. И по всему двору пошёл запах. И откуда ни возьми, загудели пчёлы. Летая среди зелёной листвы, они казались золотыми брызгами, оторвавшимися от золотой кисти.

С восхищением Миша и Федя смотрели на дерево, хотя цели своей им достичь всё же не удалось. Федя ошибся: тень упала не на бабушку, а на клумбу.

— Эх ты, волшебник! — сказал Мишка, отобрал кисть и нарисовал вторую липу, которая закрыла бабушку часов до трёх дня.

Между тем злой волшебник стоял у парадного и внимательно рассматривал отпечаток маленькой пятерки. На вид в ней не было ничего угрожающего: вот если бы рядом отпечатался острый коготь или шестой палец, тогда, конечно, следовало бы опасаться. Нет, не похоже, что пятерка — магический знак! Впрочем, это легко проверить! Если она магическая, волшебная резинка её не возьмёт...

Кончиком резинки Абракадабр осторожно при-

коснулся к отпечатку. Он легко стёрся. Волшебник облегчённо вздохнул и решил сейчас же, не теряя времени, протереть в заборе вторую дыру. Он повернулся к забору и — проклятье! — увидел Варфоломея. Мало того, рядом с дворником шагал сам управдом товарищ Папава. Волшебнику пришлось опять скрыться в парадном и переждать.

Товарищ Папава был не на шутку встревожен. Надо же было, чтобы несчастье постигло тот самый забор, возле которого его фотографировали.

— Ну, где? — спросил он нервно. Его чёрная борода торчала вперёд.

— Здесь... — сказал неуверенно Варфоломей. — Или тут...

Дыры не было.

— Слушайте! — сказал товарищ Папава. — Я работаю с шести утра! И если каждый дворник или водопроводчик будет позволять себе такие шутки... — Он не договорил и пошёл обратно в домовую контору.

Варфоломей тупо глядел на забор. Из парадного выглядывал волшебник, прильсывая от нетерпения.

— Ах, если бы не бляха! — стонал он.

А мальчики были во дворе и ни о чём не подозревали. Они держали золотую кисть и думали, какое бы доброе дело им ещё сделать.

11

озле недостроенного гаража сидел грустный человек, который уже сорок минут пытался завести свою легковую машину, и у него ничего не получалось. Это был автомобиль, взявший приз на Всемирной парижской выставке 1900 года. Его владелец Ромашкин служил в Бюро погоды.

— Помочь? — с готовностью спросил Федя.

— Не надо, — сказал Ромашкин, думая о своём.

— Может, новый баллон? Сменить карбюратор? — спросил Миша.

— Нет, — сказал Ромашкин.

— Дядя Сеня, а дядя Сеня, почему вы такой грустный? — спросил Федя, подмигивая Мишке на Ромашкина и на кисть.

— Нипочему, — сказал Ромашкин.

Не мог же он сознаться, что у него неприятности на службе из-за того, что он предсказал на весь месяц дождь, а всё время светило солнце.

— Дядя Сеня, а дядя Сеня! — продолжал приставать Федя.

Его прервал дворник Варфоломей. Он вошёл во двор как потерянный;

— Разрешите обратиться,— сказал он Ромашкину.— Посмотрите на забор!

Ромашкин посмотрел.

— Вы не видите случайно... дыру?

— Нет,— буркнул Ромашкин.

Мальчики переглянулись, но Варфоломей почему-то не обрадовался, что дыры нет.

— Спасибо,— дрожащим голосом сказал он и скрылся в дворничкой.

— Дядя Сеня, а дядя Сеня,— опять начал приставать Федя.— Может, вам новый сигнал, как у «ЗИМа»? Ну, пожалуйста.

Ромашкин не ответил и молча полез под машину. Тогда и мальчики полезли туда же, готовые к любой помощи. Вот почему они не видели, как позади них в заборе снова появилась дыра. А в дыре — страшное лицо Абракадабра.

Теперь волшебник протёр дыру и пролез в неё без всяких препятствий. Он сразу увидел мальчиков и Ромашкина: они лежали под машиной, их ноги торчали в разные стороны. А кисть лежала одна.

Абракадабр начал подкрадываться, и с каждым шагом лицо его становилось страшней. Наконец он протянул руку к кисти, оглянулся и облегчённо вздохнул. На этот раз за ним никто не следил.

О, как жестоко он ошибался! Спустя мгновение он почувствовал, что за ним всё время следило четыре миллиарда пятьсот миллионов глаз. Это были пчёлы, собиравшие мёд на двух новых липах, а у каждой пчелы, это всем известно, три циклопических глаза на темени и ещё десять тысяч немигающих глаз по бокам. Дружным роем пчёлы накинулись на волшебника. Защищаясь, Абракадабр попробовал их стереть и даже стёр несколько десятков. Но разве под силу одному простому волшебнику бороться против целого роя разъярённых пчёл! Хватаясь то за нос, то за глаза, Абракадабр пустился наутёк. А кисть так и осталась лежать там, где лежала.

«Да, этот двор заколдован...» — думал Абракадабр. Теперь он в этом окончательно убедился. Он сидел у себя в мастерской и никак не мог отдышаться. Один глаз у него закрылся, а губа распухла. «Надо действовать иначе. Если не удаётся самому проникнуть во двор, значит, надо выманить оттуда мальчиков. Это ясно, как ночь! И заманить их к себе! Как это сделать? Очень просто, через ту девчонку!»

Приняв это решение, Абракадабр повеселел. И, как мы увидим дальше, повеселел не зря: но-

вый план принёс ему полную победу. Но об этом после. Пока же Абракадабр покинул свою мастерскую, опять на костылях вошёл в парадное и, покосившись на лифт, стал подниматься пешком.

«Интересно всё-таки, в чём дело? — думал волшебник, взбираясь по лестнице.— Может быть, в чёрной бороде управдома? Может быть, она заколдована? А может быть, всё дело в фамилии? Па-па-ва,— сказал он.— Очень похоже на заклинание! Но надо действовать!..»

Во дворе из-под машины всё ещё торчали шесть ног. Из этого можно заключить, что Варфоломей пробыл в дворничкой совсем недолго. Несколько успокоившись, дворник вышел из дому и всей грудью вдохнул в себя запах свежей краски, всегда доставлявший ему радость. «Где ремонт, там жизнь», — мог бы сказать Варфоломей, если бы был немного философом.

«Что ещё осталось? — озабоченно думал он.— Маляр обещал докрасить карниз под крышей к двум. В три тридцать придёт машина за мусором. Ах, да, совсем забыл: надо побелить столбики!»

Он собрался вернуться за ведёрком с извёсткой, когда взгляд его упал на злосчастный забор. От неожиданности Варфоломей пошатнулся, прикрыл глаза рукой и опять посмотрел. В заборе зияла дыра. Тогда, поблуднев, Варфоломей сделал два шага назад. Дыра не исчезала!

Не спуская с неё глаз, словно боясь, что она пропадёт, Варфоломей вытянул шею и осторожно, не останавливаясь, пошёл к дыре. Подойдя, он просунул в неё дрожащую руку. Рука проходила! Он просунул голову и увидел улицу, столь знакомую, что сомнений, увы, быть не могло.

И всё же Варфоломей не верил себе. Спотыкаясь от волнения, он побегал за метлой, принёс её, просунул метлу сквозь дыру, выбежал через ворота на улицу, убедился, что кончик метлы торчит, и только тогда помчался со всех ног в домовую контору.

12

Чёрная борода товарища Папавы была окружена посетителями. Монтёр требовал дополнительно семь красных лампочек — осветить флаги. Какая-то женщина из шестой квартиры кричала про стекло на форточке взамен того, кривого, что ей вчера вставили.

— Через твоё стекло,— кричала она стекольщику,— вместо одного ящика около ларька я вижу два ящика!..

А стекольщик стоял тут же и делал вид, что это его не касается. Уполномоченный конторы «Заготовисырьё» стучал кулаком по столу и требовал, чтобы под праздник на каждой чёрной лестнице поставили добавочные ведра для очистки.

— Кормилские свиней не роскошь,— гудел он,— а общественная необходимость!

Домовый активист, трудившийся с погасшим окурком в зубах над стенгазетой, уже пятый раз спрашивал товарища Папаву, как лучше написать: «Первомайский привет аккуратным плательщикам!» или «С Первым маем, дорогие аккуратные плательщики!»? Посетители кричали, стучали, размахивали руками.

Хлопнула дверь. Товарищ Папава поднял страдальческие глаза и увидел дворника: на нём лица не было.

— Пожар?! — спросил управдом.

— Дыра! — сказал дворник чужим голосом.

Управдом внимательно посмотрел на дворника. «Неужели выпил? — подумал он.— Лучший двор-

ник района! Главное, никогда не брал в рот ничего, кроме чая и кваса!»

— Дыра! — трагически повторил дворник. — В заборе!

— Врёшь! — сказал товарищ Пава.

— Если я вру... — начал дворник. Он уже собирался клясться самыми страшными клятвами, но неожиданно для себя ещё раз сказал:

— Дыра! Управдом встал, раздвинул посетителей и пошёл к выходу.

Подходя к забору, дворник не увидел конца метлы, который должен был торчать из дыры. А когда они вошли во двор, Варфоломей убедился, что и дыры не было. Её, как не трудно догадаться, заделали мальчики волшебной кистью. Управдом безмолвно поглядел на дворника. Варфоломей заплакал, сказал:

— Увольте меня!

И, рыдая, ушёл в дворницкую.

— Два года! — крикнул вдруг управдом. — Два года строите гараж и никак не достроите!..

Ромашкин высунулся из-под машины.

— Да, да! Это я вам, товарищ Ромашкин! Если сегодня до двенадцати ноль-ноль не достроите, я его разломаю!

Управдом показал кулак в сторону дворницкой и пошёл к воротам.

— Нет того, чтобы самому помочь достроить, — проворчал вслед Ромашкин.

Управдом мрачно оглянулся и ушёл.

Мальчики поглядели на дядю Сеню. Они горячо ему сочувствовали. Хотя он и скрывал, они ведь знали, что он переживал из-за того, что целый месяц не было дождя. А тут ещё грозятся гараж разломать!

— Дядя Сеня! — сказал Федя. — Мы достроим гараж. Честное слово! Только скажите: из чего?

— А-а, из чего угодно, — сказал Ромашкин, махнул безнадежно рукой и ушёл домой.

13

одняв с земли волшебную кисть, Федя звонко сказал:

— Кисть, а кисть, хочу гараж последней конструкции!

И кисть опять запрыгала в его руках, так запрыгала, что Мишке пришлось придти ему на помощь.

И даже вдвоём оба мальчика еле удерживали кисть, вот как она рвалась из их рук! А перед мальчиками стал вырастать гараж, сверкая изогнутой крышей, с водопроводным краном снаружи и широкой решетчатой дверью из дюралюминия.

Когда гараж был готов, мальчики обошли его кругом и осмотрели. Какой жалкой показалась им машина Ромашкина рядом с этим чудом техники! И тогда Федя и Миша решили подарить дяде Сене новый автомобиль «Волга».

— А вдруг кисть «Волгу» не знает? — спросил Миша.

— Ну да, — обиделся Федя. — Ты знаешь, а она нет!

Конечно, кисть знала всё. Не прошло и минуты, как перед гаражом стояла новенькая машина. Чтобы дядя Сеня не перепутал, Миша перевесил номер с его старой машины на «Волгу». А старую машину мальчики закатали в пустой сарай для дров.

Рядом с сараем на подоконнике дворницкой ребята увидели коробку с ватой и голубя, у которого не было конца крыла. Федя взял голубя в руки, а Миша нацелился кистью и сказал:

— Кисть, а кисть, хочу целое крыло!

Волшебная кисть заработала, голубь испуганно затрепыхался в фединых руках, стараясь вырваться.

Но кисть ему не сделала больно, и голубь успокоился. Когда кисть остановилась, Федя расправил ладонь, голубь встал на лапки, распушил новое крыло так, что каждое перышко

встало дыбом, пискнул и взлетел. Затаив дыхание, мальчики смотрели, как голубь поднимался всё выше и выше и наконец исчез в небе.

Щурясь от солнца, Федя и Миша долго глядели ввысь.

— А что, если... — сказал Миша и осёкся.

— Знаю, — сказал Федя замирающим голосом. — Что, если подарить дяде Сене дождь?

Они робко поглядели на небо, чистое, сверкающее солнцем. И Федя решился. Подняв кисть к небу, он сказал тихо, почти шёпотом:

— Кисть, а кисть, хочу тучу на небе!

Сперва кисть лежала в его руке неподвижно, словно сама не знала, как взяться за дело. Потом, плавно покачиваясь, двинулась.

А за ней дымным хвостом, сливаясь в кольца и разрастаясь, за клубилась настоящая дождевая туча. Раздался удар грома. С неба упала первая дождевая капля.

И во двор вбежала Катя.

— Мальчики! — крикнула она. — Скорей!

Но для того чтобы знать, зачем она это крикнула, надо знать, откуда она прибежала.

(Окончание в следующем номере)

ГОТОВЬТЕСЬ К МЕЖДУНАРОДНОМУ ФЕСТИВАЛЮ МОЛОДЕЖИ!

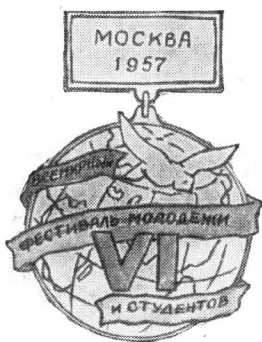
Дорогие ребята! Вы, конечно, знаете, что каждые два года передовая молодёжь всего земного шара собирается на свой большой праздник дружбы, мира, свободы и братского единства, что следующий такой праздник — VI Всемирный фестиваль молодёжи и студентов — начнётся 28 июля 1957 года в Москве.

Молодёжь и дети нашей страны уже готовятся к этому празднику, готовятся как можно лучше встретить юношей и девушек, которые съедутся к нам из разных стран.

Одни ребята начали выращивать цветы, чтобы было их как можно больше к этому весёлому празднику юности, чтобы морем цветов встречали мы гостей по всему их пути к Москве. А ведь ехать-то они будут с разных сторон, от разных границ — западных, восточных, северных, южных! Другие ребята решили стать переводчиками. Они учат иностранные языки не только на уроках, но и в кружках, выпускают стенные газеты на иностранных языках, ставят пьески, разучивают песни, чтобы к фестивалю научиться разговаривать с гостями на их языке.

Многие ребята разводят голубей, готовят подарки на память гостям. Подарки — это, пожалуй, самая интересная задача. Кому же тут потрудиться, как не умелым пионерским мастерам! Подарки могут быть самые разные. Для примера мы пишем здесь о некоторых вещах, которые вы можете сделать.

ЧТО МОЖНО СДЕЛАТЬ

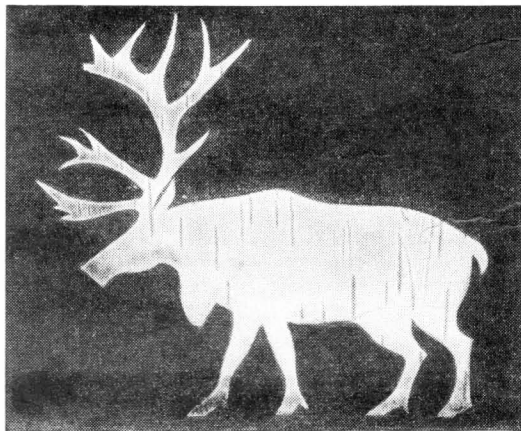
Юные художники предлагают свои проекты значка для участников фестиваля. Этот значок нарисован Глебом Бедаревым (изобреток Московского городского дома пионеров).

азербайджанские ковры, чувашские, русские, украинские, мордовские, белорусские вышивки — всего и не перечислишь!

Дети разных народов Советской страны перенимают это искусство у своих отцов и матерей с малюла. Пусть же они и подарки свои делают по замечательным образцам народного творчества, что-

Нашу страну населяют чуть ли не две сотни различных народностей, и у каждой свои искусные мастера-художники.

Украинские гончары славятся яркой расписной посудой; архангельские резчики — тонкими, словно кружево, узорами на кости, дереве и бересте; эстонские и латвийские кожевники — тиснёными украшениями на коже; чукчи — гравированием на моржовом клыке. Кожаные аппликации казахов, бисерные вышивки ламутов, орочнонов, удэгейцев, яркие вязания горцев Кавказа и Карпат, узбекские, туркменские, грузинские, гуцульские,

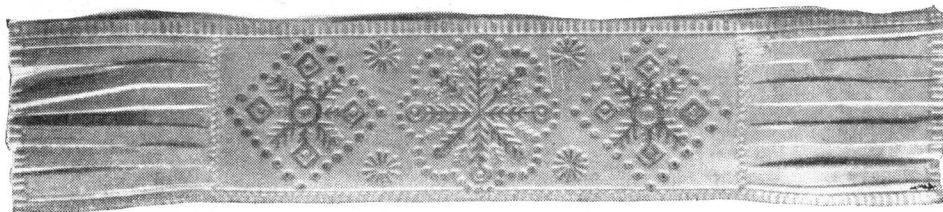

Олень, вырезанный из бересты. Разве вы не можете сделать такого же?

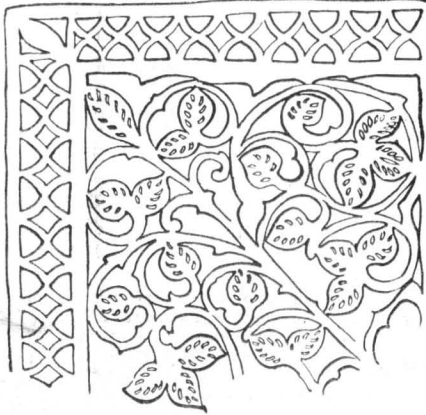
бы эти подарки напоминали гостям о нашей большой, многонациональной стране.

Конечно, от изобретательности и выдумки ребят зависит разнообразие подарков. С кожаным тиснением, например, можно ведь сделать не только закладку, но и футляр для расчёски, и обложку для записной книжки, и чехол для перочинного ножика.

Узор из бересты, который вы видите здесь, взят

Кожаная закладка с тиснёным узором.

Здесь вы видите часть крышки и стенки резной берестяной шкатулки. Можно сделать такую же резную закладку или рамочку.

со шкатулки. А можно приготовить в подарок и берестяную рамочку, подставку для настольного календаря или блокнота и много других красивых вещей.

Вот два образца знаменитых вятских народных кукол. Эти яркие игрушки очень нравятся не только детям, но и взрослым. Конечно, взрослые не играют в них, а ставят как украшения на письменный стол, на полочку или этажерку.

Из глины вылепить всякий сумеет, но не всякий сумеет обжечь глину. А что, если вы попытаетесь сделать такие игрушки из папье-маше?

Нечего и говорить, что пионерские мастера смогут приготовить много красивых подарков. Ведь кружевной домик, который вы видите здесь, тоже сделан руками ребят. И тому, кто может вы-

Вятская кукла «всадник».

пилить такую сложную игрушку, конечно, нетрудно смастерить и резную полочку, и корбочку, и многое другое.

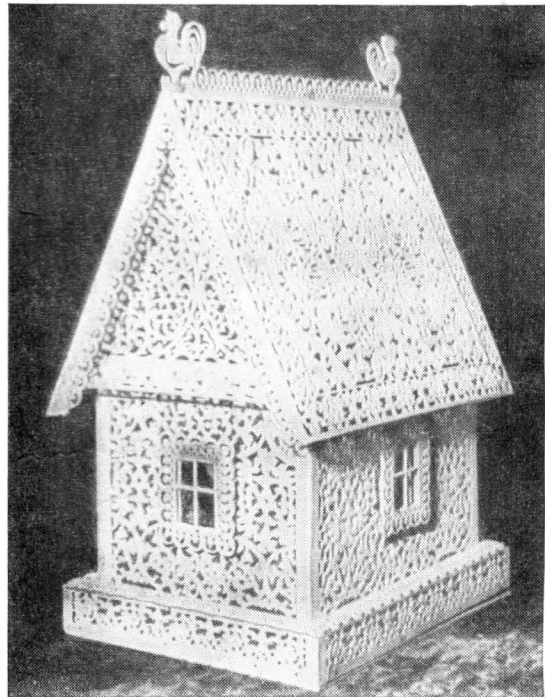
А что же говорить про вышивки! В прошлом номере журнала вы видели вышивки, сделанные белорусскими девочками. Здесь мы даём очень красивый узор архангельской вышивки русским швом. Каждый, кто любит вышивать, может использовать эти чудесные народные образцы для подарков.

Но и сами вы, ребята, должны искать и выбирать узоры в своих родных местах. Юные рукодельницы Чувашии, Мордовии, ваши национальные вышивки гладью-настилом славятся на весь мир. Ищите образцы у себя дома. Как хороши узбекские вышивки — созанэ! Трудно и долго вышивать большой ковёр, а чехол на подушку, маленький коврик, дорожку — это вполне по силам. Учитесь у мам и старших сестёр, советуйтесь с ними, они вам, конечно, с удовольствием помогут.

Вещи, украшенные аппликацией из нарезанной соломки, умеют делать во многих местах. Портсигар, который вы видите на следующей странице, сделан одним комсомольцем из села Нижарово, Алёшей Романовым. Корбочки, шкатулки, рамки,

Вятская кукла «нянька».

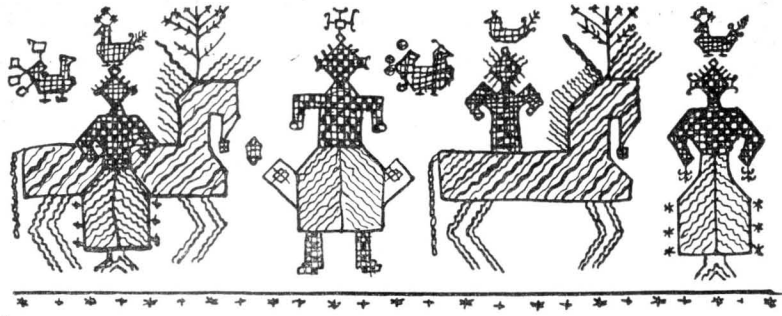
Выпиленный лобзиком узорчатый теремок. Коллективная работа воспитанников Невельского детского дома Великолукской области.

украшенные золотистыми орнаментами из соломки, очень красивы и, конечно, понравятся нашим гостям.

Маленький коврик, который вы здесь видите, выткан азербайджанской школьницей. И в других республиках есть такие мастерицы. Дело за ними! Пусть делегаты фестиваля увезут к себе на родину яркие тканые коврики, подушки, мутаки, сделанные руками юных ковровщиц Закавказья, Средней Азии, Прикарпатья!

Всё, о чём мы здесь рассказали, не составляет и тысячной доли того, что сами ребята могут придумать, внимательно оглядевшись вокруг. Часте они живут, окружённые произведениями народного искусства, и как будто не замечают этого.

Ребята! Присылайте нам образцы узоров, пишите о тех подарках, которые вы готовите, и обо всём, что вы задумали сделать и уже делаете к фестивалю.

Этот северный орнамент можно вышить и на закладке и на салфеточке.

Портсигар с аппликацией из соломки.

Коврик, который вы здесь видите, совсем крохотный: им накрошь только диванную подушку. Но разве не приятно получить такой подарок?

ГОЛУБИ МИРА

Тот, кто узнает голубей поближе, навсегда становится другом этих красивых, милых и занятных птиц. Я хочу рассказать здесь немного о голубях тем, кто будет разводить их к фестивалю.

Голубь и голубка образуют прочную пару, нередко на всю свою голубиную жизнь. Обычно с весны до осени взрослая пара может вывести птенцов трижды, а пара молодых, ещё не окрепших голубей — два раза.

В Москве и Московской области период размножения голубей наступает с середины марта. В это время голубеводы рассаживают пары по деревянным ящикам, у которых передняя стенка решётчатая. Дней через десять голубка откладывает два белых яйца, и тотчас начинается высиживание. Высиживают и самец и самка по очереди.

Через семнадцать дней выклёвываются птенцы. Они появляются на свет слепыми и глухими. Правда, на второй или на третий день они уже видят. У голубят есть одна особенность: они выходят из яйца опушёнными, а не голыми.

Голубята растут прямо на глазах. К двенадцатому дню желтоватый пух, покрывающий их, сменяется будущими перьями — пеньками. Пеньки пробиваются по всему телу птенца так дружно, что он становится игольчатым, словно ёжик. Ещё через несколь-

ко дней из пеньков кисточками вылезают опухала перьев, а на двадцатый день своей жизни голубёнок уже весь покрыт настоящим, хорошо развитым пером.

Проходит ещё пять дней, и он уже сам клюёт пищу. Ещё пять дней — и голубёнок уже летает. За короткое время — в тридцать дней — он достиг веса и развития взрослой птицы!

Как и чем голуби кормят своих детей? Это очень любопытно.

Голубь — птица зерноядная. Но для только что вылупившегося птенца такая пища груба. Насекомых родители ему тоже не ловят. Первые шесть дней они «готовят» ему совсем необычную еду. Стенки зоба голубя и голубки в эту пору выделяют особое вещество, нечто вроде каши, или, как её ещё называют, «молочко». Вот этим-то «молочком» и питаются новорожденные голубята. Такого кормления птенцов нет ни у каких других птиц. После шести дней голубь и голубка уже дают птенцам смесь из «молочка» и зёрен, а ещё через недельку кормят их просто зерном.

Разводя голубей, надо помнить правила всех птицеводов и животноводов: хорошее содержание и кормление дают хорошие результаты.

Вот некоторые правила ухода за голубями.

Холода голуби не боятся, но помещение обязательно должно быть сухим, без сквозняков, и с южной стороны у него надо устроить выгул, защищённый сеткой. Летом, в тёплые дни, в выгуле нужно ставить ванну. Голуби очень любят купаться, и это им необходимо для здоровья.

Пол голубятни полезно засыпать речным песком, а сверху нужно приладить несколько жёрдочек-насетов. В голубятне должна быть чистота. Убирать помёт надо часто, а лучше всего каждый день.

Самая здоровая еда для голубей — смесь различного зерна. Вот один из рецептов голубиной смеси: пшеницы или кукурузы — 40%, проса — 40%, бобовых (мелкого гороха или чечевицы) — 20%. Кормят голубей два раза в день и обязательно по часам. «Завтрак» — в 7—8 утра и «обед» — в 3—4 часа дня. На одного голубя в день полагается 40—50 граммов зерновой смеси. Смесь хороша тем, что она не приедается голубям, и они не теряют аппетита, как это бывает, если их кормить одним каким-нибудь зерном.

Нельзя кормить голубей цельным овсом, рожью, испорченным зерном. От этого они болеют и погибают. Нельзя кормить их и одним только ободраным зерном: в оболочке зерна содержится много витаминов, а голуби, которые едят ободранное зерно, заболевают авитаминозом.

Чтобы обогатить еду витаминами, надо всё лето, а если можно, то и зимой, хотя бы раз в неделю давать голубям мелко накрошенную зелень. Кроме того, голубям нужна минеральная подкормка, особенно в период размножения. Минеральной подкормкой может служить смесь из дроблёного кирпича и старой штукатурки с добавлением трёх процентов поваренной соли. Но соль эту надо не просто прибавлять в смесь, а растворив в воде.

И вот о чём ещё, ребята, мне надо вам сказать.

Воспитывая голубей, помните, для какой

высокой цели вы за это взялись. Нечего греша таить: все знают, что такое «голубятники». Ни у взрослых, ни у ребят они не в почёте. И, к сожалению, на это есть основательные причины.

«Голубятники» — недружный народ. Это не птицеводы, не натуралисты, а какие-то торгаша и барышники. И мены у них, и обман, и подвох, и переманивание птиц, и вражда, и драки, и ненависть.

Просто диву даёшься, откуда это всё берётся! Так и хочется сказать «голубятникам»:

— Ребята! Да вы посмотрите на своих питомцев, на их благородный характер, на их дружбу, верность, смелость!

Теперь, когда выращивать голубей для молодёжного праздника мира возьмётся целая армия настоящих юных голубеводов, этого, конечно, не будет. Птицы мира и дружбы, которые взлетят к московскому небу в день фестиваля, не могут быть выращены «голубятниками». Их вырастят ребята, которым дороги дружба, верность и человеческое достоинство.

В. Ларионов, профессор МГУ,
доктор биологических наук.

Голуби на площади в Саратове.

ПОЧЕМУ и ОТЧЕГО

Как сюда попала краснопёрка

Дорогая редакция!

Прошу ответить на интересующий меня вопрос. Впрочем, он не только одного меня интересует.

Между деревнями Большая Тавра и Русская Тавра посреди болота есть небольшое озеро. Недалеко от озера есть небольшой родник, стекающий в речушку Таврушку, которая находится в 200—250 метрах от озера.

В этом озере много мелкой рыбы, которую мы называем краснопёркой. Обычно она живёт в речках с быстрым течением.

Как же краснопёрка попала в озеро? Весной разлиг реки не достигает озера, потому что оно находится выше уровня реки, да и в нашей речке этой рыбки нет.

Александр Сапин

Деревня Малая Тавра, Свердловской области.

Объяснить жизнь рыбы в таком маленьком водоёме не так уж трудно: живёт же рыба в аквариуме! Была бы свежая вода, была бы пища.

А вот как рыбёшка попала в ваш водоём, это интересно.

Мне пришлось видеть небольшое озеро на высоте 1500 метров над уровнем моря, в отрогах Саянских гор. Из озера не вытекает ни одного ручейка. Оно совсем замкнутое, пополняется водой за счёт таяния снега в горах и за счёт дождей. И в этом-то озере водится рыба.

Как она попала на такую гору?

Это работа птиц. Какая-нибудь птица (чаще всего

утка) плыла по речке, где водится краснопёрка, случайно нацепила на лапу или на пух икринки, а потом полетела дальше, встретила ваше болото. Видит, вода. Села, поплавала, отряхнулась, и вот икра уже на новом месте, притом в хороших жизненных условиях. Так завелась рыбёшка в вашем водоёме и начала плодиться. Так завелась она и в высокогорном озере, которое я видел.

Попробуй весной сделать такой опыт: найди в Таврушке икру какой-либо рыбёшки, осторожно собери её в чашку с водой и перенеси в свой водоём. Понаблюдай, что будет.

К. Кочетков

Телевидение под водой

Дорогая редакция!

Я слышала, что при помощи телевизора можно увидеть рыб и животных, которые живут в море.

Расскажите, пожалуйста, об этом подробнее.

Гая Ефремова, Валерий Черняховский,
ученики 4-го «А» класса 14-й начальной школы.

Город Бабушкин, Московской области.

Несколько лет назад во время военных манёвров в проливе Ла-Манш затонула английская подводная лодка «Эффрей». Несколько спасательных судов отправилось к предполагаемому месту гибели лодки, но в течение трёх недель им не удалось разыскать её. Тогда решили попробовать применить для поисков «Эффрея» телевидение.

Наскоро сооружённую, очень несовершенную камеру опустили на дно пролива, и вскоре подводная лодка была найдена и поднята на поверхность.

В 1950 году на Чёрном море с борта судна «Форель» были проведены первые испытания советской подводной телевизионной установки. Она состояла из передающей камеры, заключённой в прочный водонепроницаемый кожух и соединённой кабелем с телевизором, стоявшим в одной из кают судна.

Камера, установленная на борту, передавала на экран телевизора всё, что происходило вокруг. Отчётливо были видны дома, деревья и люди, гуляющие по берегу.

Но всех находившихся на судне волновал вопрос: что будет, когда камера погрузится в воду?

Массивную камеру весом около 250 килограммов, прикреплённую к стальному тросу, медленно опустили в воду... И вдруг на экране телевизора проплыла стайка белых рыбёшек, за ней другая, третья. Потом показались лёгкие, прозрачные медузы.

Сидя в каюте, учёные наблюдали то, что происходило глубоко под водой, рассматривали обитателей моря.

С тех пор подводная телевизионная установка была усовершенствована. Передающая камера стала более лёгкой и удобной.

С камерой соединён мощный прожектор. Он позволяет вести наблюдения ночью и на больших

глубинах. Новая телеустановка работает не только на судне, стоящем на якоре, но и при движении судна.

Вначале подеодная телеустановка предназначалась для научных исследований морских глубин. Но теперь подводное телевидение с успехом используется и при спасательных работах. Геологи с помощью телевидения могут изучать строение морского дна, характер донных отложений, строители — рассматривать подводные части плотин и гидросооружений.

Дальнейшее развитие подводного телевидения раскроет перед человеком ещё не разгаданные тайны глубин морей и океанов.

А. Гороховская

Про муравьёв

Нашёл я однажды на стволе дуба небольшое дупло и стал его осматривать. В дупле ничего не оказалось, но для верности я пошевелил в нём тонкой хворостинкой. И вдруг вместе с мелкими сыроватыми опилками на меня обрушилось несколько десятков муравьёв.

Я заинтересовался и стал осматривать ствол дерева.

На высоте трёх метров от самого начала дупла до корней дуба тянулась дорожка шириною в 7—10 мм, сделанная из древесных опилок. Я удивился, когда обнаружил, что это не дорожка, а коридорчик. В некоторых местах коридорчик обрывался: здесь муравьям не было надобности его строить, так как они использовали глубокие трещины в коре или старые ходы короедов. В некоторых местах они возводили крышу, закрывая трещину сверху. По коридорчику всё время сновали муравьи.

Мне приходилось находить муравьиные ходы и на земле. Прошлым летом в сосновом бору я видел муравейник, от которого в разные стороны тянулись длинные дорожки, подымавшиеся на стволы сосен.

Интересно, как и зачем муравьи построили этот коридорчик?

Владимир Филатов

Станция Тресвятская,
Юго-Восточной железной дороги.

То, что тебе, Володя, удалось наблюдать, очень типично для некоторых видов муравьёв.

Крытые ходы устраивают муравьи-древожилы и рыжие лесные муравьи. Древожилы делают гнёзда в древесине или под корой дерева. Эти небольшие или среднего размера лесные муравьи тенелюбивы, боятся яркого света. Большую часть своего длинного пути по дереву они совершают по трещинам в коре и нередко возводят над ходами свод из измельчённых и смоченных слюною кусочков дерева.

Рыжие лесные муравьи живут в муравейниках и не боятся дневного света. Много тысяч муравьёв протоптаивают в траве углублённые дорожки. Если на пути муравьёв встречается препятствие, они про-

грызают ходы под ним. Постепенно ход становится всё глубже и местами превращается в тоннель.

Обе группы муравьёв посещают деревья, на которых живут тли и червецы, и лакомятся сладкими выделениями этих сосущих насекомых.

Закрытые ходы имеют большое защитное значение для муравьёв: они укрываются в них от прожорливых насекомоядных птиц.

Рыжие лесные муравьи уничтожают множество вредных насекомых, объедающих листву деревьев. Это нужно помнить и всячески охранять муравейники от разорения.

К. Арнольди,

доктор биологических наук.

НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

ГЛУПЫЙ МАЛЬЧИК

(ИНДОНЕЗИЙСКАЯ СКАЗКА)

Однажды отец послал своего сына в лавку за спичками. Он велел ему выбрать спички и проверить, хороши ли они.

Пошёл мальчик в лавку, купил спички, а проверить их забыл. Вспомнил об этом только по дороге домой. Но как проверить, хорошие ли спички он купил?

Взял он одну спичку и зажгёт её. Спичка оказалась хорошей. Тогда мальчик подумал, что другие спички могут оказаться плохими, и зажгёт ещё одну.

Так перепробовал он все спички, а обгорелые палочки положил обратно в коробок.

Пришёл мальчик домой и отдал коробок отцу.

Когда отец захотел курить, он увидел, что в коробке лежат только обгорелые палочки. Он очень удивился и спросил сына, в чём дело. Мальчик ответил:

— Я боялся, что какая-нибудь спичка окажется плохой, вот и зажигал их все подряд.

Вздыхнул отец, но ничего не сказал. Что поделаешь! Ведь так всегда бывает, если дети не обучены как следует.

Перевод Р. Коригодского.

Рисунок Ю. Кискачи.

СТАРАЯ СОБАКА И КОЙОТ

(СКАЗКА ИНДЕЙЦЕВ МЕКСИКИ)

У одного человека была собака, такая старая и дряхлая, что она не могла даже сторожить хозяйский дом. Хозяин перестал её кормить и выгнал из дому. Собака долго бродила в поисках пищи, пока не встретилась с койотом.

— Отчего ты такая печальная? — спросил койот.

— Мне не дают есть, потому что я стала стара. Теперь я шатаюсь без дела. Мне очень грустно, что мой хозяин, мой лучший друг, разлюбил меня.

— Мне жаль тебя, — сказал койот, — и я тебе помогу. Этой ночью я унесу у твоего хозяина индюка, а ты бросишься за мной и отнимешь его у меня. Не беспокойся, я отдам его тебе без борьбы. Увидим, оставит ли твой хозяин тебя голодной после этого.

Как только наступила ночь, койот унёс индюка с птичьего двора, и старая собака бросилась догонять его с громким лаем: «Гав! Гав! Гав!»

Хозяин подоспел в ту минуту, когда койот успел уже отдать собаке индюка и скрыться вдали.

Рисунок А. Брея.

— Мой старый добрый пёс! — воскликнул хозяин. — Он отнял индюка у койота! Подумать только, что за пёс! Это же настоящее золото! Я сейчас же дам ему превкусную лепёшку! Ай, что за пёс!

Перевод и обработка И. Железновой.

Рисунки Ю. Кискачи.

Почему у месяца нет платья

(СЕРБСКАЯ СКАЗКА)

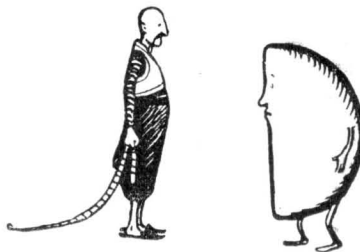
Как-то прибежал месяц к своей матери и говорит ей:

— Ах, милая мама, хотелось бы и мне иметь платье! У всех людей, которые ходят по земле, есть платье!

— Ну, что же, дорогое дитячко, — отвечала мать. — Пойди к портному, он снимет с тебя мерку.

Пришёл месяц к портному, снял портной с него мерку, велел приходить через пять дней. Прибегает месяц через пять дней. Стали платье примерять, да никак по мерке не выходит: и узко и коротко — не может месяц платье надеть.

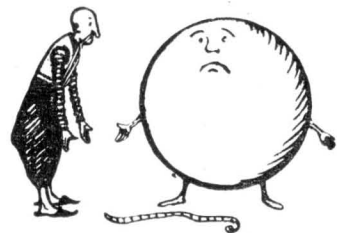
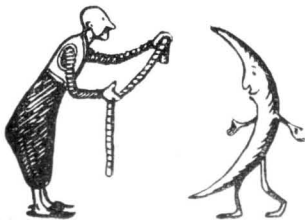
«Я ошибся, когда мерку снимал», — подумал портной и снял с месяца новую мерку.

— Приходи теперь, месяц, через пять дней, — сказал он.

Прибегает месяц через пять дней. Стали платье мерить, смотрят, оно опять не годится: и узко и коротко — никак его месяц надеть не может.

— Видно, опять я ошибся, — вздохнул портной. — Приходится мне всё заново перешивать. — И он уселся за

работу, попросив зайти к нему через пять дней.

Прошло пять дней. Перекроил портной платье заново. Сидит, дожидается, когда месяц на примерку придёт. Посмотрел... а по небу прямо к нему месяц, совсем круглый, катится. Оглядел его портной и увидел, что платье опять не будет ему впору: уж очень он большой и круглый стал. Опустил портной руки и говорит:

— Нет, дитячко, не могу я тебе платье шить: один раз — ты четверть, другой — половина, третий — целый. Один раз — маленький, другой — большой. Никогда тебе платье по мерке не выйдет.

Так и остался месяц без платья.

Перевод Е. Похрамович.

Бережливая жена

(КИТАЙСКАЯ СКАЗКА)

У торговца кунжутным маслом Цзяна была очень бережливая и хозяйственная жена. Каждый раз, когда муж отправлялся торговать, она потихоньку отливала немного масла в глиняный кувшин, а кувшин прятала в погреб.

Зимой дела Цзяна пошли из рук вон плохо, а к новому году ему совсем нечем стало торговать. Рассказал он о своём несчастье жене, а та и говорит:

— Возьми в погребе кувшин с маслом, это я приберегла!

Так, благодаря сметливости жены семья Цзяна благополучно пережила трудную пору. Очень был доволен Цзян и всем рассказывал о бережливости своей жены.

Рисунки П. Кирпичёва.

Однажды он поведал об этом своему приятелю Цаю, который торговал календарями, а от Цая узнала и его жена.

«Что ж, я не глупее жены Цзяна», — подумала та и тоже решила помочь мужу. Каждый день она потихоньку брала по два календаря и припрятывала их.

К концу года у неё накопилась целая стопка.

Настал новый год. Пришло время отдавать долги. Совсем обеднел Цай; приходит он и жалуется жене:

— Денег у нас нет, торговать нечем, как будем жить, не знаю!

— Зато я знаю! — весело сказала жена и притащила целую корзину старых календарей.

— Вот продай, это я скопила.

Ничего не сказал Цай, только руками развёл. Кто же купит прошлогодние календари?

Перевод Ю. Осипова.

Ч И Н О В Н И К И М А Л Ь Ч И К

(КИТАЙСКАЯ СКАЗКА)

Рисунок П. Кирпичёва.

Как-то раз один крестьянин прореживал на поле рис. Мимо ехал верхом важный чиновник, остановился и спрашивает:

— Сколько ты за сегодняшний день ростков выдернул?

Крестьянин удивился: «Вот что вздумал спрашивать! Где же тут упомянуть?» Подумал он, подумал и говорит чиновнику:

— А ты, господин, разве можешь сказать, сколько шагов сделала сегодня твоя лошадь?

Очень рассердился чиновник, услышав такой дерзкий ответ.

— Ты что, смеёшься надо мной? Да как ты смеешь так отвечать! погоди, я тебя проучу! Приказываю выкормить для меня свинью весом вон с ту гору. А не выполнишь приказания, плохо тебе придётся.

Сказал это чиновник и поехал прочь.

Крестьянин вернулся домой, а что делать, не знает, загрустил.

Его маленький сынишка узнал, в чём дело, и говорит:

— Не горюй, папа, я пойду к господину и поговорю с ним.

И отправился в город к чиновнику.

Услышав, что к нему пришёл какой-то мальчик, важный чиновник недовольно спросил:

— Что тебе нужно?

Мальчик вытащил из рукава маленькие весы и сказал:

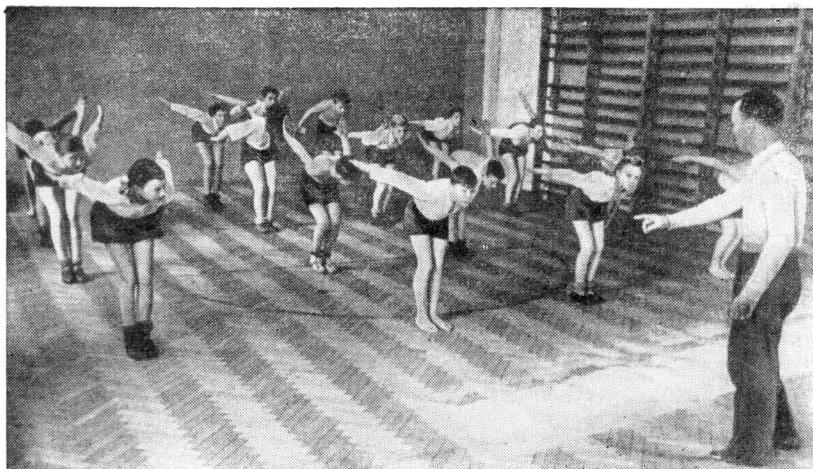
— О почтенный господин, ты велел моему отцу выкормить свинью весом с ту гору. Но мы не знаем, сколько весит гора. Давай сначала взвесим её!

Чиновник покраснел и ничего не ответил.

Перевод Ю. Осипова.

СПОРТ

На дворе ещё холодно, а ребята из 239-й ленинградской школы уже учатся плавать. Правда, пока ещё в спортивном зале. Вот один из уроков сухого плавания. Преподаватель физического воспитания Дмитрий Александрович Лобысевич показывает, как надо брать старт.

Не бойся воды

ПОЧЕМУ МЫ НЕ ТОНЕМ?

Когда человек научился плавать? Конечно, задолго до того, как он стал человеком. Способность держаться на воде, пловучесть, свойственна живому телу.

Вы сами можете это проверить. Когда будете купаться, встаньте неподалёку от берега и, сделав глубокий вдох, опуститесь на дно, охватите колени руками, вы тотчас почувствуете, как вода выталкивает вас. Не сопротивляйтесь, и вы всплывёте на поверхность. Это упражнение — «бочонок» — всегда показывают новичкам, что-

бы они поняли, как хорошо вода держит человека.

Почему же вода держит? Почему человек может плыть или даже просто лежать на воде, не шевелясь? Вы найдёте ответ, вспомнив закон Архимеда, который вы проходите по физике.

Выходит, человек не может утонуть? Но тогда почему это всё же иногда случается, спросите вы.

А вот почему. Ведь в отличие от «тела, погружённого в воду», о котором говорится в законе Архимеда, человек — живое тело. Каждую минуту мы делаем по

шестнадцать вдохов и выдохов, то есть по шестнадцать раз изменяем объём нашей грудной клетки, и шестнадцать раз в минуту изменяется объём вытесняемой нами воды. К тому же верхняя часть нашего тела легче, чем нижняя, и ноги постепенно тонут; поэтому человек, чтобы держаться на воде в равновесии, должен делать движения.

Если люди иногда тонут, то это происходит оттого, что, растерявшись, они не только не делают правильных, нужных движений, а, наоборот, барахтаются, беспорядочно болтая руками и ногами, и, сами того не замечая, мешают своему телу держаться на воде.

Раскиньте руки, лягте в воде на спину, чуть-чуть шевеля ногами, — вы почувствуете, как вода поддерживает вас.

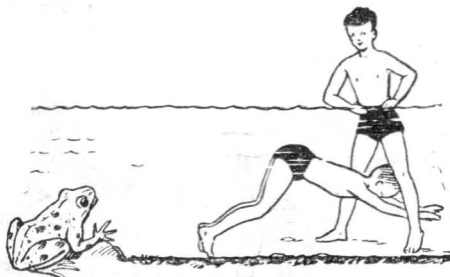
Лежать, не шевелясь, в воде легче на спине, чем на груди: в этом положении легче дышать, потому что рот и нос находятся сверху. Так, на спине, обычно отдыхают пловцы.

МАРАФОН ПЛОВЦОВ

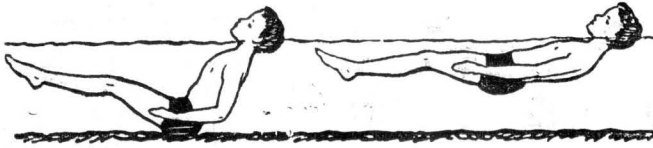
Для умелого спортсмена-пловца нетрудно продержаться на воде много часов подряд. Советские пловцы часто устраивают марафонские проплывы на огром-

Вдохни побольше воздуха, сядь на дно и медленно выдохни...

Попробуйте проскользнуть между ног вашего товарища так, чтобы не задеть его.

Вдохни и оттолкнись ото дна, вода будет тебя поддерживать.

ные расстояния: в Чёрном море — на пятьдесят — шестьдесят километров, по течению Волги — на двести.

Международные марафонские проплывы чаще всего бывают в проливе Ла-Манш. Это очень трудная трасса. Ширина пролива в самом узком месте — тридцать два километра, температура воды — не более шестнадцати градусов; в Ла-Манше сильные течения, резко меняющие направление при отливах и приливах.

Впервые Ла-Манш переплыл английский моряк Мэтью Уэбб. Это было восемьдесят один год тому назад. После Уэбба многие спортсмены пробовали переплыть пролив, но удалось это только через тридцать шесть лет. Вторым победителем Ла-Манша стал тоже английский моряк Томас Бургес. Во времена Бургеса не был ещё известен современный стиль плавания — кроль. Бургес плыл на боку. В этот день погода была скверная, началась мёртвая зыбь. Бургеса укачало, и он даже хотел вернуться. Его друзья, которые плыли за ним на лодке, удержали его от этого. К утру погода улучшилась, вода как будто успокоилась. Но самое трудное ждало его около французских берегов, где проходят сильные течения. Бургесу пришлось бороться с ними, и эти последние пять миль оказались самыми тяжёлыми. У Бургеса начались галлюцинации, он погружался в дремоту, но всё же плыл. Он был крайне истощён, когда друзья крикнули ему, чтоб он опустил ноги. Бургес был уже у самого берега и встал на дно.

А в прошлом году четырнадцать пловцов — из них четыре женщины — взялись переплыть

Ла-Манш наперегонки. Победил египетский спортсмен Абу Хейф. Он плыл кролем и достиг берега вдвое быстрее, чем Бургес или Уэбб.

Вот какое преимущество даёт современный кроль. И не удивительно: ведь он выработан многими поколениями пловцов.

Зачем мне понадобился весь этот экскурс в историю? Чтобы показать вам, как важно научиться плавать спортивным стилем. Начинать учиться плавать лучше сразу же правильно — по-спортивному. Но если у вас нет инструктора, который мог бы показать вам правильные способы плавания, что же, откладывать обучение? Ни в коем случае. Учитесь плавать кролем без выноса рук: ребята называют этот способ «по-собачьи». Можете учиться и «по-лягушачьи». Последите за лягушонком, как ловко он продвигается в воде. От простого способа «по-лягушачьи» произошёл великолепный спортивный стиль брасс.

ЭТО НЕОБХОДИМО КАЖДОМУ

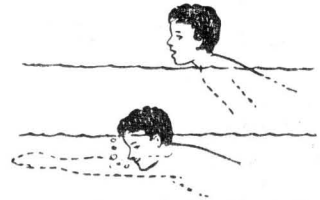
Плавание занимает совсем особое место среди других видов спорта, оно необходимо каждому.

Вот, скажем, футбол или фигурное катание — очень интересные занятия. Но большинство людей живёт, не овладев за всю свою жизнь этими видами спорта. И никакой беды с ними из-за этого не случается. Но за неумение плавать человек может заплатить жизнью. Недаром людей, не умеющих плавать, в древней Греции называли «хромыми».

Ребята, занимающиеся плава-

нием, быстро растут, у них правильно развиты все мышцы и позвоночник. Пловцы стройны, у них прекрасная осанка. Плавание исправляет сутулость, которая встречается у многих подростков.

У всех пловцов широкая грудная клетка, хорошо развитые лёгкие. Исследования врачей показывают, что у некоторых пловцов-подростков объём лёгких значительно больше, чем у взрослых мужчин. И это естественно. Погружаясь в прохладную воду, человек невольно начинает дышать глубже, чем на берегу. А кроме того, плавая, он делает руками такие движения, которые помогают дыханию: разводит руки в сторону (в брассе), поднимает их вверх (в кроле). Эти движения усиливают вдох, и у пловцов постепенно увеличивается ёмкость лёгких.

Вот так надо дышать, когда разувиваешь кроль без выноса рук.

Глубокое дыхание улучшает и кровообращение. Плавание очень хорошо влияет на сердце, сосуды и нервную систему.

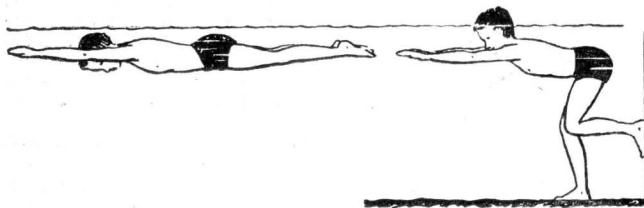
Нет такого возраста, когда нельзя плавать. Плавают до глубокой старости, а начинать заниматься этим спортом нужно с детства.

И надо сказать, что чем раньше начнёт спортсмен заниматься плаванием, тем лучших результатов он достигнет. В Венгрии учат плавать детей с шести лет. В Швеции двенадцатилетние ребята участвуют в состязаниях наравне со взрослыми. Чемпионке Голландии, которая заняла первое место на матче шести стран Европы, четырнадцать лет.

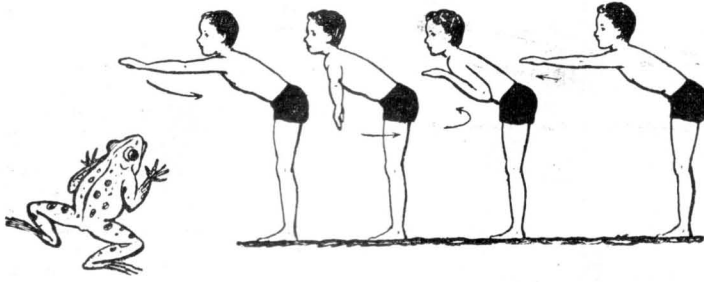
Советую и вам, ребята, не откладывая, начинать учиться плавать.

С ЧЕГО НАЧИНАТЬ!

Мои ученики начинают учиться плавать, когда только-только ещё растаял снег. И учатся они не на реке, конечно, а в нашем физкультурном зале. На уроке я показываю ребятам упражнения, которые помогут им освоиться с

Оттолкнись от берега и скользи под водой.

Движения рук и ног разучивая сначала на суше, а потом в воде.

водой, разучивая движения кроля, брасса, кроля без выноса рук, учу правильно дышать.

Рассмотрите внимательно упражнения, которые показаны на этих рисунках, проделайте их сначала на берегу, а потом на мелком месте в реке.

Кроль без выноса рук вы разучите быстро. С самого начала старайтесь плавать правильно, спортивно. Держитесь на воде в горизонтальном положении (так уменьшается сопротивление воды). Не держите голову высоко. При выдохе лицо должно быть в воде, при вдохе голову поднимайте так, чтобы только рот был над водой. Вдох надо делать через рот, а выдох — через рот и нос прямо в воду.

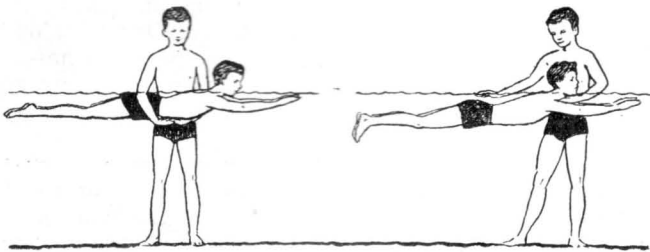
Станьте на неглубоком месте и, нагнувшись, опустите лицо в воду. Выдохните воздух, поднимите лицо, вдохните и снова выдохните в воду. Затем разучите дыхание вместе с движениями рук.

Очень важно, чтобы правильно работали ноги. С нашим знаменитым пловцом Леонидом Мешковым был такой случай на войне. Когда Мешков, командир разведотряда, выполнил задание в тылу врага, переходил со своими солдатами линию фронта, фашисты обнаружили разведчиков и открыли огонь. Одному из солдат, Кулакову, оторвало кисть руки. Мешков наложил ему жгут, и

отряд продолжал свой путь. Перед ними была широкая река. Мешков, поддерживая раненого Кулакова, пополз к реке, но был сам ранен в лопатку и потерял сознание. Придя в себя, Мешков увидел, что правая рука его безжизненно повисла. Тогда он здоровой рукой подхватил Кулакова и бросился вместе с ним в воду. Работая в воде только одними ногами, он переплыл реку и вынес раненого на берег.

Движения ног в кроле, казалось бы, несложны: вверх-вниз, вверх-вниз. Но помните, что мускулы ног не должны быть сильно напряжены и ударять ими по воде нужно таким движением, будто это бичи. Представьте себе, что нога — бич, рукоять которого — ваше бедро. Удары ног по воде так и называются — «бичующими». Спортсмены отрабатывают их на суше и в воде, держась за плавательные доски. Сделайте себе в лагере такие тренировочные доски.

На лето я даю всем ребятам задание. Тот, кто не умеет плавать, получает задание научиться. И большинство выполняет его. Надо быть очень ленивым человеком, чтобы за два летних месяца не научиться плавать. Таких людей просто жалко: ведь они лишают себя огромного удовольствия, которое доставляет плавание.

Купайтесь вдвоём, втроём, помогайте друг другу учиться плавать.

ЗА ЧЕСТЬ КОЛЛЕКТИВА

В августе, перед началом занятий, мы проводим состязания пловцов. Отправляемся на озеро, глубина и дно которого нами проверены, огораживаем дистанцию, налаживаем страховку, ставим на берегу флажки, отмечающие 10, 25, 50, 75, 100 метров. Зачем нам эти отметки?

Дело в том, что состязания у нас не совсем обычные. Ребята не стараются друг друга обогнать, и вообще нам важно не личное первенство. Соревнуются классы: какой класс больше метров наплавает. Сумма метров одного участника прибавляется к сумме метров другого. Для победы важен каждый метр, поэтому необходимо участие всех, даже таких ребят, которые могут проплыть совсем немного. Это как бы эстафета: какой отряд, какой класс унесёт её дальше?

Почему мы проводим такие состязания? Потому что они интересны и для тех, кто только-только научился плавать, и для наших лучших пловцов. Тут все стараются изо всех сил и одерживают свои самые большие победы. И ещё потому, что соревнования за честь коллектива всегда интереснее личного первенства.

После соревнований мы объявляем результаты: кто сколько метров проплыл, кто сдал плавательные нормы «БГО» и «ГО», какой класс победил. В прошлом году на первое место вышел у нас 8-й «А», этот класс наплавал 1780 метров, параллельный, 8-й «Б», проиграл ему 15 метров, а в этом году они собираются взять реванш.

Советую и вам провести такие состязания в своём отряде. Только помните, что плавать надо там, где проверено дно, на местах неглубоких. Лучше всего огородить участок, сделать как бы открытый бассейн. На соревнованиях всегда должна быть страховка. Пусть ваши лучшие спортсмены следят за безопасностью пловцов. Хорошо, если вдоль трассы состязаний со стороны глубокой воды будет ходить лодка с сильными пловцами.

Через три месяца начнётся Все-союзная спартакиада школьников в Москве, перед этим пройдут состязания во всех республиках, областях, районах. Если вы не потеряете летние месяцы зря, многие из вас смогут стать участниками этих интересных состязаний, а может быть, и победителями.

Д. Лобысевич,

заслуженный учитель РСФСР,
преподаватель физкультуры
239-й школы Ленинграда.

ПИСЬМА К СЫНОВЬЯМ

Судьба этой скромной книжечки необычна. Она родилась в тюрьме. Вернее, её составили из тех писем, которые писал из тюрьмы своим сыновьям один человек.

Имя его хорошо знают все передовые люди на земле: это Антонио Грамши.

Антонио Грамши был замечательным человеком, бесстрашным борцом за счастье трудящихся. Вместе с Пальмиро Тольятти и другими товарищами в 1921 году он основал Коммунистическую партию Италии.

В жестокие годы, когда власть в Италии захватили фашисты, Грамши бросили в тюрьму.

Одиннадцать долгих, тяжёлых лет, день ото дня слабее в душной, тёмной и тесной камере, тяжело больной коммунист не сдавался. Он продолжал бороться за великое дело освобождения народа. Отсюда, из тюрьмы, он писал товарищам-коммунистам, оставшимся на воле, делился с ними своим богатым опытом подпольной борьбы, учил, как им лучше действовать в новых условиях.

И, конечно, здесь он не раз с нежностью думал о своих маленьких сыновьях Делио и Джулиано. Какими они стали теперь?

Так трудно было представить себе их лица: ведь Делио было всего два года, когда арестовали отца, а о рождении Джулиано Грамши узнал уже в тюрьме — нелёгкое досталось ребятам детство!

О своих собственных детских годах Грамши всегда вспоминал с теплотой, хотя они у него тоже были трудными. Одиннадцатилетним мальчиком он вынужден был начать работать, чтобы помогать семье. Но были и в ту пору такие светлые, беззаботные часы, которые помнятся всю жизнь, особенно если она полна опасностей, трудной, напряжённой работы и тревоги.

Часто думал он о красоте природы родной Сардинии, которую его детское воображение превращало в сказочную страну, где он совершал походы, полные удивительных приключений.

«Как мне нравилась в детстве долина реки Тирсо у церкви св. Серафима! — вспоминал Грамши. — Часами, как зачарованный, сидел я на скале, восхищаясь своеобразным озером, которое река образовала напротив самой церкви, и с любопытством глядел на водяных курочек, выплывавших из прибрежных камышей на середину реки, на выскакивавших из воды рыб, охотившихся за комарами...»

В те годы он стремился познать мир. Он мечтал о незнакомых морях, далёких путешествиях и головокружительных приключениях. Как заправский моряк, знал он все морские термины, помнил подробности морских сражений и умел мастерить модели больших парусных фрегатов. Ведь родился он близ Кальяри — самой обширной гавани на юге Сардинии, где всегда было много кораблей.

Его любимыми книжками в семь лет были «Робинзон Крузо» и «Таинственный остров». Отправляясь с товарищами в «путешествие» по окрестным полям, где паслись самые обыкновенные овцы, он никогда не забывал захватить из дому «несколько зёрен пшеницы и спички, завернутые в клочки пергамента, на тот случай, если бы пришлось очутиться на необитаемом острове и обходиться лишь тем, что имеешь».

Мальчиком он любил возиться со всякими животными. Он ловил, вскармливал и приручал всевозможных птиц. Тут были свичи и соколы, кукушки и сороки, вороны и щеглы, канарейки и зяблики. Однажды он выкормил ласку, маленькую змейку и даже целое семейство ежей. Ежи попались ему в саду в тот момент, когда они насаживали на свои иголки яблоки.

Об этом Грамши потом вспоминал в одном из писем к сыновьям. Когда этот рассказ был напечатан, его полюбили все итальянские ребята.

Антонио Грамши очень любил детей и

умел с ними ладить. Как бы ни был он занят, он всегда находил время, чтобы поиграть со своими маленькими друзьями. Он чинил их игрушки, рисовал вместе с ними забавных птиц и животных или просто превращал чернильные кляксы на бумаге в весёлых человечков.

«Ежовое дерево» и другие рассказы, вошедшие в книжку, о которой мы рассказываем, написаны в тюремной камере, каменные стены которой в летнюю пору накалялись до того, что нечем было дышать. В своих письмах вместе со словами отцовского привета

Грамши посылал своим маленьким сыновьям эти весёлые и поучительные истории, которые слышал, когда был мальчиком, или наблюдал сам.

Приговорив Грамши к двадцати годам тюрьмы, фашисты обрекли его на медленную мучительную смерть. Здоровье непоколебимого революционера было надломлено, организм его не выдержал жестокого тюремного режима, и в апреле 1937 года Грамши скончался.

Несмотря на то, что Грамши всю жизнь был оторван от своих сыновей, он дал им самое лучшее воспитание, какое только может дать отец, и оставил им самое ценное наследство: это воспитание — его личный пример, это неоценимое наследство — вся его жизнь, полностью отданная борьбе за счастье трудящихся.

В. Орджоникидзе

Страницы из книги природы

В безводной пустыне, в гнилом болоте, в голой, выжженной солнцем степи, в прохладном лесу — всюду, куда ни помотришь, днём и ночью порхают, прыгают, ползают несметные множества насекомых.

Одни из них радуют глаз своим роскошным нарядом, другие одним своим видом вызывают невольное отвращение. Одни громко поют, стрекочут, жужжат, смело заявляя о себе, другие втихомолку делают своё дело. Одни огромную пользу приносят человеку, другие — неисчислимый вред. И понятно, что не первую сотню лет учёные внимательно приглядываются к насекомым, настойчиво и терпеливо изучают их жизнь и повадки.

Есть целая наука о насекомых — энтомология. Сотни толстых книг написаны энтомологами, тысячи людей посвятили себя изучению жизни насекомых. Многие сделали этими людьми, многое понято и разгадано, но впереди у энтомологов непочатый край работы, и каждый день приносит новые, удивительные открытия, новый свет проливает на вековые загадки жизни насекомых.

Иному со стороны покажется, что не больно это интересное занятие — гоняться за пауками и козявками, сажать на булавочки бабочек и кузнечиков, разглядывать в микроскоп их тонкие хоботки и цепкие ножки... То ли дело тигров ловить в тайге!

Но стоит час посидеть у простого муравейника, стоит шаг за шагом проследить за работой пчелы или жука — и сразу станет ясно, что охотнику за насекомыми терпения, находчивости, изобретательности и мужества нужно ничуть не меньше, чем охотнику за тиграми.

Отважный следопыт, ловкий охотник, пытливейший учёный, П. Мариковский написал для ребят чудесную книгу рассказов о работе энтомолога.

С неослабным увлечением читаешь эти рассказы, и кажется, что страницу за страницей перелистываешь вечно новую, всегда интересную, чудесную книгу природы. Читаешь и вместе с автором переносишься в Среднюю Азию, в предгорья Ала-Тау, в Узбекистан, в Турмению... Вместе с ним переживаешь маленькие неудачи и огорчения, которыми так богата жизнь следопыта, вместе с ним шаг за шагом, осторожно и терпеливо подходишь к удивительным открытиям, каждое из которых маленьким кирпичиком ложится в величественное здание науки.

И так просто, так понятно и так красочно рассказывает учёный о своих приключениях, что каждый раз, когда читаешь о том, как новая большая или маленькая победа увенчивает его нелёгкий труд, кажется, будто и сам ты участвовал в этом труде, сам разделяешь радость победы.

Иногда они как будто совсем маленькие, эти победы. Вот ночью учёный со своим помощником ловят крошечных комариков — галиц. Это, оказывается, не простое дело. Лёгкая ткань сачка безжалостно ломает нежные крылышки и ножки комариков. Нужно что-то придумать. И придумали: смазали маслом бумагу и осветили её маленькой лампочкой. Галицы прилипают к маслу и остаются там невредимыми. Лов идёт хорошо, да вот беда: крупные насекомые тоже стремятся на свет и своими крыльями давят галиц.

Проходит день, два, три... Крупных насекомых всё

меньше, потом они совсем не попадают на бумагу. В чём дело?

Осторожно подкрадывается учёный к своей лужке и видит, как пучеглазые жабы, расевшись полукругом, длинным языком на лету подхватывают крупных насекомых. Неожиданные помощники найдены. Загадка разгадана!

А вот и большая победа: в далёком колхозе во время уборки ядовитые пауки каракурты искушали людей. У каракурта сильный яд. Люди долго и тяжело болеют после укуса, иногда даже умирают. Что делать, как избавиться от этой напасти?

И вот десятки каракуров пойманы, запрятаны в коробочки, отправлены в лабораторию. Сотни опытов, сотни исследований проделаны там, и становится ясным: если прижечь ранку от укуса чем-нибудь очень горячим — укус пройдёт бесследно. Но прижигать нужно сразу — через две — три минуты после укуса, иначе яд попадёт в кровь, и прижигание не поможет.

Это уже победа, но победа неполная. Где в поле вот так, сразу найдёшь раскалённый предмет?

Но вот нечаянно горячая головка спички падает на руку учёного. Простая случайность. Но настоящий учёный, настоящий следопыт никогда не проходит мимо случайностей. Терпеливо проводятся новые опыты, сначала на морских свинках, а потом... на собственное колено учёный вытряхивает противного паука. Вот он впился своими щипчиками в кожу...

Минуту, вторую ждёт учёный. Потом к едва заметной ранке прижимает головку спички, подносит

к ней другую зажжённую спичку... Боль от ожога, и всё. Укус прошёл бесследно.

А на другой день в далёком колхозе никто уже не боится каракурта. Даже спят без пологов, но зато, выходя в поле, каждый колхозник берёт с собой коробку спичек.

Это уже большая победа! Тысячи людей освободились от вечной угрозы.

А вот рассказ о фаланге — огромном, похожем на мохнатого паука, страшном на вид насекомом. Столетиями считали фалангу ядовитой, и оказалось, что укус её совершенно безвреден...

Ещё рассказ о маленьком, неуловимом воршике, который тайком проникает в жилище каракурта и пожирает его потомство. Несколько лет ни поймать, ни даже увидеть этого хитрого воршику никому не удавалось. Но вот однажды на рассвете что-то тёмное выскочило из логова ядовитого паука. И когда поймали этого «разбойника», то оказалось, что это простой сверчок...

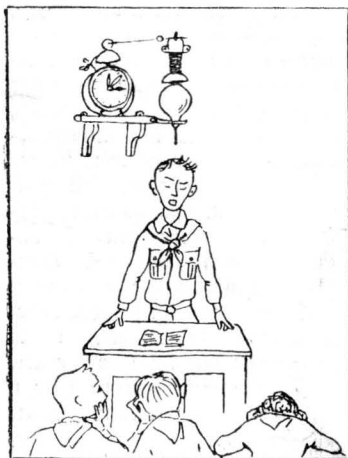
Почти тридцать рассказов собрано в книжке «Чудесная пестрокрылка». Каждый из этих рассказов читается как маленькая приключенческая повесть. И каждый из них приносит читателю свои знания, по-новому раскрывает природу, по-новому учит приглядываться к жизни маленьких обитателей земли — насекомых, по-новому учит ценить нелёгкий, но благодарный труд исследователя.

Тому, кто прочтёт эту книжку, непременно самому захочется внимательно проследить за жизнью насекомых, и, кто знает, может быть, самому удастся сделать новое открытие, которое обогатит науку.

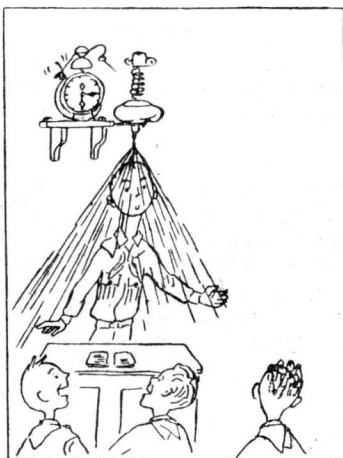
А. Некрасов

Полезные изобретения

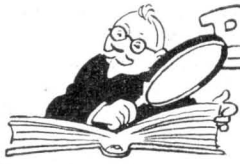
Из польского журнала для детей «Пломък» («Огонёк»).

Автоматический регламент, или средство борьбы с болтливым докладчиком.

Портативная лебёдка для подъёма лыжника в гору.

ВОЛШЕБНАЯ Луна

В вашем возрасте, ребята, больше всего на свете я любил море. Жили мы в степи, речка у нас была, как говорится, воробью по колено, мне же по ночам снился шторм, солёные брызги океана и шхуна с парусами, похожими на перистые облака... На борту шхуны мне виделся юноша с симпатичным лицом, а рядом — звероподобный хромой пират. Ветру вторила хрипкая песня матросов, раздавались слова, казавшиеся мне в ту пору необычайно прекрасными:

— В открытое море!.. Море, а не сокровища кружат мне голову! Короче, в моей голове теснились образы любимых книг. Первой из них была, пожалуй, повесть Стивенсона «Остров сокровищ».

Можете себе представить мою радость, когда на днях ко мне «на излечение» принесили эту книгу да ещё в том же самом, старом-престаром издании! Вам бы, наверно, оно не понравилось: язык перевода тяжёл, и во всей книге — я отлично помню это с детства! — ни одной картинке.

Как же я удивился, когда на первом листе книги под моей лупой стал внезапно появляться рисунок. Он появлялся не сразу — точно невидимый карандаш чертил по странице кривую... Кривая замкнулась, и я увидел изображение острова, напоминающего по форме жирного дракона, который взвился вверх.

В ту же минуту рисунок, как это бывает в кино, стал отдаляться от меня, становясь всё мельче и мельче. Я увидел, что он сделан на листке бумаги, а лист лежит на столе, над которым склонились двое: мальчик и высокий худощавый мужчина с карандашом в руке.

— Что это ты нарисовал, отец? — удивлённо спрашивал мальчик. — Что это за острова?..

— Погоди, — сказал взрослый и, подумав с минуту, написал под рисунком по-английски: «Остров сокровищ»...

— Где же он, этот остров?

— А этого я и сам

не знаю, Ллойд, — ответил взрослый, поднимая голову.

Я увидел болезненно-худое лицо с длинными усами и узнал, — правда, с некоторым трудом — Роберта Льюиса Стивенсона. Мне случилось видеть портреты этого английского писателя, но сейчас под лупой он выглядел гораздо моложе.

— О чём вы беседуете? — спросила, входя в комнату, дама в длинном платье с высокой талией, какие носили в середине прошлого века.

— Видишь ли, дорогая, — пояснил Стивенсон, — я случайно начертил на бумаге что-то похожее на остров, а Ллойд не терпится узнать, в каких широтах он лежит.

— И почему это «остров сокровищ» и откуда взялись сокровища? — подхватил мальчик. — Ты мне расскажешь об этом, отец?..

— Что ж, пожалуй... Сокровища здесь, должно быть, зарыли пираты. А потом, в один прекрасный день... Знаешь, Ллойд, я лучше запишу эту историю на бумаге и прочитаю тебе потом...

— Ой! Сколько же времени придётся ждать?!

— Не так уж долго... Досуг у меня есть, поскольку врачи запретили мне работать... Я буду писать в день по главе, а вечерами читать их тебе с мамой, согласен?

— Согласен, — вздохнул мальчик, хотя по лицу его видно было, что ждать ему очень не хочется.

Тут моя лупа помутнела, я протёр её и увидел несколько иную картину. Семья Стивенсона собра-

лась у камина, Ллойд не отрывал восторженных глаз от страниц, разложенных на столе... По всему было видно, что это уже не первое чтение.

— Ты не забыл ещё содержания предыдущей главы, мой мальчик? — спросил Стивенсон.

— Ну что ты?! — воскликнул Ллойд. — В ней рассказывалось о том, что старый моряк со шрамом умер и мальчик Джим Токинс с матерью открыли его окованный медью сундук. На них так и пахнуло табаком и дёгтем... В сундуке лежали старинные инструменты, раковины причудливых форм и на самом дне — тяжёлый свёрток с монетами. И в то время как честная мать Джима отсчитывала ровно ту сумму, которую должен был старый моряк, раздалось ужасное постукивание, от которого кровь леденела в жилах... Это стучала о промёрзшую землю дрявляшка хромой пирата... И знаешь, отец, мне тоже стало страшно.

— В таком случае наберись мужества... Сегодня я прочитаю вам не менее страшную главу. Она называется «Конец слепого»...

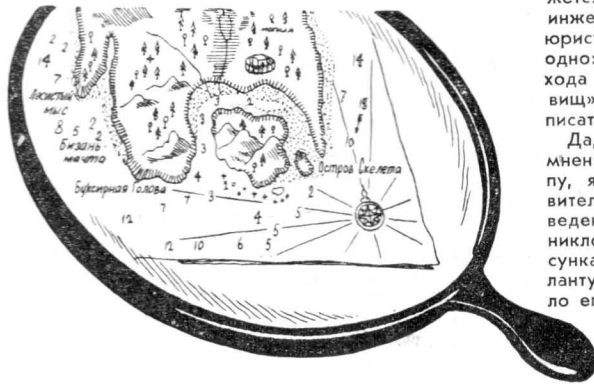
...Мне пришлось оторваться от работы, потому что ко мне поступал сосед... Когда же я снова взялся за лупу, в её овале замелькала одна картинка за другой... Я увидел почтальона, который нёс в дом Стивенсона пакки писем, — то были письма восхищённых читателей... Передо мной развёртывались газеты и журналы на разных языках; в них с восхищением говорилось об «Острове сокровищ» Стивенсона. Я увидел книжную лавку: покупатели, ребята и взрослые, наперебой спрашивались у продавца, вышло ли в продажу новое издание Стивенсона.

— Кто этот Стивенсон? — спросил старик, читавший газету в глубине лавки.

— Стивенсон? — переспросил книгопродавец. — Одни говорят, что он инженер, другие, — что юрист... Кажется, сначала он был инженером, а потом юристом. Несомненно одно: теперь, после выхода «Острова сокровищ», он знаменитый писатель.

Да, это было несомненно. И, отложив лупу, я задумался об удивительной судьбе произведения, которое возникло из случайного рисунка и благодаря таланту автора прославило его и стало любимой книгой ребят.

А. Букица

ЛОДКА-ВЕЗДЕХОДКА

Эта лодка-плоскодонка предназначена для летних походов по небольшим рекам и водоёмам. Она рассчитана на двух—трёх человек. Длина её — 2,5 м, ширина — 97 см, высота бортов — 32 см.

Постройку лодки надо начинать с набора корпуса, который состоит из поперечных и продольных связей, показанных на рис. 1.

Поперечные связи, шпангоуты (1), обеспечивают поперечную прочность корпуса. Лодка имеет пять шпангоутов. Нос лодки заканчивается транцем, корма — транцем 3. Продольные связи, стрингера, представляют собой сосновые или еловые бруски сечением 20×30 мм. Длина бортовых стрингеров (4) — 2640 мм, скуловых (5) — 2660 мм. Киль (6), проходящий посередине днища от носа до кормы, имеет длину 2500 мм и сечение 20×40 мм.

Переднюю скамейку (рис. 1), расположенную между средними шпангоутами, можно сделать из основной доски толщиной 15—20 мм и шириной 180—200 мм. Для её крепления в шпангоутах делаются вырезы и гвоздями закрепляются бруски сечением 20×20 мм. Задняя скамейка расположена между кормовым шпангоутом и кормовым транцем (3), для чего в транце и шпангоуте делаются вырезы и крепятся бруски (9). Кроме того, делаются вырезы для бруска (10), который не позволяет прогибаться задней скамейке.

Между средними шпангоутами к бортовому стрингеру и шпангоутам прибивайте бруски (11) для установки на них подушек дляключин.

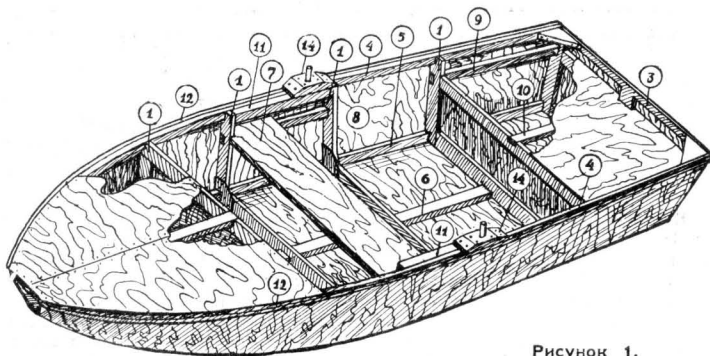

Рисунок 1.

Лодка имеет два водонепроницаемых отсека. Носовой отсек расположен между носовым транцем и шпангоутом, кормовой отсек — между кормовым шпангоутом и кормовым транцем (под задней скамейкой). Благодаря водонепроницаемым отсекам лодка не затонет, даже если всю её зальёт водой.

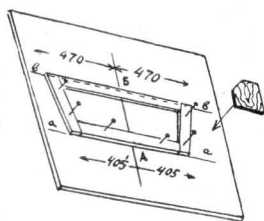

Рисунок 2.

Шпангоуты состоят из нескольких брусков. Делаются шпангоуты так: на листе фанеры проводится прямая линия «аа» (рис. 2). Из её середины (точка А) восстанавливается перпендикуляр, и на нём откладывается высота шпангоута.

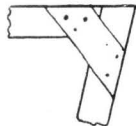

Рисунок 3.

Размеры шпангоутов есть на рисунке 4. Через точку Б проводим линию «вв», параллельную линии «аа». По линиям «аа» и «вв» откладываем половину ширины шпангоута по обе стороны от линии АБ и полученные точки соединяем прямыми. Таким образом мы получили внешний контур шпангоута.

После этого сосновые или еловые бруски 20×30 мм нарезают-

ся по размерам, указанным на рисунке 4, и прибиваются гвоздями к этому контуру. Боковые бруски

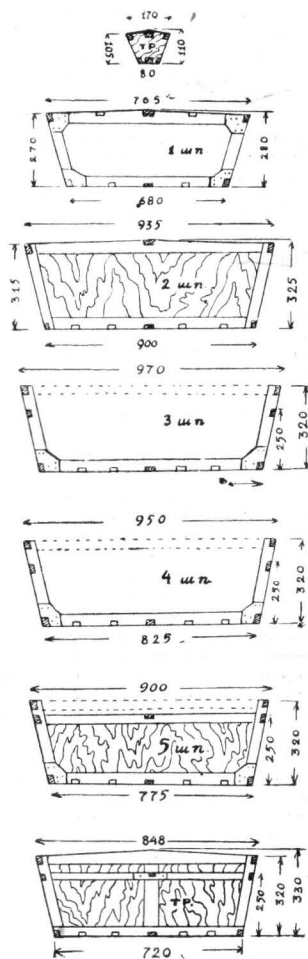

Рисунок 4.

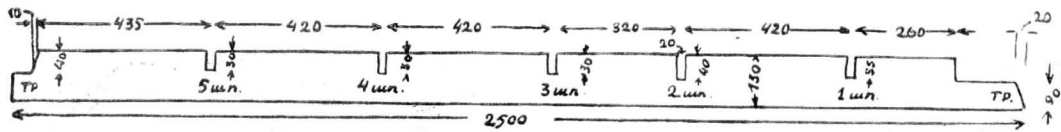

Рисунок 5.

скрепляются с нижним с помощью косынок (рис. 2), и шпангоут снимается. Концы гвоздей откусываются кусачками и загибаются.

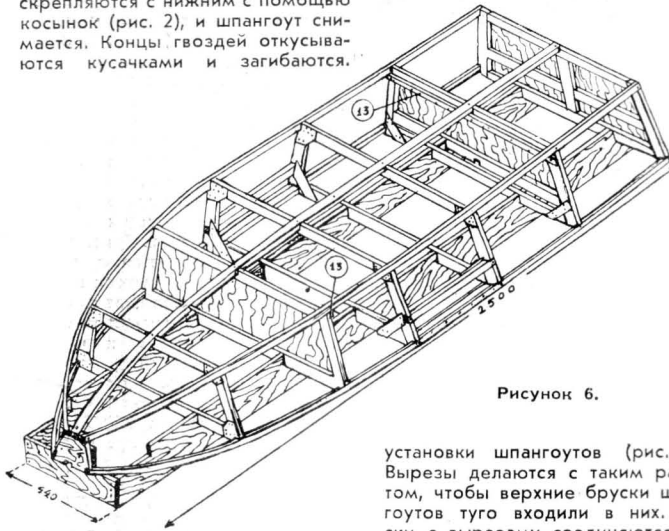
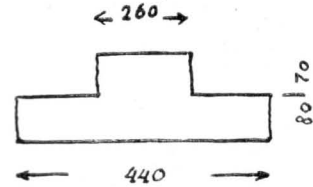

Рисунок 6.

К шпангоутам 1 и 2, прежде чем их снять, прибивается поперечный брусок сверху по контуру шпангоута, к шпангоуту 5 брусок прибивается немного ниже, параллельно верхней линии. Размер его указан на рисунке 4. Скрепляются эти бруски с боковыми тоже при помощи косынок из фанеры. После того как шпангоуты будут сняты со стола, к ним прибивается фанера, предварительно вырезанная по контуру этих шпангоутов. Носовой транец изготавливается из сосновой доски толщиной 15—20 мм. Кормовой транец делается так же, как и все шпангоуты, затем к нему прибивается вертикальная стойка того же сечения, параллельно верхнему поперечному бруску прибивается брусок сечением 20×20 мм. Затем на бруски накладывается фанера, вырезанная по контуру транца, и прибивается гвоздями.

Когда шпангоуты 3, 4 и 5 готовы, к ним крепятся четырьмя—шестью гвоздями с помощью косынок из фанеры (рис. 2) верхние поперечные бруски, показанные пунктиром на рисунке 4. Эти бруски нужны для установки шпангоутов на стапель, потом они снимаются.

Теперь можно заняться стапелем. Стапель—это две доски длиной 2,5 метра с вырезами для

Общий вид набора корпуса лодки показан на рисунке 6.

Набор надо малковать, то есть снять рубанком или стамеской все выступающие части шпангоутов и стрингеров для того, чтобы обшивка плотно прилежала к ним. После этого можно обшивать корпус лодки березовой строительной фанерой толщиной 3—4 мм, сначала днище, а затем борта. Листы фанеры, вырезанные по контуру днища и бортов, соединяйте так, чтобы стыки были на середине шпангоута и волокна наружных слоёв фанеры располагались поперёк днища, а на бортах—вертикально. Чтобы не нарушить симметричность корпуса, борта обшивайте поочередно: прибив лист к правому борту, следующий прибивайте к левому и т. д. Места соприкосновения фанеры со шпангоутами, килем и стрингерами смазывайте густотёртой масляной краской слоем в 1,5—2 мм, чтобы вода не проникла внутрь корпуса лодки. Концы гвоздей, которыми прибивается обшивка, откусываются кусачками так, чтобы осталось 5—7 мм, и затем загибаются. Обшивка крепится в основном на драночных

установки шпангоутов (рис. 5). Вырезы делают с таким расчётом, чтобы верхние бруски шпангоутов туго входили в них. Доски с вырезами соединяются поперечными досками с помощью гвоздей, и на них устанавливаются шпангоуты. Кормовой транец прибивается гвоздями к скосу доски, носовой—к поперечной доске, показанной на рисунке 5. После этого можно устанавливать киль, который скрепляется со шпангоутами шурупами, скуловые, а затем и бортовые стрингера.

Стрингера надо устанавливать одновременно с обоих бортов, начиная с носового транца. Если стрингера плохо устанавливаются на носовых шпангоутах, их надо постепенно притянуть шпагатом.

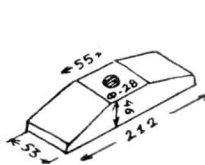

Рисунок 7.

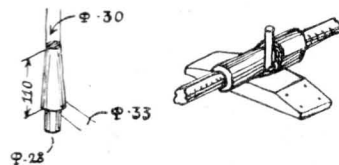

Рисунок 9.

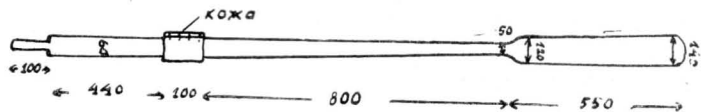

Рисунок 8.

гвоздях. Для прочности через 3—4 гвоздя крепите обшивку шурупами 3×26 мм. Расстояние между гвоздями должно быть не более 30—35 мм.

Набор и обшивку корпуса необходимо несколько раз пропитать олифой, нагретой до кипения (над ней должен быть синий дымок). Только надо это делать осторожно, в фартуке и рукавицах, чтобы не обжечься: ведь олифа кипит при 250°—300°. Сначала корпус лодки пропитывается изнутри, а затем снаружи. Через 2—3 часа после пропитки все излишки и подтёки олифы следует обтереть тряпкой досуха и оставить корпус сохнуть в течение 5—7 дней. После этого покрасьте масляной краской воздушные отсеки и корпус изнутри. Когда краска просохнет, обшейте сверху воздушные отсеки фанерой, пропитанной олифой и просушенной.

После окончательной обшивки прибейте гвоздями снаружи привальные брусья (рис. 1), которые будут защищать лодку от ударов. Приверните шурупами подушки для уключин (14) (рис. 1, 7), изготовленные из твёрдых пород дерева — дуба, бука, ясеня и др. Уключины лучше купить готовые, но можно сделать и самим из

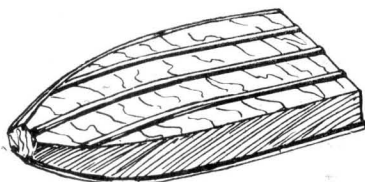

Рисунок 10.

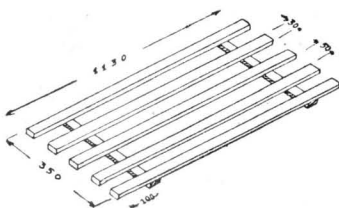

Рисунок 11.

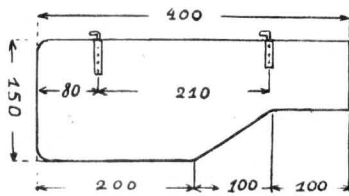

Рисунок 12.

стального прутка диаметром 20—25 мм или в крайнем случае из дерева твёрдой породы. В подушке для уключины просверливается или прожигается отверстие.

Весло показано на рисунке 8. Весло соедините с самодельной уключиной с помощью кольца из верёвки (рис. 9). Для предохранения дна прибейте к нему снизу три бруска (рис. 10). Внутри лодки уложите две решётки (рис. 11). Для них к шпангоутам прибавляются бруски (13) (рис. 6).

После всего этого зачистите корпус лодки, прошапаклюйте все стыки обшивки и окрасьте снаружи масляной краской.

Для того, чтобы управлять лодкой, из доски толщиной 10—15 мм сделайте руль (рис. 12).

Руль устанавливается с помощью крючков, показанных на рисунке, которые вставляются в петли из проволоки диаметром 4—5 мм и укреплены в кормовом транце с наружной стороны. Сверху к рулю прибавляется брусок — румпель длиной 550—600 мм и сечением 20×20 мм. С помощью румпеля производится перекладка — повороты руля.

А. Веселовский, С. Захаров,
сотрудники
Центральной лаборатории
морского моделизма.

ПОХОДНЫЙ ПЕНАЛ

Такой пенал вы можете сделать сами. Он пригодится в походе, потому что в нём есть все приборы, которые помогут вам ориентироваться в лесу, составить карту местности, измерить высоту горы и глубину оврага, ширину речки и скорость её течения, определить направление ветра и многое другое.

Корпус пенала надо выпилить и склеить из тонкой фанеры. Размер его — 10 см × 6 см × 2 см. Внутри пенала — коробочка, которая легко выдвигается и вынимается совсем (рисунок 1). Если вы не сможете сделать пенал из фанеры, склейте его из картона.

Внутри пенала, в коробочке, находятся следующие вещи (рисунок 2):

1. **Компас.** Самим его сделать трудно, поэтому лучше пользоваться покупным.

2. **Секундомер.** Очень простой конструкции: нитка, а на ней грузик. Длина нитки от грузика и до узелка, за который вы её держите, когда пускаете секундомер, равна 99 см.

Советы юному туристу

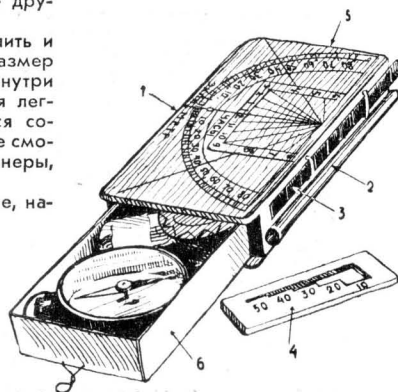

Рисунок 1. (1 — на этой стороне пенала расположен солнечный высотмер; 2 — трубочка; 3 — линейка дальсмера; 4 — крышка с «лесенкой»; 5 — крышка с отверстием; 6 — коробочка с компасом, курвиметром и др.).

Нужно вам, например, определить скорость течения реки. Вы отмеряете по берегу 10 метров, бросаете на воду щепку. В этот же момент пускаете секундомер и начинаете считать амплитуды колебания. Каждое колебание — секунда. Предположим, эти 10 метров щепка проплывёт за 20 секунд. Значит, за 1 секунду она проплывет 0,5 метра. Это и есть скорость течения реки — 0,5 м/сек.

Захотите вы провести в походе спортивные соревнования, и здесь пригодится секундомер.

3. **Вымпел** — это тоненькая ленточка длиной 50—70 см. Поднимите её на вытянутой руке, и она укажет направление ветра.

4. **Увеличительное стекло** — вещь всегда необходимая в походе. Мало ли какие мелкие предметы, срезы бывает нужно рассмотреть. И костёр с ним можно разжечь, если спички потерялись.

5. **Курвиметр.** С помощью этого прибора вы сможете определить по карте длину кривой дороги, реки или оврага.

Как сделан курвиметр, рассмотрите на рисунке. Колёсико может быть и жестяным и картонным. Расстояние между зубчиками — 1 см.

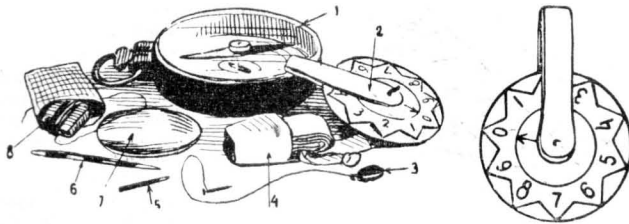

Рисунок 2. (1 — компас; 2 — курвиметр; 3 — нитка для эклиметра; 4 — вымпел; 5 — теневая палочка для солнечного высотомера; 6 — теневая палочка для солнечных часов; 7 — лупа; 8 — секундомер).

6. Теневая палочка для солнечных часов. Её длина — 4—5 см, толщина — 2 мм. Палочка заострена с обеих сторон.

7. Теневая палочка для солнечного высотомера. Её длина должна равняться точно 12 мм (не считая заострённого кончика).

8. Нитка для эклиметра. На одном конце её грузик, на другом — маленький гвоздик.

КАК ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ПРИБОРАМИ ПОХОДНОГО ПЕНАЛА

Эклиметр. Этот прибор находится на верхней крышке пенала (рисунок 3). Он служит в основном для определения наклона местности к горизонту.

1. Хотите вы, например, определить крутизну склона, по которому идёте. Для этого надо подвесить к эклиметру нитку с грузиком (она хранится в коробочке

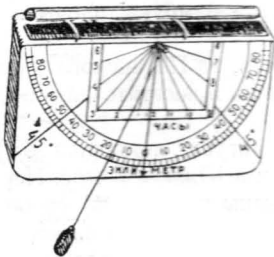

Рисунок 4.

пенала), лечь на землю и прицеливаться по ребру пенала или сквозь трубочку (рисунок 4) вдоль ската на вершину холма. Потом прижмите пальцем нитку к эклиметру и посмотрите, на каком делении она остановилась. Вы узнаете крутизну склона.

2. С помощью эклиметра можно измерить высоту дерева или другого предмета. Для этого надо встать лицом к дереву, прицели-

вать или через канал трубочки на вершину дерева и понемногу отходить от дерева до тех пор, пока нитка с грузиком не окажется против деления 45°. Расстояние от дерева до того места, где вы остановились, плюс ваш рост до уровня глаз и будет равняться высоте дерева.

3. Используя эклиметр как нивелир, вы сможете измерить высоту холма или глубину оврага с пологими краями.

Для этого надо встать у подошвы холма и держать эклиметр так, чтобы нитка с грузиком всё время была на делении 0°, верхнее ребро пенала, где трубочка, лежало бы строго горизонтально. После этого, прицелившись по каналу трубочки на склон холма, надо заметить на скате точку и идти к ней вверх. Дойдя до этой точки, снова надо проделать то же самое. Когда вы дойдёте до вершины холма, подсчитайте, сколько было таких остановок. Предположим, что вы останавливались 6 раз, а ваш рост до уровня глаз — 1,2 м, то, умножив ваш рост на 6, мы получим высоту холма 7,2 м ($1,2 \text{ м} \times 6 = 7,2 \text{ м}$).

Так же измеряется и глубина оврага с пологими краями. А если края оврага крутые, его глубину можно измерять так же, как высоту дерева.

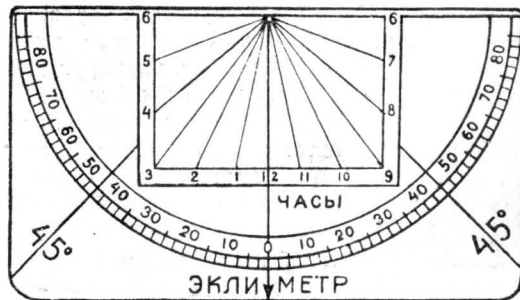

Рисунок 3.

СОЛНЕЧНЫЕ ЧАСЫ

На той же стороне пенала, где помещён эклиметр, начерчен циферблат солнечных часов (рисунок 3). Чтобы определить время, надо в отверстие, указанное на чертеже, поставить теневую палочку, а затем ориентировать часы по компасу так, чтобы цифра 12 была направлена на север. Тень от палочки и укажет нам солнечное время. Не забывайте, что декретное время на час вперёд.

ДАЛЬНОМЕР

В нашем пенале два дальномера. Для большей точности можно провести измерения двумя способами и сравнить результаты.

1. Чтобы измерить расстояние до какого-либо предмета, высота которого вам известна, надо взять пенал в левую руку, линейкой к себе. Вытянув руку (длина вытянутой руки 60 см), навести пенал на тот предмет, до которого вы хотите измерить расстояние. Глядя через верхний край прибора, выдвигайте линейку вверх и смотрите, сколько делений линейкой «закроют» предмет. Например, высота телеграфного столба, вы знаете, равна 6 метрам, а миллиметровых делений на линейке столб занял 10. Значит, расстояние до столба равно:

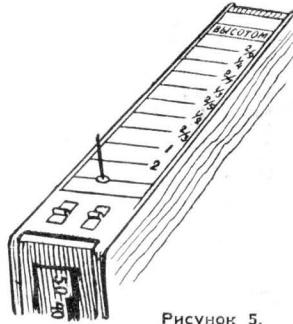
$$\frac{6000 \text{ мм} \times 600 \text{ мм}}{10 \text{ мм}} = 360 \text{ м}$$

2. Другим дальномером является сам корпус нашего пенала. Вынув из пенала коробочку с компасом и другими предметами, закроем крышку с вырезанной на ней «лесенкой». Деления «лесенки» означают $\frac{1}{10}$, $\frac{1}{20}$, $\frac{1}{30}$, $\frac{1}{40}$, $\frac{1}{50}$ длины пенала. На стенке, противоположной «лесенке», в центре

проколото шилом отверстие. Смотрим сквозь него на какой-либо отдалённый предмет, размеры которого нам известны (например, железнодорожная будка — 4,5 м). Если будка умещается как раз в прорези, равной $\frac{1}{40}$, значит, расстояние до неё — $4,5 \times 40 = 180$ м.

СОЛНЕЧНЫЙ ВЫСОТОМЕР

Его устройство совсем простое (рисунок 5). Каждое деление равно 6 мм, а палочка высотомера —

12 мм. Вы втыкаете её в отверстие, показанное на чертеже, и ставите против солнца.

Если тень от палочки падает на второе деление, где стоит цифра 1, значит, длина палочки равна длине её тени. То же самое можно сказать и про другие предметы. Если тень доходит до четвёртого деления, где стоит цифра $\frac{1}{2}$, значит, высота предмета равна половине длины его тени и т. д.

Н. Звескин

НОВОСЁЛЫ МОСКОВСКОГО ЗООПАРКА

На сорок четвёртой странице журнала перед вами раскрылся маленький зверинец. Не много в нём зверей, зато все они редкие и очень интересные. Это новосёлы Московского зоопарка, таких зверей мы получили впервые.

На верхнем снимке очковый медведь — житель Южной Америки. Там нет ни бурых, ни серых медведей, и очковый медведь — единственный представитель «медвежьей семьи». Назван он очковым за то, что у него на тёмном фоне шерсти, покрывающей голову, светложёлтые кольца вокруг глаз: ни дать, ни взять — очки!

Смешного зверька, как будто собирающегося произносить речь, зовут панда. Панда живёт в лесах Гималаев, на высоте от двух до четырёх тысяч метров. Она относится к семейству енотовых. Большинство животных этого семейства питается мясом, но панда — мирный, добродушный зверёк, любит ростки бамбука, плоды и коренья.

Панда Бао-бао приехала к нам из Китая, из Пекинского зоопарка, и быстро стала любимицей и сотрудников и посетителей Московского зоопарка.

А внизу страницы — в правом углу — тагуан, летающая белка. Водится она в Индии, на острове Цейлон и в Южном Китае. Передние и задние конечности у тагуана соединены перепонкой, свободно свисающей по бокам тела, а во время прыжка перепонка натягивается и действует, как парашют. С помощью этого природного парашюта тагуан совершает с дерева на дерево прыжки длиной до шестидесяти метров, планируя сверху вниз.

А юркий, гибкий зверёк на верхнем снимке справа — мангуст.

Вы, конечно, знаете про Рики-Тики-Тави? Кто не восхищался в детстве этим смелым героем киплингговской сказки, его борьбой со страшными кобрами Нагом и Нагайной! Теперь в Московском зоопарке появился Рики-Тики-Тави. Конечно, это не тот, о котором написано в книжке, но наш Рики-Тики тоже не даст спуска змеям. Он такой же отважный боец.

— Так вот где я узнаю, что за звери мне встретились на странице 44-й!

А. Коровина,

заместитель директора
Московского зоопарка.

В ЧАСЫ

ДОСЛОВА

ЗАДАЧА В КАРТИНКАХ

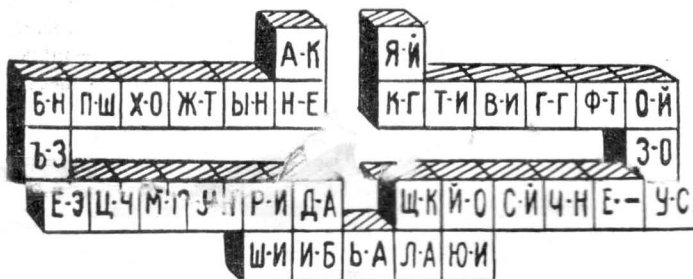
Литературная головоломка

Чтобы решить эту задачу, надо выписать слова, обозначающие все помещённые здесь рисунки, причём в любом из написанных вами слов должно быть чётное количество букв. Каждое слово разделите на две равные по количеству букв части и одну из них зачеркните, правую или левую. Из оставшихся букв, читая по ходу часовой стрелки, составится текст задачи — названия двух известных произведений Жюль Верна.

Составил В. Лысков

ЗАГАДОЧНЫЕ КУБИКИ

Кто твёрдо помнит порядок букв в алфавите, тот найдёт ключ к решению этой головоломки и прочтает, что здесь написано.

Составил Н. Янчиков

ЛЮБОПЫТНЫЕ ПОКУПКИ

В витрине клубного буфета были выставлены фрукты: яблоки по цене 50 копеек, груши по 1 рублю, лимоны по 2 рубля и апельсины по 3 рубля за штуку.

Один покупатель попросил продавца отпустить ему на 10 рублей столько яблок, груш и лимонов, чтобы общее количество их также равно было 10. Продавец исполнил его просьбу.

— Интересное совпадение! — удивился другой покупатель. — Не сумеете ли вы и мне подобрать на 15 рублей 15 штук яблок, груш и апельсинов?

Немного подумав, продавец удовлетворил и эту просьбу.

Случилось так, что, отпуская фрукты третьему покупателю, продавец продал ему на 20 рублей 20 штук яблок, лимонов и апельсинов.

Не скажете ли вы, по сколько яблок, груш, лимонов и апельсинов получили покупатели?

Составил П. Молоков

КАК ЗОВУТ МАЛЬЧИКА?

Четыре девочки встретили во дворе своего дома незнакомого мальчика.

— Как тебя зовут? — спросили они его.

— А как зовут вас? — спросил он вместо ответа.

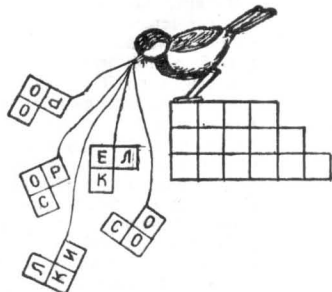
Девочки назвали свои имена: Лена, Валя, Паша, Рита. Немного подумав, мальчик сказал:

— Мое имя так же, как и ваши имена, состоит из четырёх букв. Начинается оно с той же буквы, как одно из ваших имён. Вторая буква моего имени совпадает со второй буквой другого вашего имени, третья буква совпадает с третьей буквой ещё одного вашего имени, и последняя буква совпадает с последней буквой четвёртого из ваших имён. Ну вот, теперь вы знаете, как меня зовут.

Девочки задумались: им пришлось решать эту задачу в уме. А вы решите её, конечно, быстрее, имея журнал перед глазами.

Составил И. Круковский

КАКИЕ ГОРОДА?

Таблички с буквами, которые тащит синица, разместите в клеточной фигуре таким образом, чтобы в горизонтальных рядах можно было прочитать названия трёх советских городов, одноимённых с названиями известных вам птиц.

Составил М. Туровец

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ АНАГРАММА

Напишите название столицы одного из азиатских государств. Переставьте порядок букв в этом слове,

и вы получите название другого крупного города — прежней столицы этого же государства.

Составил Ю. Назаров

ДВОЙНАЯ ЗАДАЧА

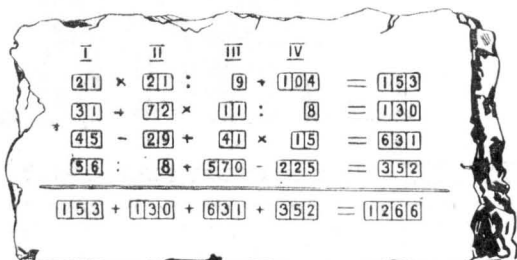
Попробуйте сложить из этих треугольников такой квадрат, чтобы получился ребус, в котором зашифрован текст известной народной поговорки.

Составил В. Завьялов

ОТВЕТЫ

на задачи, помещённые в № 4

ЗАДАЧА НЕИЗВЕСТНОГО МАТЕМАТИКА

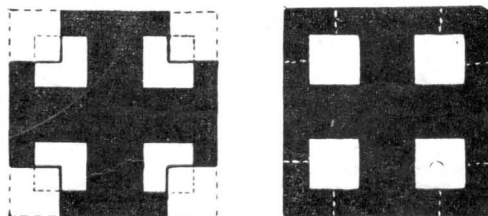
РУССКИЕ ХУДОЖНИКИ

Репин, Верещагин, Суриков, Венецианов, Айвазовский, Шишкин.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАГАДКИ

1. «Варшавянка» и «Марсельеза».
2. Колумбия.
3. Река Айдар — левый приток Северного Донца; писатель Гайдар.
4. «Старая» Зеландия, вернее, просто Зеландия, — самый большой из островов Дании.
5. Остров Кенгурч
6. Город Тюль.

ИЗ ОДНОЙ ФИГУРЫ — ДРУГАЯ

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ КРОССВОРД

По вертикали: 1. Волга. 2. Компас. 3. Бриз. 4. Накин. 5. Китай. 8. Аньшань. 10. Миссури. 15. Ганг. 16. Киев. 17. Ялта. 19. Магадан. 20. Дудинка. 27. Америка. 28. Вена. 29. Гоби. 30. Омск. 31. Флорида. 35. Ангара. 36. Тундра. 37. Дунай. 40. Гурон. 46. Кама.

По горизонтали: 6. Токно. 7. Алжир. 9. Миниган. 11. Онега. 12. Дания. 13. Баку. 14. Ишим. 18. Кавказ. 21. Тибус. 22. Лаперуз. 23. По. 24. Урал. 25. Рига. 26. Ош. 32. Марокко. 33. Беринг. 34. Остров. 38. Анды. 39. Амур. 41. Округ. 42. Кудды. 43. Ашхабад. 44. Памир. 45. Радом.

Редакция: Ильина Н. В. (редактор), Каврин В. А., Кассиль Л. А., Орджоникидзе В. Н. (заместитель редактора), Орлов В. И., Поддубная В. А. (ответственный секретарь), Прилежаева М. П., Сотник Ю. В., Тимофеева Г. Я., Шмаринов Д. А.

Адрес редакции: Москва, Д-47, улица «Правды», 24, комната 235, тел. Д 3-30-73. Технический редактор А. Ефимова. Тираж 300 000 экз. Изд. № 369. Зак. 939. Рукописи не возвращаются.

А 05813. Подписано к печати 24/IV 1956 г. Форм. бум. 84x108^{1/16}. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.